ПОЛВЕКА МОСКОВСКОГО МЕТРО

АДРЕС ОПЫТА — КЛАЙПЕДА

БАЛЛАДА РАСУЛА ГАМЗАТОВА

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 20 МАЙ 1985

Гвардии майор В. А. Сорокин.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 20 (3017)

11—18 МАЯ

БРАТЬЯ

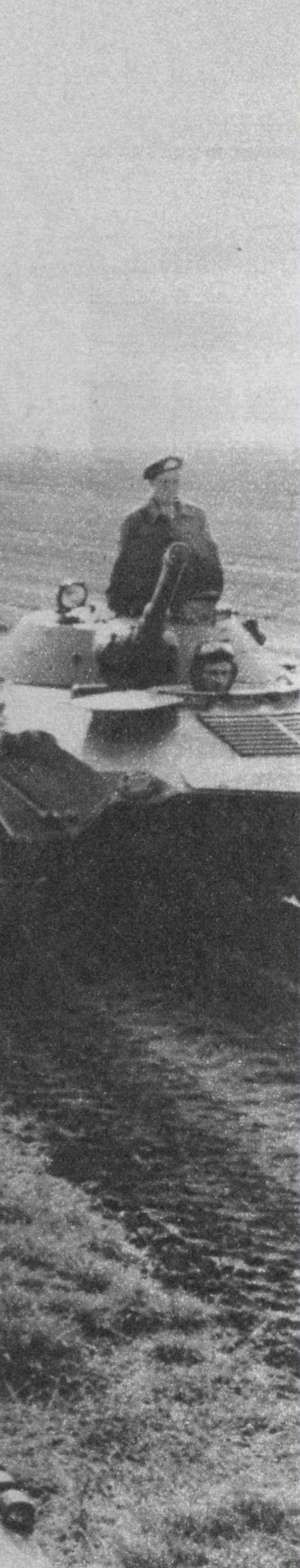

Полеты были успешными.

На командном пункте Чехословацкой народной армии.

К 30-ЛЕТИЮ
ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА

В 1949 году западные державы под эгидой США создали военный блок — НАТО. В штабах стран НАТО стали разрабатываться планы нанесения ядерных ударов по странам социализма, и прежде всего по СССР — вчерашнему союзнику США, Англии и Франции в битве с фашистской Германией. Все это вынудило нашу страну и братские страны принять ответные меры: в мае 1955 года в Варшаве был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между социалистическими государствами Европы. Так родился военно-политический союз социалистического содружества, провозгласивший своим образованием миру о том, что у нас есть что защищать и чем защищаться от агрессивных устремлений империалистических кругов.

Свою добрую волю и искреннее стремление к упрочению мира страны — члены Варшавского Договора не раз подкрепляли конкретными мирными инициативами. К сожалению, НАТО не только их не принимает, но и наращивает силы. Создавшаяся ныне по вине реакционных империалистических кругов обстановка вызывает необходимость постоянного усиления бдительности и готовности выступить на защиту социалистических завоеваний.

Вот почему с повестки дня не снимается вопрос о дальнейшем укреплении Организации Варшавского Договора. С новой силой это было продемонстрировано в столице Польской Народной Республики, где 26 апреля сего года на встрече высших партийных и государственных деятелей стран — участниц Варшавского Договора состоялось торжественное подписание «Протокола о продлении срока действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанного в Варшаве 14 мая 1955 года».

Мир нуждается в защите, и он будет надежно защищен! Наши друзья могут быть в этом уверены, и никаких иллюзий не должны питать по этому поводу всевозможные «ястребы».

Фото Д. ГЕТМАНЕНКО

Десант с моря.

ПО ОРУЖИЮ

Советские саперы делают проходы в проволочном заграждении.

Командир взвода связи Венгерской народной армии лейтенант М. Чаба.

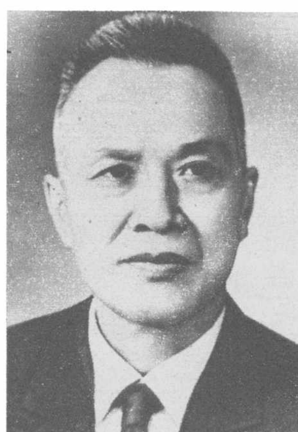

Есть о чем поговорить после учений воинам Национальной народной армии ГДР и Болгарской народной армии.

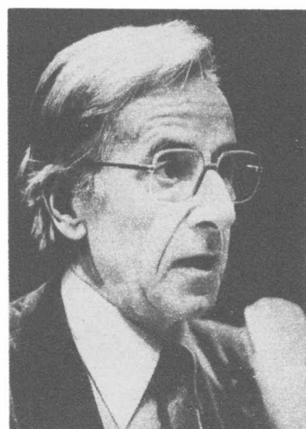
ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ «ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МИРА МЕЖДУ НАРОДАМИ» ЗА 1983—1984 ГОДЫ

Индира Ганди, государственная и общественная деятельница, Премьер-Министр Индии (посмертно).

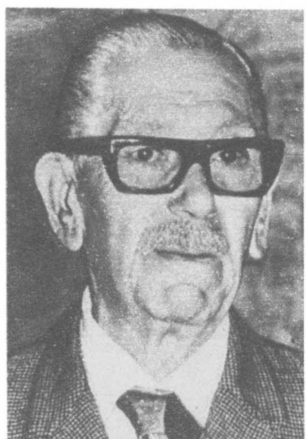
Нгуен Хыу Тхо, заместитель Председателя Госсовета СРВ, Председатель Национального собрания СРВ.

Йозеф Вебер, политический и общественный деятель (ФРГ).

Жан-Мари Легэ, президент Всемирной федерации научных работников, профессор, общественный деятель (Франция).

Луис Видалес, поэт, писатель, общественный деятель (Колумбия).

Ева Пальмер, общественная деятельница (Швеция).

Гаванский Дворец пионеров.

НАУКА ДРУЖБЫ

8 мая 1960 года между Советским Союзом и Кубой было подписано соглашение о восстановлении дипломатических отношений. С тех пор прошло ровно четверть века, и дружеские связи между нашими странами вылились в тесное сотрудничество во всех областях.

«Будущее нашей Родины должно принадлежать ученым» — эту фразу Фиделя Кастро вам напомнят на Кубе в любом научном или учебном институте и расскажут, какое участие лично принимал вождь кубинской революции в создании именно этого учреждения.

Напомнила мне эти слова и Хозефина Печардо, начальник отдела биоинженерии Национального центра научных исследований Кубы, организованного двадцать лет назад, в 1965 году.

Хозефина Печардо окончила технологический факультет Гаванского университета. Ее специальность — цитрусовые, богатство Кубы.

— Чего только нельзя получить из этих плодов! — рассказывает она.— Это я вам с полной ответственностью говорю, как инженер-технолог.— И, загибая пальцы, перечисляет.—Сок—раз, витамины—два, лекарства и медицинские препараты, особенно для сердечно-сосудистых заболеваний,— три, эфирные масла для пищевой, парфюмерной, химической промышленности—четыре, желатин—пять. И еще мармелад, цукаты, варенье. Пальцев на двух руках не хватит. Ведь используется все — сок, кожура, жмых. А то, что остается, измельчается и идет на корм скоту.

Наиболее полное использование цитрусовых, получение из них новых препаратов для пищевой и химической промышленности, медицины, парфюмерии — задача одного из отделов Центра.

Здесь же досконально изучается главная на Кубе культура — сахарный тростник. Исследователи ищут и находят пути наиболее активной кристаллизации при производстве сахара, новые вещества, способные скорее и дешевле очищать его, делать белоснежным, разрабатывают методы получения из отходов сахарного производства продуктов, необходимых в химической промышленности, например, пластмасс, красок, даже антикоррозийных покрытий.

Этого научного центра еще не было, когда в самом начале 1960 года Советский Союз закупил у Кубы 100 тысяч тонн сахара, от которого отказались капиталистические страны. И тогда же, в феврале 1960 года, в Гаване открылась советская торгово-промышленная выставка. За три недели ее посетили 800 тысяч кубинцев. Смотр индустриальных достижений нашей страны как бы дал старт торгово-промышленному сотрудничеству между СССР и Кубой.

При содействии СССР на Кубе построено и реконструировано более 60 промышленных предприятий, модернизировано 135 сахарных заводов, оборудовано около 140 учебных центров по подготовке научных кадров. Огромную роль сыграл и Национальный центр научных исследований, тесно сотрудничающий с Советским Союзом.

Уважение и любовь к знанию, к науке на Кубе прививают с малолетства. Мне посоветовали непременно побывать в Гаванском Дворце пионеров, что расположился в огромном тенистом парке имени Ленина.

Гордостью страны Пионерии по праву считается сахарный завод. Ребята самостоятельно из выращенного и убранного ими самими сахарного тростника выпускают настоящий первоклассный сахар. Двести пятьдесят килограммов за трехчасовой рабочий день! Пусть пока немного, его хватает для пионерского лагеря имени Хосе Марти, куда ребята передают свою продукцию. Но они уже непосредственно ощущают пользу своего труда.

Занимаются с пионерами опытные специалисты-сельскохозяйственники, инженеры, ученые, в том числе и из Национального центра научных исследований.

В прекрасно оборудованных лабораториях Национального центра побывали многие выдающиеся ученые из Советского Союза и других социалистических стран. Да и кубинцы — частые гости в научных институтах Советского Союза. Общие интересы подкрепляются доброй человеческой дружбой. Например, над новым методом очистки сахара с помощью озона вместе с кубинцами работали москвичи из Института химической физики Академии наук СССР, который возглавляет лауреат Ленинской и Нобелевской премий академик Николай Николаевич Семенов. С большой теплотой рассказывал мне о своих московских коллегах кандидат химических наук Рубен Рамос Лескано.

Другой ученый, Педро Антонио Вальдес, буквально влюблен в Ленинград, где работает его руководитель академик Н. П. Бехтерева. «Это выдающийся ученый и удивительно интересный человек,— говорит Педро.— Я многим обязан Наталии Петровне».

Тема их работы лежит на стыке медицины, кибернетики, математики: «Математические изменения деятельности мозга, изучение тонких процессов, происходящих в его клетках».

Большая группа кубинских ученых тесно сотрудничает с исследователями из Новосибирского академгородка. Признанный лидер по сварке металлов взрывом Институт гидродинамики имени академика М. А. Лаврентьева Сибирского отделения АН СССР постоянно помогает гаванцам в этих исследованиях.

«С помощью советских ученых разработан и успешно выполняется план ускоренного развития Республики Куба на период до 1990 года,— считает президент Академии наук Кубы Вильфредо Торрес.— Этот комплексный документ убедительно говорит о нацеленности наших согласованных усилий на скорейший выход кубинской экономики к передовым рубежам».

Ванда **БЕЛЕЦКАЯ**

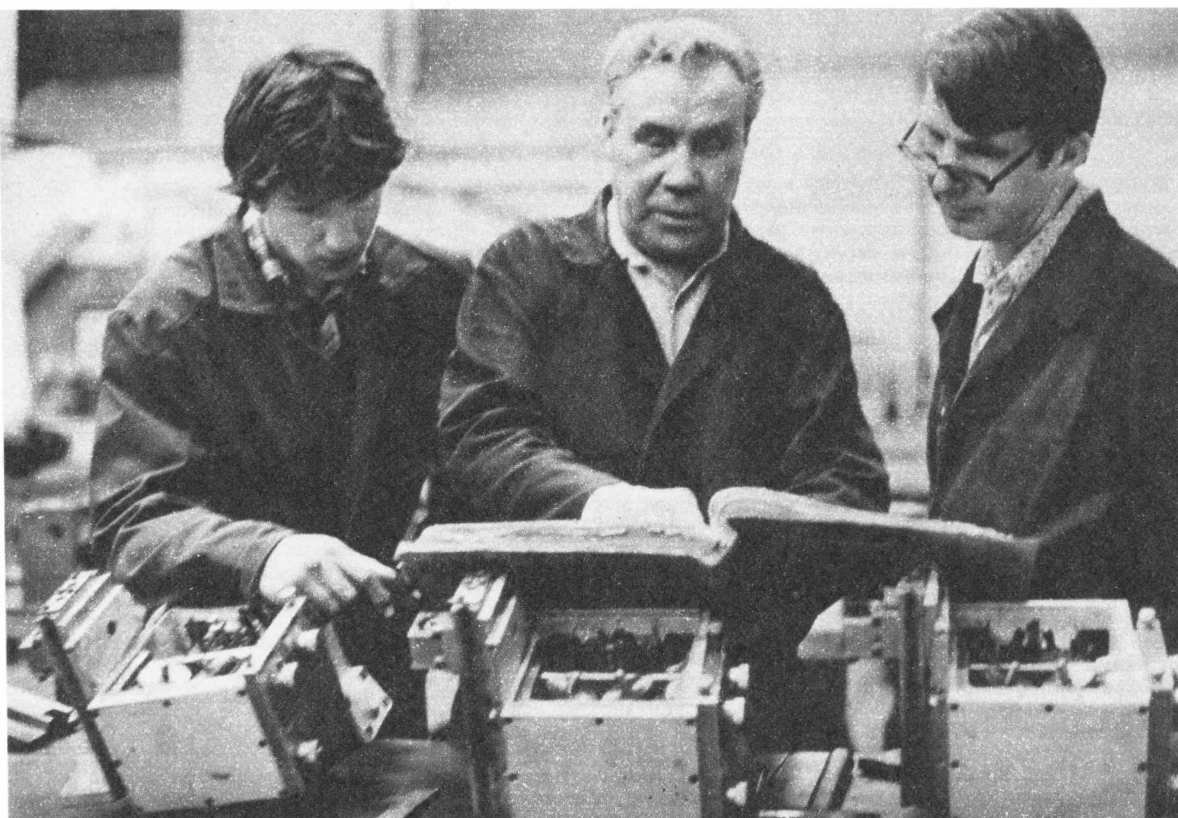
Гавана — Москва.

Ударным трудом

4 мая на Московском заводе шлифовальных станков, как во всех трудовых коллективах столицы и Союза, был проведен субботник, посвященный 40-летию Победы.

В числе других активно работал в этот день слесарь-сборщик завода ветеран войны и труда Михаил Иванович Поляков.

Наш корреспондент встретился с ним на субботнике.

Михаил Иванович Поляков (в центре) и его ученики Игорь Медведев и Николай Каковкин.

Фото А. Бочинина

«Что сегодня больше всего волнует рабочий коллектив?» — спросили мы у Михаила Ивановича. Ответ был коротким и четким: «Необходимы высокая производительность, хорошее качество и никакого брака. Об этом убедительно сказано на апрельском Пленуме ЦК КПСС. И пашня, и завод требуют новых усилий, большой работы».

Поляков принадлежит к старшему поколению. Ему 68 лет. Слесарить стал еще в сорок первом. Но началась война, и завод срочно перестроился на военный лад, эвакуировался в Челябинск, а Михаил добровольцем ушел на фронт. Воевал до Победы. Был ранен, удостоен боевых наград. Вернулся домой и опять на свой шлифовальный. Монтировал сложнейшие станки для авиа- и автомобилестроения. Выйдя на пенсию, сидеть дома не стал: перешел в сборочный цех. Здесь, как нигде, нужна предельная точность: узлы рождаются из сотен маленьких деталей.

Нельзя еще не сказать, что Поляков прекрасный наставник, охотно делится опытом с теми, кто уступает ему в мастерстве, знаниях.

— Подход к обучению у Михаила Ивановича особый,— заметил самый молодой его ученик, Игорь Медведев.— Если что у нас не получается, будет сколько угодно показывать, пока своего не добьется.

— Наш завод выступил одним из инициаторов коммунистического субботника, посвященного сорокалетию Победы. Мы в этот день добились самой высокой производительности труда,— рассказывал Михаил Иванович.— Заработанные двенадцать тысяч рублей перечисляем на строительство памятника Победы в Москве. Это — святое дело. Сорок четыре года прошло с тех пор, как на советской земле разорвалась первая бомба. Но память о пережитом не стынет. Хочу, чтобы люди новых поколений, не знавшие ужасов войны, не забывали о тех, кто не вернулся с поля боя, чтобы несли в своих сердцах великую и чистую гордость за подвиги солдат, выстоявших в борьбе с фашизмом. Радуюсь, что с годами у людей не угасает стремление побольше узнать о героях войны. Знаю это и по своему внуку. Любимая наша прогулка с ним — на Красную площадь, где мимо Мавзолея в сорок первом прошли защитники Москвы. С площади — прямо в окопы! Мела поземка, скрипели замерзшие сапоги по камням. Только через долгих три с половиной года дождалась страна праздника. Вернулись наши воины и на мокрую брусчатку бросили вражеские знамена. Обо всем этом я рассказываю внуку, а 9 Мая мы положим на могилу Неизвестного солдата цветы.

З. КРЯКВИНА

ЛИШЬ ТРЕТЬИ

Выиграв все семь матчей первого круга, советские хоккеисты в субботу 27 апреля в 23-й раз стали чемпионами Европы. Однако, когда на следующее утро они снова вышли на тренировку во Дворце спорта, старший тренер сборной СССР В. Тихонов обратился к игрокам с просьбой:

— Я убедительно прошу вас забыть о том, что мы чемпионы Европы, что мы всех обыграли и оторвались на пять очков от всех нынешних соперников по финалу. Отрыва этого нет — начинаем с нуля, а воспоминания о прошлых победах не должны нам помешать хорошо сыграть в трех предстоящих матчах со сборными Чехословакии, Канады и США. Вы и без меня знаете, но напомню: проигрыш даже одного из них способен перечеркнуть все наши достижения.

Да и мы, журналисты, считали, что единственное, чего следует опасаться, это того, чтобы уверенность в своих силах у наших мастеров хоккея не переросла в самоуверенность, как это было в Лейк-Плэсиде, и стоила нам олимпийского золота в 1980 году, как это было минувшей осенью на родине хоккея в полуфинальном матче Кубка Канады с «кленовыми листьями».

Кто бы мог подумать, что эти опасения станут реальностью и два поражения в финале перечеркнут все достижения нашей команды? Пройдет, наверное, немало времени, пока специалисты доберутся до самых корней нашей неудачи. Она кажется сейчас нелепой случайностью: Мышкин поскользнулся и дал возможность Ружичке забить шайбу в открытые ворота. Промедлили наши защитники, и канадец Лемё забил шайбу, вдохновившую его товарищей. Случайности? Увы, нет. За ними проглядывает логика неудачи, которую не сумели вовремя раскрыть тренеры нашей команды.

Не в том ли дело, что мы привыкли играть все матчи в полную силу, как говорится, от души, и обычно не учитываем того, что может быть использована и другая тактика, тактика разведки, как ее условно можно было бы назвать. Мне кажется, что эту тактику блестяще применили в первом матче с нашей командой тренеры чехословацкой сборной. Они окончательно проверили в матче свой план бросить против нашей ведущей пятерки звено не Руснака, а Пашека и прежде всего испытали эффективность своей новой тактики, основанной на плотном заслоне и в нейтральной зоне, и у ворот.

И ведь был же один признак, достаточно красноречиво говоривший о намерении тренеров чехословацкой сборной: они поставили в воротах не Кралика, а Шиндела, который не очень удачно играет против нас. Мы не поняли тактики хозяев площадки, играли с ними всерьез в испытанных не раз позициях. Зато тренеры канадцев прекрасно разобрались в ситуации, создавшейся и в первой, и во второй игре команды СССР с чехословацкой сборной, и воспользовались тактикой хозяев льда во встрече с нами. Итог известен: два поражения нашей команды подряд, и судьба золотых медалей была решена во встрече сборных Чехословакии и Канады. В этом матче чехословацкие хоккеисты еще раз продемонстрировали свои великолепные возможности и стали чемпионами мира.

Таковы лишь беглые впечатления сразу после чемпионата. Но и теперь уже ясно, что сборная должна иметь четыре равноценных пятерки, а не одну, как сейчас, что она должна пополняться не только за счет одной команды, хоть и очень сильной.

В. ДВОРЦОВ,
корр. ТАСС —
специально для «Огонька»

Прага, по телефону.

Великая дочь Индии

Николай **ПЕГОВ**

Выдающемуся государственному и общественному деятелю Индии Индире Ганди присуждена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами» (посмертно). О встречах с Индирой Ганди рассказывает в своих воспоминаниях Н. Пегов, который был Чрезвычайным и Полномочным послом Советского Союза в Индии.

Глубокой болью отозвалась в сердцах миллионов советских людей трагическая гибель премьер-министра Индии, славной дочери великого индийского народа, выдающегося государственного и политического деятеля Индии, пламенного борца за мир и безопасность народов, большого друга Советского Союза — Индиры Ганди.

Этой трагедии предшествовали тревожные события, связанные с небывалой активизацией в стране деятельности экстремистских и сепаратистских сил, особенно на северо-востоке Индии и в штате Пенджаб, где выступления экстремистов приняли форму организованного терроризма. Пользуясь этим, индийская реакция при поддержке внешних сил создала большие трудности для правительства. Обстановка в стране с каждым днем все накалялась. Индира Ганди в те дни бесстрашно разъезжала по стране, призывая население к единству и братству.

На массовом митинге 30 октября 1984 года она вновь страстно выступила за укрепление национального единства и территориальной целостности Индии, за решительное противодействие сепаратистским силам и тенденциям. На другой день она была убита.

Политические взгляды Индиры Ганди, родившейся в ноябре 1917 года, формировались под сильным влиянием мировоззрения ее отца Джавахарлала Неру, который с юных лет был одним из активистов партии Индийский национальный конгресс, выступавшей за предоставление Индии независимости. В 30-е годы он возглавил левое крыло ИНК и стал руководителем борьбы за национальную независимость. Индира Ганди настойчиво продолжала дело отца, подвергалась арестам и тюремному заключению.

Когда же колонизаторам-англичанам, господствовавшим в стране почти двести лет, под воздействием освободительной борьбы индийского народа пришлось уйти, они приложили немало усилий, чтобы удержать индийские массы в сфере своего идеологического влияния, насаждая среди них антисоветские и антикоммунистические взгляды. От них не отставали и американские «специалисты» из «корпуса мира», работавшие в различных городах и деревнях Индии.

Однажды, возвращаясь в Дели из Бомбея, где я был по служебным делам, я остановился на полпути в небольшом городе. Пока шофер заправлял машину бензином, я потихоньку пошел по дороге. Меня обогнал на велосипеде парень-индиец и попросил сигарету. Мы закурили. Он поинтересовался, откуда я, и, узнав, что я советский человек, неожиданно спросил, что такое коммунизм.

— А в связи с чем тебя это интересует?

— Наш городок очень маленький. Все мы друг друга хорошо знаем. Живет среди нас молодой американец. Говорит, что он из «корпуса мира». Я с ним дружу. Он хорошо играет на гитаре, читает нам книжки, а если кто-нибудь заболеет—лечит, дает какие-то таблетки. Как-то я задал ему этот же вопрос, и он наговорил мне о коммунизме много страшных вещей. А я думаю, что коммунизм — это хорошо, но вот как объяснить людям, не знаю...

— Ну что же, тогда давай присядем!

Мы устроились прямо у дороги, и я старался как можно популярнее рассказать парню о Советском Союзе, его людях и делах. Он искренне благодарил меня, на прощание обнял, и мы расстались...

Вернувшись в посольство, я собрал молодежь, которая работала у нас, и, рассказав о моей встрече с этим пареньком, предложил им выехать в городок, где он живет, с концертом самодеятельности.

Вскоре после этого мне довелось беседовать с премьер-министром Индирой Ганди, и я поделился с ней своими впечатлениями о встрече на дороге. Она умела хорошо слушать собеседника, и я был рад, что она одобрила мою идею о поездке в тот городок наших ребят с концертом самодеятельности...

Советский Союз и Индию связывают крепкие узы крупномасштабного, стабильного и долговременного сотрудничества.

Главное, что прежде всего определяет наше плодотворное, динамично развивающееся сотрудничество,— это близость коренных интересов народов обеих стран.

Советский Союз щедро и бескорыстно оказывал и оказывает содействие Индии в подъеме национальной экономики, в создании мощного государственного сектора, и прежде всего в отраслях, составляющих основу самостоятельного развития страны: черной металлургии, машиностроении, энергетике, нефтяной промышленности. Эти основные направления советско-индийского сотрудничества дополнялись двусторонними соглашениями в области угольной промышленности, приборостроения, сельского хозяйства, подготовки специалистов.

«Экономические отношения между нашими странами,— отмечала Индира Ганди,— стали образцом честных, равноправных отношений стран с различными социально-экономическими системами».

Индира Ганди была большим другом Советского Союза и внесла существенный вклад в укрепление дружественных отношений между нашими двумя государствами.

...По-женски внимательная и ласковая к людям, она всегда старалась терпеливо выслушивать человека. Зная, что перед ее домом для встречи с нею собираются люди, она каждое утро рано выходила из дома и на лужайке вела задушевные беседы. С этого начинался ее рабочий день, и можно было только удивляться, как ей удавалось всегда быть бодрой, вдохновенной, сияющей!

Великая дочь Индии тянулась к людям, а они к ней. Но жизнь — это не гладкая дорога, и однажды она пережила трагедию. В 1980 году разбился на спортивном самолете ее младший сын. В те тяжелые дни сотни людей шли к ней, чтобы выразить сочувствие, облегчить ее страдания. Но она просила оставить ее одну, неотлучно около нее был только сын Раджив.

Во внуках она души не чаяла, и много раз, бывая в резиденции премьер-министра по делам, я видел Индиру Ганди в перерывах между работой со своими внуками. Это были ее счастливые минуты отдыха.

...Однажды после выступления ансамбля Моисеева в Дели Игорь Александрович попросил Индиру Ганди принять его. Она предложила: «Приходите со всем ансамблем, там такие молодые, красивые русские девушки и так хорошо танцуют!» Она встретила участников ансамбля в саду с внуком. Встреча прошла в задушевной беседе, и ни ей, ни нам не хотелось расставаться. Мы говорили о многом и, конечно, радовались тому, что свершилось недавно: два великих народа — советский и индийский — заключили в 1971 году Договор о мире, дружбе и сотрудничестве, выдержавший испытание временем.

Этот исторический документ не только закрепил результаты плодотворного развития дружественных отношений, но и заложил прочную основу для их дальнейшего расширения и углубления. Я видел, с какой тщательностью и азартом работала Индира Ганди с нами над каждой статьей, над каждой строкой этого договора. Почти два года трудились мы над тем, что составляет теперь суть этого документа. Индира Ганди проявила себя не только как крупный политический, государственный деятель, но и как блестящий юрист. Ведь она имела почетные дипломы доктора гражданского права Оксфордского университета, доктора юридических наук Пенджабского университета, доктора права Московского государственного университета.

Я всегда удивлялся тому, как она могла успевать всюду. Во время закладки первого камня при строительстве металлургического завода в Бокаро там должен был состояться митинг. Вылетели мы вместе с ней на ее маленьком самолете. Если она волновалась или нервничала, я это заметил, то почти всегда рисовала женские головки с удивительно хорошими прическами. Так было и сейчас в полете. В Бокаро ее встречала огромная толпа в триста тысяч человек, и, едва Индира Ганди сошла с самолета, людская волна буквально подхватила ее.

Ознакомившись с началом строительных работ по сооружению завода, посадив по деревцу, как это принято в Индии, после выступлений на митинге мы этим же самолетом вылетели обратно в Дели. Когда набрали высоту, я спросил Индиру Ганди, как она себя чувствует. Улыбаясь, она ответила:

— Прекрасно! А знаете почему? Сегодня утром мне сообщили, что за годы независимости продолжительность жизни в Индии удвоилась. Если при англичанах она составляла 27 лет, то теперь 50! Мы, к примеру, почти полностью победили малярию, когда-то уносившую в могилу миллионы человеческих жизней.

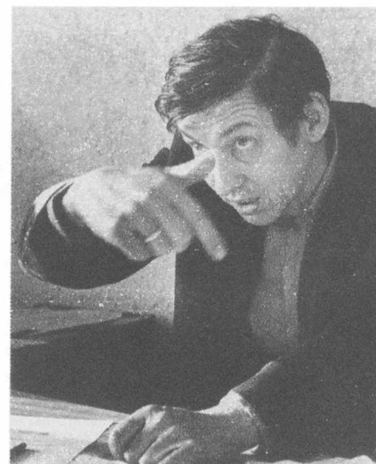
...В последний день своей жизни Индира Ганди рано утром вышла на лужайку перед домом, где собирались те, кто хотел повидать ее. Быстрым шагом она подошла к белой калитке, отделяющей личную резиденцию премьер-министра от служебного коттеджа. Как всегда, сотрудник охраны Беант Сингх отсалютовал и открыл калитку. Шагнуть она не успела. Беант Сингх выстрелил почти в упор. Индира Ганди упала. Мгновенно с другой стороны прозвучала автоматная очередь. Сатвант Сингх выпустил в лежащую женщину двадцать пуль. Еще три раза выстрелил из пистолета Беант Сингх.

Она знала, какая страшная опасность ей угрожала. Буквально за день до своей гибели, на массовом митинге в штате Орисса, И. Ганди сказала, что если ее убьют, то даже ее смерть послужит делу дальнейшего развития сильной и единой Индии. Новое руководство страны во главе с Радживом Ганди восприняло эти слова как политическое завещание, как призыв продолжать укреплять национальное единство, территориальную целостность и суверенитет Индии, ее миролюбивый независимый курс в международных делах.

Индиры Ганди не стало. Но остаются вечными братство и единство коренных целей двух наших великих народов.

ДОРОГА НА ЯМБУРГ

Пурга стихает.

Главный инженер треста «Уренгойтрансстрой» Лев Борисович Саханцев.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ, фото Игоря ГАВРИЛОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

Газ Ямбурга — это топливо двенадцатой пятилетки. Стремительными темпами идет подготовка к вводу в действие нового крупного месторождения. Решающую роль при этом сыграет железная дорога Уренгой — Ямбург, строительство которой началось осенью 1984 года.

Дороги дальше не было. Дорога уткнулась в мост, который пока не существовал. Саханцев стоял на последнем, оборванном метре земляного полотна, смотрел на зияющий разрыв и прикидывал, когда укладку смогут двинуть дальше. Вчера по программе «Время» он, главный инженер треста «Уренгойтрансстрой», услышал, что дорога шагнула в сторону Ямбурга на три десятка километров. Льву Борисовичу было досадно за неточность: на картах и схемах мост через этот безымянный ручей значился на отметке «27 километров». Впрочем, как считать. Полотно было отсыпано почти на пятидесяти километрах трассы. Укладка могла быть уже далеко за отметкой «30», если б не этот — и всего-то одиннадцатиметровый — мосточек.

Укладка — вершина пирамиды. Укладка — хотя и не конечный, но наглядный и, будем откровенны, эффектный итог работы путейцев. «Но укладка-то никогда не станет задерживать»,—думал сейчас Саханцев. Мосты, мосты и еще водопропускные трубы — вот что порой сбивало темп.

Строительство искусственных сооружений то здесь, то там натыкалось на нехватку техники. И на мороз. Несколькими днями раньше на станции Коротчаево была зарегистрирована температура МИНУС ШЕСТЬДЕСЯТ ДВА ГРАДУСА!

Ну, да ладно, они давно привыкли относиться к морозу и пурге скорее не как к природным явлениям, а как к условиям работы.

— Когда приступаете? — спросил Саханцев начальника 111-го мостостроительного отряда Игоря Евликова.

— Послезавтра. Буровой станок уже опробовали, все нормально.

Монтер пути Евгений Ремес.

Станция Еваяха

Проектно-изыскательские работы на Ямбургском направлении вел институт «Ленгипротранс». И потому путь мой на строительство трассы начался в Ленинграде.

— К изысканиям приступили в позапрошлом году,— сказал главный специалист отдела железных дорог института А. Я. Хралов.— Работали шесть изыскательских партий — триста человек.

Местность ровная, изобилует болотами и озерами. Множество рек и речек. Будет шестьдесят мостов. Самый большой — через реку Хадуттэ, на 160-м километре. Его длина — 770 метров. Однако открыть рабочее движение поездов на том участке намечено пока по обходному пути, по временному мостовому сооружению. Это нормально, экономически оправдано. 1 июля 1986 года в Ямбург должен прийти первый рабочий поезд.

Осадков здесь выпадает сравнительно немного, но господствуют сильные ветры, а потому значительные переносы снега. Поезд на разъезде за полчаса может занести по окна. Поэтому спроектировано высокое земляное полотно. И вот тут вопрос непростой. До 160-го километра грунт для отсыпки полотна худо-бедно, но есть. Правда, некоторые карьеры будут в 20—25 километрах от места отсыпки, но это не так страшно. А вот дальше 160-го начнутся карьеры с сильно льдистыми песками. С ними строители железных дорог дела пока не имели. Насыпь из этих твердомерзлых песков после летнего протаивания осядет так, что не спасет никакая балластировка. Как быть? Вопрос предстоит решать.

— Кабы только это! А сколько летом комаров и мошки,— продолжал Хралов.— Содержание кислорода в воздухе понижено, что может сказываться не только на людях, но и на машинах: двигатели тепловозов теряют мощность.

Плохо с камнем для балластировки земляного полотна. Балласт возят с Урала. Очень сильны весенние паводки, и крайне медленно сходит вода, ведь местность ровная, а вода фильтруется плохо — мерзлота.

С мерзлотой отношения у строителей вообще будут сложные. В тех местах она весьма своеобразная и капризная. Особенно много крови попортит она мостостроителям.

На пути у меня была встреча в Тюмени с генеральным директором объединения «Тюменьстройпуть» М. М. Бородановым.

— Построили мы дорогу от Тюмени,— вспоминал Михаил Матвеевич.— 1370 километров. Трудной она оказалась. Но та, что строим сейчас, намного труднее. И все же мы были готовы к этому. Есть, однако, трудности незапланированные, их могло и не быть. Плохо, например, обстоят дела с поставкой рельсов. Ждановцы пока дают нам лишь незначительную часть плановых поставок. Не хватает машин для транспортировки и укладки водопропускных труб, приходится одалживать машины то у газовиков, то у нефтяников. Не хватает бульдозеров, самосвалов...

* * *

Мы с Саханцевым ехали по притрассовой автодороге на вахтовом «Урале». Главному инженеру нужно было попасть на 45-й километр, где базируется 15-я мехколонна, занятая отсыпкой земляного полотна. Сказал, что, по его приметам, к вечеру мороз должен отпустить: ветер менял направление на южное, а значит, жди пурги. Но пока что вокруг яркого солнца торжественно и празднично сиял вполнеба трехцветный ореол, вырастая подковой из-за горизонта...

Поломка, что произошла у нас, была небольшой, обычной: сорвало патрубок в системе охлаждения двигателя, и вытек весь антифриз. Патрубок наладить — дело нехитрое, но пришлось долго растапливать снег паяльной лампой, чтоб набрать воды в радиатор. Стояли, как показалось, часа три, а на самом деле почти вдвое меньше. Мороз достал крепко, хотя с экипировкой у нас было все нормально. Я тогда подумал, что вот, мол, и вкусил, почем фунт водительского лиха, вот и прикоснулся к бытию его тяжкому. Однако сейчас, спустя время, вспоминая размещенные в нем события, наблюдения, беседы, я уже думаю иначе. Нет, бытие это одним прикосновением не ощутить. Глянуть на руки свои и его, водителя Севера, да и сравнить...

...Который час трясемся вместе с Анатолием Кузьминым, бригадиром водителей 15-й мехколонны. Стонет, надрывается тяжеловесный КрАЗ. Кажется, вот-вот что-то оборвется в его могучем организме. Однако по неизменной ухмылке Кузьмина в разухабистые гуцульские усы да неспешной его речи догадываюсь, что ничто самосвалу не угрожает и дела у водителей идут, катятся совсем неплохо. И верно: от карьера до насыпи не больше километра, выработка хо-

Бурение скважин под опоры моста в вечной мерзлоте.

рошая, поломок нет. Правда, карьер не сильно богатый, но как только иссякнет, заведут под экскаватор лыжи, которые лихие здешние умельцы справили из труб большого диаметра, подцепят к тому же КрАЗу, да и вперед, в другой карьер, благо путь до него на этот раз недален. Любо-дорого смотреть на летящий по тундре экскаватор!

Кузьмин не больно велик и статен, но огромная кразовская баранка в его руках словно тонет. Наверное, это от манеры, от формы обращения с машиной. Тут и ловкость, и любовь, и понимание всей значительности ДЕЛА, которое он сейчас вершит, а потому — ощущение своей незаменимости. И я в эту незаменимость уже который час верю!

Вот он подъехал к карьеру, развернулся, подал назад, к экскаватору. Полным газом подал. Пять метров ходу-то, а словно чечетку отбил да причмокнул. И замер. Конечно же, точь-в-точь под ковш. И не нужен ему гудок машиниста экскаватора Андрея Власа: «Стоп!», а потом: «Трогай». Как спринтер, подгадавший выстрел стартера, срывается Кузьмин с места, бьет по газам и с тем же ревом и посвистом молодецким мчится к полотну. Снова два разворота, полный газ назад, долой свои шесть кубов — и с места в карьер. К карьеру!

А вот там задержка. Нужно вскрыть новый участок. Срочно — бульдозер. Он работает на полотне, и, значит, всего на полчаса передышка. А если б карьер был далеко от полотна... Не хватает бульдозеров. Да и те, что есть, не всегда боеспособны.

В конце осени мехколонна получила новый бульдозер из Чебоксар. Поработал он день-другой и больше не захотел. Полезли внутрь; оказалось, вышло из строя гидравлическое оборудование: плохо его собрали на заводе. Что поделаешь, рукавицы на снег — и за работу. Разобрали, собрали, четыре дня на то ушло, с утра и до ночи. Четыре заледенелых дня.

Еще полторы смены проработала машина, и тут развалилась пружина клапана. Он оборвался, повредило поршень. Тогда поняли, что больше своими силами ничего не сделаешь. Сообщили на завод-изготовитель. Однако и вспомнили, как в соседней мехколонне был такой же случай с чебоксарским бульдозером. И как с завода ответили: «Без нашего представителя нельзя было запускать двигатель». Интересно, каким штатом специальных представителей располагает завод, чтобы «оснащать» ими каждый уходящий к потребителю бульдозер? В общем, прошло уже почти полгода, а Д-330 памятником стоит. В мехколонне ждут представителя завода. Не ждет только дорога. Не ждет Ямбург.

Опять же самосвалы. У западногерманского «Магируса» по одинадцать листов в каждой рессоре. Усилили, добавили еще по три. Хватает, но ненадолго. Рушатся рессоры. Еще у одной машины «полетела» крестовина карданного вала. У «Татры» — сцепление. У КрАЗа — водяная помпа, у другого — редуктор среднего моста. Если из тринадцати самосвалов мехколонны в строю семь, как было в тот день, это еще ничего.

— Машины у нас неплохие,— говорит Кузьмин.— Но не выдерживают.

Выдерживают люди. Неделей раньше гонял Анатолий за топливом для мехколонны. Две ездки сделал, триста километров за ночь, по 30 километров в час. Да еще время на залив и слив. Да еще заглох по пути. Глянул под капот: забит топливный фильтр.

— Соляр был не тот,— мы все трясемся с ним от карьера к полотну и обратно,— не тот был соляр. Вот фильтр и пришлось менять... Руки обморозил? Да они у меня давно привыкли к этому, видишь, какие пухлые. Они без мороза вроде как уже и не могут. Какой мороз был? Не подумал, не знаю. Это когда я в Сочи на самолете лечу, мне сообщают, сколько градусов на улице, а здесь не сообщают. Но за полста было, это точно... Шестнадцать лет за баранкой... Да, сразу после армии... Не-е-е, совсем молодых не держим, не тянут они здесь. Эта дорога не для пацанов... В прошлый раз погнали наши за соляром... Нет, не я, двое моих парней погнали. Несколько рейсов надо было сделать... Ага, цистерна для нас пришла. Хороший зимний соляр, то, что доктор прописал. Погрузили на самосвалы две большие емкости да еще одного шофера прихватили с бензовозом, чтоб его насосом перекачать дизтопливо. Ну, и получилось, водитель бензовоза несколько часов проторчал на свежем воздухе: краны открывал и закрывал, шланги таскал. И вот в последний раз ребята к нему подъезжают и видят: плачет малый, совсем промерз. Хороший парнишка, но не окреп еще. Трудно здесь молодым... Вахта у нас по двадцать дней, потом на вертолет — и домой, в Ноябрьск... Есть, а как же! Пока четверо, того гляди пятый будет,— хохочет.— И не последний!..

Темнело. До конца смены оставалось чуть больше часа. Кузьмин делал тридцать вторую ездку. Начавшийся незаметно снег теперь уже сыпал вовсю, но Анатолий словно того и не видел...

...— Сегодня? Восемнадцатый, нет, уже девятнадцатый день вахты... Ага, еще денек — и домой... Ага, без выходных, по десять часов... Я? Нет, не устал... Во, чудак, не верит, да говорю тебе: не устал нисколько. Потому что здоровье о-го-го! Хочешь поделюсь?.. Отдыхать не умею... Ну, то есть как понимать... Больше всего рыбалку уважаю. Летом только с вахты — и на озера... У нас богато, приезжай... А как же? «Нива» у меня... Скоро здесь кончаем, а дальше нас перебрасывают на сто двадцатый километр. Там похуже. Там с грунтами плохо. Придется самим поискать карьер... А как же? Мы иногда сами себе геологи... Почему нет развальщицы на насыпи? Куда ж ее, бедную, на такой мороз? Женщину беречь надо. Так сами и справляемся. Научились... Опять же о дизтопливе. Арктический соляр — это уже роскошь, мечта. Мало нам такого достается зимой. Летом иногда его чаще дают. Зачем летом арктический? Это вопрос для клуба «Что? Где? Когда?». Зачем зимой летний соляр? Тоже не угадаешь...

Анатолий посигналил фарами ехавшему навстречу «Магирусу», за рулем которого сидел Николай Сокол. Остановились, опустили стекла.

— Коля, сейчас пойдет расширение. Будем сыпать в три машины. Две по краям, одну посередине... Да, колышки. Видел? Ну, лады.

...Тридцать четвертый рейс. Экскаватор уже с трудом угадывается в белой пелене: два тусклых световых пятна. И уже, конечно, не так лихо подруливает к нему Кузьмин. Еле-еле он отыскивает и насыпь.

— Все. Хватит на сегодня. Сворачиваемся. Сейчас к карьеру, ребята все там. И бульдозерист. Экскаваторщиков прихватим... Да доберемся с боженькиной помощью... И до мехколонны тоже. Три с половиной километра, только и всего-то.

Когда все собрались у карьера, снег валил лавиной, словно сбитой с нависшего гребня огромной горы, мощным зарядом, сверху, снизу, со всех сторон. Вертел и кружил. Вой ветра перешибал даже рев мотора. Трудно было поверить, что Кузьмин с ребятами найдут сейчас дорогу. Но Анатолий гадать не собирался. Спокойно пояснил, что на все есть проверенные способы.

В этот момент чья-то рука открыла снаружи дверцу нашей машины, и показалась голова помощника машиниста экскаватора Сережи Беспальченко:

— Толик, я пошел вперед.

Кузьмин молча кивнул.

...Шаг... Шаг... Шаг... Бьется со взбесившейся тундрой Серега Беспальченко. Ведет Серега колонну, несет ее на своих плечах. Ломает и гнет его страшенный ветер. Вот споткнулся Серега и упал. Встал. Шаг... Снова шаг. Снова лег и снова встал. Шаг... Шаг... Шаг...

— Пробьемся, пробьемся,— твердит Кузьмин.— Серега дорогу не упустит. Он ее подошвой чует.

Наша машина почти упирается бампером в спину Беспальченко. Проходит час, может, два. Кузьмин сигналит Сергею: «Стоп!» Сам выпрыгивает из машины. Через несколько минут появляется:

— Порядок. Все на месте. Погнали дальше...

А потом, уже глубокой ночью, мы сидели с ребятами в вагончике, и кто-то вспомнил, как восемь лет назад, закончив дорогу на Сургут, шла колонна бульдозеров из Ультьягуна в Ноябрьск. Пять суток в неотапливаемых машинах. Спали в кабинах. И было ПЯТЬДЕСЯТ СЕМЬ ГРАДУСОВ — братцы вы мои!—по Цельсию. Но дошли. Все дошли. Без насморка, что, правда, не так уж и странно, потому как давно отмечено, что на фронте простуд не бывает.

Вспомнили, как уже в нынешнюю лютую зиму однажды сгорели сразу, словно по сговору, оба электродвижка и вся мехколонна оказалась без тепла и света. Как шесть часов, пока шел ремонт — теми же стократно промороженными, опухшими руками,— рабочие сидели в трех холодеющих вагончиках и паяльными лампами — абы как! — грели трубы отопления. Да и вспомнили все это невзначай. И мне теперь казалось, будто несколько часов назад на сорок восьмом километре строящейся железнодорожной магистрали Уренгой — Ямбург ничего особенного не происходило.

* * *

Малые мосты обычно строятся быстрее и проще. Но на севере Тюменского края зависимость трудов от габаритов иная, более сложная. Потому что мерзлота, это раз. Потому что мерзлота, это и два. Такая мерзлота, какую мостостроители пока не встречали. Никогда и нигде. На центральном участке БАМа тоже была мерзлота. Но там она другая, более «активная». А здесь вялая, нетвердая, более высокотемпературная, а потому и менее предсказуемая. Изучить ее мостовикам в деле, в работе не было пока случая. На БАМе сплошь да рядом строителей ожидал на глубине скальный грунт. Как только бурильщики доходили до него, сомнений уж никаких не оставалось: поставили в скалу мостовую опору, никуда она не денется, не поползет. На Ямбургской дороге скальных грунтов нет. А грунт чаще всего плохо промороженный, текучий, вялый. Кисель, студень. Но осваивать его нужно, и не только потому, что требует Ямбург. Ведь будут другие дороги. И, может быть, потруднее.

...В вахтовом «Урале» нас много. Приехал из Москвы заместитель начальника главного управления по строительству мостовых сооружений Министерства транспортного строительства СССР Владислав Альбертович Котер. С ним управляющий трестом Мостострой-11 Валентин Федорович Салохин. Его трест — один из крупнейших мостотрестов страны. Сколько писали о Салохине! Вспомнить хотя бы его знаменитый мост в Тобольске через Иртыш. Валентин Федорович командовал тогда мостоотрядом. Здесь же начальники мостоотрядов Донадзе, Евликов (старый знакомый, бамовец, теперь перебрался сюда), Коваленко. Ну, и Саханцев, конечно.

День ясный и солнечный, но снова бьется с дорогой машина. Бьется высокопроходимый «Урал». Бьется всеми своими тремя мостами и парой сотен «лошадей». Порой кажется: все, встали, забурились, утонули в снегу, как другие машины. Дернули мы одну из этих машин, дернули другую, на третьей осеклись: рыхлая топь одолела и нас, и ее. И, отцепив буксирный трос да разведя руками, заметим: ну, дело ли это, чтоб такое представительное собрание тратило пусть не силы, но время на работу, столь для себя странную, столь далекую от своих профессиональных и должностных интересов и обязанностей? На строительстве железной дороги ОСТРО НЕ ХВАТАЕТ СНЕГООЧИСТИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ.

А теперь, коль скоро мы выбрались из очередной снежной ловушки, вновь обратим взоры и слух к мостостроителям.

— Почему здесь долго не бетонировали?

— Не успевали довезти бетон, Владислав Альбертович, замерзал.

— А далеко было возить?

— Семь километров.

...— А с этим мостом, вижу, все хорошо. Какая тут длина? Шестьдесят шесть метров?.. Обходной путь есть, но к паводку, я верю, основные опоры и пролеты будут возведены, так что временные опоры надо будет успеть снять и весь обход тоже... Да, я знаю, паводок здесь хороший...

...— Этот мост как будто несложный. По данным геологов, нет мерзлоты, редкий случай. Но учтите, мерзлота может оказаться.

Котер прав: «может оказаться» — такое бывало. И дело не в ошибках изыскателей и проектировщиков. Дело в непредсказуемости, в «милостях» природы.

Еще один мост, на 27-м километре. И здесь вялая мерзлота. В проекте это учтено и заложено. Мостоотряд к работе готов.

Котер: «Срочно начинайте бурение. Вы держите укладку».

* * *

Несколько дней из-за сильных морозов путеукладчик не работал, и бригада монтеров пути Виталия Кондратьева занималась балластировкой земляного полотна. Мороз оставил и здесь свой тяжелый, смерзшийся след: часть балласта пришла с Урала в таком состоянии, что выгрузка его из хопперов-дозаторов превратилась в сущую муку. Отбивали ломами. Днем раньше я видел в Уренгое целый состав с сильно смерзшимся балластом. Спросил Саханцева:

— Видимо, придется ждать до весны?

— Были такие мысли,— ответил он,— но ждать нет возможности. Такова ситуация. Мы не вправе обязывать рабочих отбивать балласт ломами. Как не вправе обязывать их работать при сверхнизких температурах. Но люди на работу идут.

Наконец укладка двинулась дальше на север... Машинист путеукладочного крана Виктор Гусарев перетянул с первой платформы пакет с семью рельсовыми решетками. И вот первая из них повисла в воздухе и поплыла к голому полотну, где ее ждали протянутые руки. Решетку пристыковали, поставили накладки, соединили...

Путь к Ямбургу стал короче на 25 метров.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТИХОНОВ.
К 80-летию со дня рождения.

Расул ГАМЗАТОВ

Баллада о волкодаве, о коне и юной горянке по имени Айшат

Над пропастью, где пенные валы
Дробит Койсу, рыча, как бесноватый,
Две каменные глыбы, две скалы,
Два изваянья видел я когда-то.

Одно, широ́ко развернув крыла́,
Орлицею над бездной распласталось...
Орлица?! Нет, то девушка была,
Та, что невестою навек осталась.

Фигуры волкодава и коня
Чернели рядом в блестках водной пыли...
Сидел я, щеку подперев. Меня,
Подобно старцам, скалы обступили.

И я услышал:
— Много лет назад
Жил Магомет — поэт, в горах известный.
Он полюбил красавицу Айшат
И, наконец, назвал ее невестой.

В четверг ближайший — слух у нас прошел —
Вкусит невеста свадебного меду...
Гостей сзывая из окрестных сел,
Гонцы коней осаживали с ходу.

Но в среду поутру, когда рассвет
Вершины кистью золотил могучей,
Когда, как сок арбузный, алый цвет
Обрызгал щедро и сады, и кручи,

Мы увидали: далеки́, близки́,
Дымками перечеркивая дали,
Костров сигнальных взмыли языки...
Их, говорят, и в Грузии видали.

Сигнальные костры — недобрый знак!
Он возвещал, что дикою ордою
К нам в горы движется заклятый враг...
— Точите сабли! Приготовьтесь к бою!

Аварец, подтверди, что ты не трус!
Опасность принимаешь, не робея,
Не для того ты лихо крутишь ус,
Чтоб похваляться удалью своею!..

Тот, кто хоть раз оружие держал,
Кто стягивал свой стан ремнем наборным,
Проверил саблю, пристегнул кинжал
И — на коне — вперед, по тропам горным!

У очага невеста тщетно ждет.
Пришел четверг. Но не приходят вести.
И свадебный, сладчайший в мире мед
Не поднесли тоскующей невесте.

Не разбудил ущелий звук зурны,
И барабаны дробь не рассыпали,
Ковры, что лишь для свадьбы сотканы,
Родные во дворе не расстилали.

Воюют — не играют зурначи,
Не пляшут — плясуны на поле брани.
И, точно родниковые ключи,
Сочатся раны в Чохе, на поляне...

Черкеску, волкодава и коня
Ашуг своей оставил голубице:
— Да не узнает рокового дня,
Когда ей это может пригодиться!

— Любимая! — сказал.— Надейся! Жди!
Но, если враг ворвется к нам, ликуя,
Ты на скалу высокую взойди,
И я увижу косу золотую...

Покуда не видать еще врага:
От нас до Чоха не подать рукою,
Но в мирной сакле, возле очага
Невеста не найдет себе покоя.

«Что с ним сейчас?.. Быть может, смерть над ним?..»
И вот она, грустя невыносимо,
Восходит на скалу... Сквозь даль и дым
Ашуг увидел волосы любимой.

Он мчится к ней... Вверху орлы кружат,
Доносят злые вести с поля боя...
— Скажи, любимая, скажи, Айшат,
Что приключилось, милая, с тобою?

— Со мной не приключилось ничего.
Но я одна. Мне страшно. Мне обидно.
Когда ж настанет наше торжество?
Скажи, ужель войне конца не видно?!

— Любимая! Там, на полях войны,
Друзья сражаются, не зная страха.
Окрестные аулы сожжены
Ордою дикою злодея шаха.

Ужасные настали времена,
Уводят горских девушек в неволю.
От крови праведной красным-красна
Трава зеленая на Чохском поле.

Родная! Волосы свои прикрой,
Чтоб больше мне сюда не прилетать бы!..
Как только мы расправимся с ордой,
Придет четверг желанной нашей свадьбы.

Так он сказал. И поглядел светло,
И сабля у него в руке блеснула...
Подобно птице он взлетел в седло,
И вот уже далеко от аула.

Четверг за четвергом бегут-спешат,
Но вести не спешат по горным склонам.
Рвет тесный ворот девушка Айшат,
Летят на землю пуговки со звоном...

Но в ночь, задолго до прихода дня,
Вдруг волкодав залился грозным лаем,
И ржание могучего коня
Взвилось тревогою над нашим краем.

Трясут ворота, с петель рвется дверь...
Кричат, грохочут: — Эй, открой тотчас же!
Вставайте же! Не время спать теперь,
Когда жених убит стрелою вражьей!

Невеста застонала за окном,
Схватясь дрожащею рукой за сердце.
Глядит она... Во двор через пролом
С оглядкой лезут друг за другом персы...

Тогда, надев черкеску жениха,
Взяв саблю, что отцу стяжала славу,
Айшат — в седло... Летит, стройна, лиха,
И свистом подзывает волкодава...

Конь по горам — галопом, на скалу:
Да видит золото волос любимый!
...И он увидел: через даль и мглу
Блестит ее коса сквозь клочья дыма...

Увидел, ибо не был он убит,
Хотя в груди его зияла рана,
Подумал он: «Любимая простит,
Все объясню ей поздно или рано».

Приказ отдал злодей — персидский шах:
— Невесту в плен!..
Несдобровать невесте!
Как кошки, персы поползли в горах!
Но не сломить им нашей горской чести!

Как волки, кинулись враги за ней,
Подкравшись по тропе глубокой ночью.
Но прянул волкодав из-за камней,
И шаровары полетели в клочья!

Айшат! Не избежать тебе судьбы!
Враги теснят... Они с тобою рядом.
Но гордый конь взметнулся на дыбы,
И персы с наших гор скатились градом!

Лихой булат в руке Айшат сверкал,
Блистала сабля, точно золотая,
А камни сами падали со скал,
Гостей непрошеных с пути сметая.

Размалывали кости их в песок,
Вставая дыбом, горные потоки,
Деревья, окружавшие поток,
Срывались с мест, вступали в бой жестокий...

Хоть не было средь персов никого,
Кто б отличался мужеством и честью,
Но было так огромно их число!..
Не справиться с ордой одной невесте!

Все у́же круг под острою скалой...
Мечи кривые блещут ядовито...
Поверженный отравленной стрелой,
Пал волкодав под конские копыта.

Скакун заржал, захватчиков кляня:
«Да разве ж это люди?! Неужели?!»
Но даже и бесценного коня
Пришельцы в ярости не пожалели!

И конь сражен... Все у́же, у́же круг...
В лицо Айшат — угрозы и проклятья...
«Нет! Чем прикосновенья подлых рук —
Уж лучше нашему Койсу в объятья!»

И девушка, не ставшая женой,
Рванулась в бездну раненой орлицей.
И подхватил ее Койсу родной...
Не дал презренным ею поживиться!

Ты опоздал, ты опоздал, жених!..
На дне потока молодое тело...
Прошло их столько — четвергов твоих!..
О сколько их в огне войны сгорело!

А шаху жадному достались в дар —
Не прелести горянки златокудрой
(Честь наших гордых женщин — не товар!),
А головы убитых ей в то утро!..

...Вот вся она, легенда, вся она —
Та, что столетья в тишине дремала...
Мы пронесли ее сквозь времена,
Мы — старцы многодумные, мы — скалы...

— А что же Магомет, боец-поэт?!.
Остался жив?.. Ушел в чужие страны?..
— Не умер он. Но он в теченье лет
Пронес две раны, две сердечных раны.

Одна — омытая в его крови,
Она зарубцевалась — рана эта.
Но рана — боль загубленной любви,—
Она неисцелима у поэта!

Перевела с аварского Юлия НЕЙМАН.

◀ Березовые свечи.

Фото А. ГОСТЕВА

К 80-летию со дня рождения М. А. ШОЛОХОВА

ШОЛОХОВ В «ПРАВ

Любовь ПИШЕНИНА

В мае 1982 года М. А. Шолохов передал мне текст своего приветствия журналу «Крестьянка» в связи с его 60-летием. В беседе с ним по телефону я, между прочим, сказала, что собираюсь вырастить чудо-букет из полевых цветов, пересаженных в мой сад. Букет преподнесу ему в день его восьмидесятилетия. И вот теперь с горькой скорбью я возложу обещанные чудо-цветы на могилу Михаила Александровича и поделюсь с читателями этими выдержками из дневниковых записей, которые вела после каждой встречи с ним и его произведениями.

* * *

1934 год. Дождливое московское лето было на исходе. В эту пору столица принимала группу совсем юных колхозников и колхозниц, зачисленных студентами Всесоюзных трехгодичных курсов журналистов-экономистов сельского хозяйства. Студентов взяла под свою опеку редакция «Крестьянской газеты». Она же достала им гостевые билеты на заседания первого Всесоюзного съезда советских писателей.

Мысль о том, что мы в Колонном зале Дома союзов увидим авторов любимых книг, привела нас почти в опьянение. Не знаю, были ли на съезде более внимательные слушатели, чем мы, студенты, жадно ловившие каждое слово, произнесенное с трибуны.

В президиуме съезда возвышалась чуть сутулая фигура Горького. У него то и дело менялось выражение лица. Было оно то сумрачно-угрюмым, то празднично-умиленным. В зависимости от того, что говорили ораторы. Раньше, до съезда, мы видели его несколько другим, застенчивым. Было это на его встрече с сельскими читательницами повести «Мать», устроенной редакцией «Крестьянской газеты». Там он все время был смущенный. С удивлением, как что-то необычайно новое, разглядывал лица колхозниц, прибывших из разных областей страны. А тут он показался нам даже злым. Это в тот момент, когда он поднялся из-за стола, чтобы выступить в прениях. Свою короткую речь читал по написанному тексту, вызвав мертвую тишину в зале с первых же слов:

— Тут говорят, Максим Горький великий, славный...

Его просьба не произносить ему больше славословий звучала жестко и строго...

В общежитие, куда нас поселили, кто-то из работников «Крестьянской газеты» принес новые для нас книги — первую часть «Тихого Дона» и «Поднятую целину». Ждать своей очереди на получение одной из них никто не хотел. Поэтому было решено читать их коллективно по вечерам. Какие это были дивные вечера! Чтение длилось до глубокой ночи. Мы хохотали и плакали навзрыд, радовались и грустили. В героев романов влюблялись, как в живых людей, иными восхищались, других отвергали.

События, сцены в «Поднятой целине» казались нам списанными до мельчайших подробностей с тех, свидетелями и участниками которых были мы сами.

В романах, в этом изумительном море разнообразных лиц, мы узнавали близких и родных нам людей, поражаясь тому, как точно изображены их лик и характеры. Какую бездну ума, страстей, духовного богатства открывал автор в простых тружениках земли. Для нас это было откровением. Жизнь в «Тихом Доне» и «Поднятой целине» вся целиком была нашей, близкой и родной. И потому мы с особым тщанием не пропускали ни одного отклика в печати на эти книги. Но как удивили и разочаровали нас оценки критиков образа Макара Нагульнова. Критика навешивала ему ярлыки левака и перегибщика, внушала неприязненное отношение, а мы, простые читатели, до дрожи во всем теле переживали за этого героя, когда его исключали из партии. Критики осуждали Макара, а мы не могли удержать слез над ним, распластанным у Смертного кургана. И как же мы были рады его решению продолжать жить и действовать! Откуда это несовпадение мнений и чувств? Пройдет много времени, прежде чем будет получен гласный и полный ответ на этот вопрос.

...«Поднятая целина»,— скажет писательница Мариэтта Шагинян в беседе со мной,— единственный и вечный памятник людям незабываемых тридцатых годов. Шолохов уже тем велик, что создал в «Поднятой целине» эпические типы нового, только что зарождающегося общественного строя. Это типы, взятые из жизни, узнаваемые в современниках, как бы схваченные в своем историческом развитии.

Узнали и увидели мы Шолохова случайно, лишь за день до закрытия съезда в фойе во время обеденного перерыва. Он стоял у книжного киоска в окружении толпы молодых и пожилых мужчин. Воображение рисовало его великаном, а он оказался небольшого роста, но как-то ладно, по-военному подобран и строен. Бросились в глаза его спокойная манера держаться и говорить, элегантные движения рук. Вскинутая голова и взбитые кверху непокорные светлые волосы над выпуклым лбом, точно поднимали его от земли куда-то ввысь.

Мы находились невдалеке, прислушиваясь к разговору Шолохова с окружающими его людьми. Из обрывков фраз, долетавших к нам, можно было понять, что речь шла о женщине, которая неодобрительно отозвалась об образе Лушки из «Поднятой целины». Слова женщины в пересказе собеседников явно забавляли Шолохова. Добродушно-озорная улыбка не сходила с его лица. Было видно, что все сказанное воспринимается им так, как воспринимают взрослые детский лепет. Но когда кто-то с лицом ментора повторил что-то со злорадством, Шолохов мгновенно преобразился. В ожидании, что скажет Шолохов, мы замерли, насторожились, чем, видимо, и привлекли его внимание к себе. Повернувшись в нашу сторону, он спросил:

— Вы ко мне?

От неожиданности мы растерялись так, что не могли промолвить ни слова. Щеки до ушей залило краской. Глядя на нас, Шолохов расхохотался: «Ну, ну, не надо так!»— сказал и улыбнулся покоряюще теплой улыбкой.

В начале 1939 года четверых сотрудников «Крестьянской газеты», в том числе и меня, пригласили на работу в «Правду». И так случилось, что один из первых рабочих дней на новом месте начался у меня с вычитки газетных полос, подвалы которых заняли новые главы «Тихого Дона». Считку печатного текста с оригиналом вели в два захода, первую — для себя, вторую — по всем правилам. Знали: автор такой, что не прощает даже малейшей ошибки. А после выхода газеты из печати я слушала рассказ старших правдистов о том, как Шолохов стал активно сотрудничать в «Правде».

Создавая новые главы своих романов, Михаил Александрович не стоял в стороне от событий, происходивших в казачьих станицах Дона. Постоянно вторгаясь в живое дело перестройки сельской жизни на колхозный лад, он считал своим долгом выступать и на поприще партийной публицистики, в роли газетного бойца. 25 мая 1931 года «Правда» публикует одно из первых его выступлений в этой роли — очерк «По правобережью Дона». Он не только открыл глаза местным руководителям на их порочные методы управления молодыми колхозами, но и преподнес журналистам урок, как надо изучать жизнь, видеть ее светлые и теневые стороны.

Не меньший отклик читателей вызвала корреспонденция Шолохова «Преступная бесхозяйственность», опубликованная в «Правде» 22 марта 1932 года. С ней связана одна немаловажная перестройка в жизни редакции. До появления этой корреспонденции многие сотрудники редакции считали недопустимым откровенно писать о тяжелом положении в сельском хозяйстве. Довод был один: этим, дескать, мы поможем врагам за рубежом трубить на весь мир о несостоятельности наших колхозов и совхозов. Корреспонденция Шолохова внесла ясность: мы даем врагу факты не о нашей слабости, а о нашей силе. Критики боится слабый. Только сильный способен на самокритику. Если мы хотим укрепить наши молодые колхозы и совхозы, то надо смело вскрывать все болячки в хозяйственной практике.

13 мая 1932 года редакционная коллегия «Правды», одобрив корреспондентскую деятельность Шолохова, приняла решение утвердить его постоянным сотрудником газеты. В 1939 году в «Правде» появились первые главы четвертой части «Тихого Дона».

С этого года Шолохов в редакции уже не редкий гость, а свой человек. Он периодически встречается не только с главным редактором, членами редколлегии, но и с литературными работниками, корреспондентами по Ростовской области. Писатель выносит на суд коллектива отрывки своих новых сочинений, посвящает его в свои творческие планы, а иной раз и приоткрывает перед ним и самое заветное, что вдохновляло и волновало его. Здесь, в коллективе «Правды», Шолохов находит и верных друзей, которые остались преданными ему на всю жизнь.

* * *

В первый же день Великой Отечественной войны Михаил Шолохов считал себя мобилизованным для работы военным корреспондентом. Как полпред «Правды» Михаил Александрович сначала побывал во многих станицах Дона, сообщая в редакцию о настроениях казаков и казачек, об их любви к Родине и растущей ненависти к врагу. Первый очерк, написанный им для «Правды», назывался «На Дону». Он заканчивался такими словами: «Два чувства живут в сердцах донского казачества: любовь к Родине и ненависть к фашистским захватчикам. Любовь будет вечно, а ненависть пусть поживет до окончательного разгрома врагов.

Великое горе будет тому, кто разбудил эту ненависть и холодную ярость народного гнева».

Вслед за этим очерком писатель шлет в «Правду» информацию «В станице Вешенской», а затем очерк «В казачьих колхозах».

В феврале 1942 года «Правда» публикует новое произведение Шолохова — очерк «На юге», написанный уже по горячим следам войны. Действие происходит в Донбассе, где бесчинствовало разноязычное фашистское отребье... «...Стяжание и разбой,— писал автор,— объединили эту банду бестий и висельников, промышлявших под черным знаменем с раскоряченной фашистской свастикой». Грабителей, поджигателей и убийц, с мрачным человеконенавистничеством превращавших наши цветущие области в зону пустыни, Шолохов охарактеризовал словами А. Пушкина:

...Опасность, кровь, разврат, обман —
Суть узы страшного семейства;
Тот их, кто с каменной душой
Прошел все степени злодейства;
Кто режет хладною рукой
Вдовицу с бедной сиротой,
Кому смешно детей стенанье,
Кто не прощает, не щадит
Кого убийство веселит...

Военные корреспонденты «Правды», прибывшие в редакцию с фронтов, рассказывали: очерк Шолохова «На юге» читают в частях каждый раз перед боем.

Ночь на 22 июня 1942 года. В редакции шумно. Заканчивается подготовка специального номера, посвященного первой годовщине борьбы советского народа. Пять полос уже сверстаны, лишь одна — третья — остается чистой. Ждут обещанного Шолоховым материала. Что будет — никто не знает. Секретариат на всякий случай страхует полосу другими статьями: все знают — автор очень взыскателен к себе, может и не отдать рукопись, если в ней что-то не удовлетворит его. Шолохов появляется вовремя. Он принес свою «Науку ненависти» — рассказ, насыщенный волнующей публицистикой.

Долго не гас огонь в кабинетах редакции в эту ночь. Никто не уходил домой, не прочитавши шолоховский рассказ, занявший всю третью полосу газеты. Он будил страстную любовь к Родине, скорбь за ее раны, лютый гнев и непримиримую ненависть к гитлеровским оккупантам. Автор захватывающе показал, как в ходе жестокой схватки не на жизнь, а на смерть наш народ прошел великую школу мужества, овладевал наукой ненависти к врагу, вооружившей воинов Советской Армии и тружеников тыла могучей волей к победе.

ДЕ»

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ

* * *

Многое видел, многое слышал и пережил Михаил Александрович на дорогах войны. Был он и на Южном и на Западном фронтах, видели его в окопах под Сталинградом, в солдатских землянках и на наблюдательных пунктах полков и дивизий 3-го Белорусского фронта и в Восточной Пруссии. О мужестве писателя под огнем противника оставил личное свидетельство фронтовик из Казахстана Василий Грязнов, в части которого Шолохов побывал. Рассказ фронтовика был напечатан в журнале «Советский Казахстан» за 1955 год. Воспроизвожу его дословно.

«Под Сталинградом это было, тяжелые бои шли с фашистами. Пришел он к нам в окопы. Идет по ходу сообщения и нет-нет да и выглянет, посмотрит в бинокль в сторону фашистов. А кто-то из солдат и говорит: «С биноклем, товарищ полковник, поосторожнее. У немцев снайперы начеку». Шолохов улыбнулся в ответ: «Благодарю за упреждение, но я снайперов не боюсь. Заговоренный я, брат, от пули». Ну, солдаты нашего окопа окружили его. Все сразу узнали в полковнике Шолохова. Я же говорю ему: «Может, вы, Михаил Александрович, и молитву какую от пули знаете?»

«Знаю,— отвечает Шолохов.— И те молитвы, что имеются в «Тихом Доне», и новые. Много знаю молитв. Но сейчас у меня на уме и в сердце одна. Начинается она, други, так: «Во имя отца и сына и матери моей — ни шагу назад!..» Я спросил Михаила Александровича, над чем работает, что он пишет. «Разве можно сидеть и писать,— ответил Шолохов,— когда земля наша, дом твой, мало это — пол-России в огне пылают? Тут, брат, не за перо, а за штык браться надо, да крепко орудовать им». Опять помолчал, затянулся дымком махорки и говорит: «А хочется хорошее написать, и думаю, что напишу».— «Что же?»— спрашиваю я.— «А то, говорит, как сражаетесь за Родину. Вот хожу по окопам, присматриваюсь, учусь у вас, изучаю солдатскую жизнь, бывальщину. А потом напишу, обязательно напишу и про вас и про молитву, «Ки шагу назад». Я попросил Шолохова: «Подарите нашему взводу томик «Тихого Дона» для памяти и вдохновения». Шолохов посмотрел на меня, оглянул нас быстрым взглядом и говорит: «Рад бы подарить, да нет у меня его сейчас под рукой. А солдаты вы хорошие, и хочется мне оставить вам что-нибудь на добрую память». И тут вдруг достает он из своей сумки книгу. Раскрывает, а это третий том «Войны и мира» Льва Толстого. Там как раз о нашествии Наполеона на Россию пишется. Это узнал я уже потом в боях. Раскрыл Шолохов «Войну и мир» и пишет карандашом: «Друзья мои! Ни шагу назад! Пусть слава Бородина вдохновит вас на ратные подвиги. Верю, реять Красному знамени над рейхстагом! До встречи в Берлине». Вручил командиру взвода подарок этот, поцеловал его, пожал всем нам, солдатам, руки и пошел по окопам дальше. Как правофланговый, всякий раз новому пополнению по приказу комбата я зачитывал эти слова Шолохова и заучил их наизусть».

* * *

1942 год. Коллектив редакции взволнован: из Куйбышева пришла тревожная весть: «Бомбардировщик, на котором летел Шолохов, потерпел аварию».

Ждем подробностей. Они поступили через час: четверо пассажиров погибли, Шолохов и летчик чудом остались в живых. У летчика — перелом позвоночника, у Шолохова — тяжелая контузия.

* * *

8 мая 1943 года. У газетных киосков Москвы — длиннющие очереди. «Правду» берут нарасхват. И прежде всего открывают страницы, на которых помещен отрывок из романа Шолохова «Они сражались за Родину».

Несколькими днями позже в редакцию хлынул поток писем с фронтов. Командиры, бойцы сообщают: номера «Правды» с главами «Они сражались за Родину» солдаты зачитывают до дыр, хранят в своих полевых сумках, как самое дорогое. А мне вспоминается вечер, когда сдавался в набор первый отрывок романа. Редактор по соображениям военной тайны вычеркнул из текста самый волнующий эпизод. Шолохов был вне себя, ругался и ушел из редакции мрачнее тучи.

* * *

В послевоенные годы Михаил Александрович еще теснее сближается с коллективом правдистов. Приезжая в Москву, он каждый раз непременно посещает редакцию, приносит то отрывки из романа «Они сражались за Родину», то главы из второй книги «Поднятая целина», то публицистические статьи. Легко и охотно включается в беседу, как равный с равными. Никому, никогда и ни в чем не давал он почувствовать исключительности своего положения. В его вопросах, репликах, шутках постоянно сквозит какое-то поразительное стремление создать теплую атмосферу, в которой каждый из собеседников чувствовал себя раскованным, мог говорить непринужденно, откровенно.

Шолохов не выносил никакой лести, угодничества. Они — и это было видно невооруженным глазом — причиняли ему душевную боль. Когда зашел однажды разговор о шолоховской славе, Михаил Александрович резко оборвал его.

— Слава, слава,— произнес он, нахмурив лоб.— Разве не встречалось вам такое изречение: слава — предрассудок, возникший из неумения людей ценить самих себя и рабской привычки унижаться. Равно ущербны и те, что почитают себя «выше» других, и те, кто ставит себя «ниже».

Окончание следует.

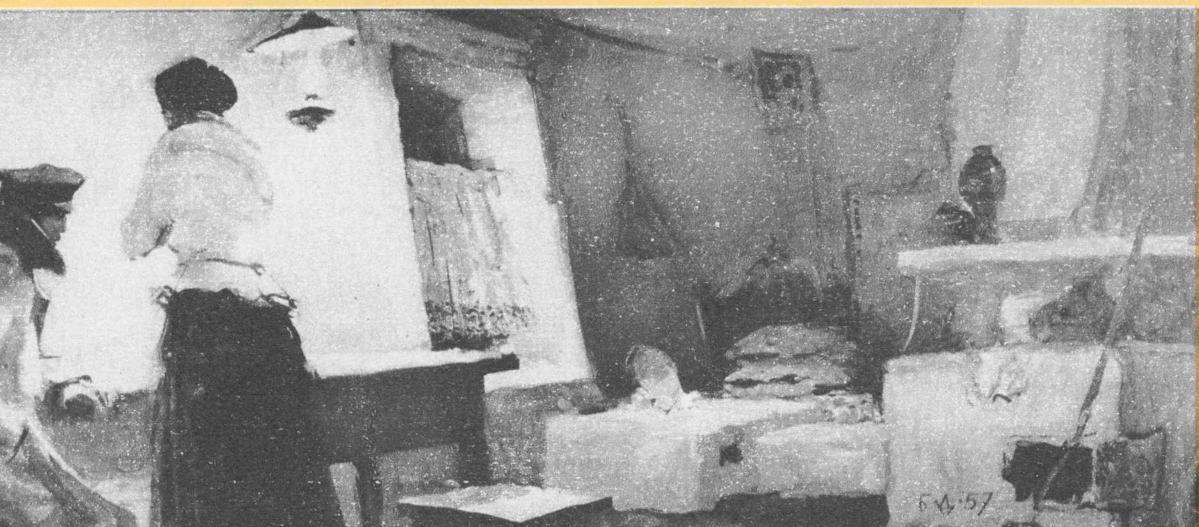
М. А. Шолохов. Май 1965 года. Публикуется впервые.

Фото Т. Мельника

Борис ДУЛЕНКОВ,
народный художник РСФСР

Встреча на всю жизнь

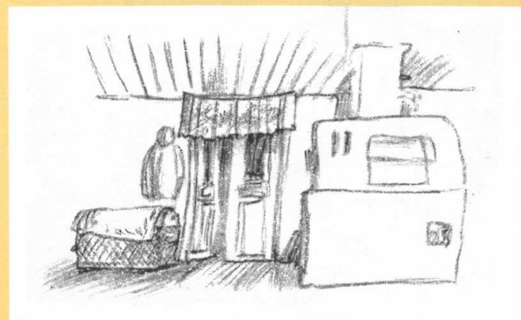
Рисунки автора

«Курень Астаховых». Эскиз к фильму.

В 1955 году на киностудии имени Максима Горького было задумано экранизировать роман Михаила Шолохова «Тихий Дон». Автором сценария и режиссером стал Сергей Аполлинариевич Герасимов. Мне, в ту пору молодому художнику, поручили постановочную часть картины. Съемки фильма предполагалось проводить в нескольких основных экспедициях на Дону (по временам года) и в двух сравнительно небольших экспедициях в Ленинграде и в Прикарпатье.

Осенью, в середине октября, после недолгих сборов и около полусуток езды в поезде я добрался до станции Миллерово, где и разыскал крохотный даже по тем временам аэродром. А через час с небольшим полета приземлился поблизости от Вешенской.

Грунтовая дорога от аэродрома, густо обсаженная ветлами, была довольно живописной. За окнами «Победы» мелькал пейзаж, навевавший то странное лирическое настроение, с каким приезжаешь в давно знакомые и полузабытые места.

Быстро устроившись в очень домашней гостинице, я вышел на улицу, когда начали опускаться сумерки. Не терпелось увидеть Вешенскую. Неширокие улицы, одноэтажные дома, собор, масса стройных тополей, песчаный берег излучины спокойно текущего Дона... Видны были только крыши домов, утопающих в зелени, тронутой первым осенним багрянцем. Лишь изредка приглушенный лай собак нарушал тишину.

На утро следующего дня я подходил к новому дому Шолохова. Двухэтажный, дом имел одну заметную архитектурную деталь. Это был балкон. Длиной в несколько метров, он шел на уровне второго этажа и как бы связывал дом с высоким берегом Дона.

Калитка в ограде открыта. Хорошо ухоженные грядки огорода. Совсем еще молодые фруктовые саженцы. Между ними бродила домашняя живность. Особенно запомнились красивые вальяжные цесарки, гулявшие на воле.

Мужчина, работавший в огороде, увидел меня и, узнав о цели визита, проводил в дом.

Просторная комната, белые оштукатуренные стены — кабинет с простой мебелью: письменный стол, коричневый диван. Огромное количество писем, лежавших на столе, стульях и на диване. Ровные цветные пачки писем разной высоты, напоминавшие простейшие диаграммы, были рассортированы.

Неслышно вошел Михаил Александрович. Мы поздоровались. Он пригласил меня сесть и начал расспрашивать о цели моего приезда.

Выяснилось, что Шолохов слыхал о новой экранизации романа, знал, что сценарий пока еще не готов, что после его завершения режиссер приедет для окончательного согласования всех вопросов по будущему фильму.

Настоящая заинтересованность в разговоре о деле сняла всякую дистанцию между писателем и молодым художником. Шолохов был нетороплив, способен слушать собеседника, не перебивая и не обнаруживая своей большой

занятости. Невысокий ростом, с седеющими волосами, в гимнастерке, подпоясанной узким кавказским ремешком, с сигаретой в мундштуке — таким мне запомнился Михаил Александрович.

Готовясь к этой встрече, я заранее составил вопросы, выписал множество цитат, взял на заметку характеристики и описания конкретных мест действия.

Мне не терпелось узнать, где бы можно было увидеть изнутри жилища будущих героев фильма. Я читаю автору изумительное изображение куреня Астаховых: «В горнице над кроватью протянута веревочка. На веревочку нанизаны белые и черные порожние, без ниток, катушки. Висят для красоты. На них ночлежничают мухи, от них же к потолку пряжа паутины. Григорий лежит на голой прохладной Аксиньиной руке и смотрит в потолок на цепку катушек». Смотрю робко на Шолохова — продолжать ли цитировать? Молчание и улыбка — знак согласия. «В горнице, кроме деревянной крашеной кровати с точеными шишками по углам, стоит возле дверей окованный уёмистый сундук с Аксиньиным приданым и нарядами. Под передним углом — стол, клеенка с генералом Скобелевым, скачущим на склоненные перед ним махровитые знамена; два стула, вверху — образа в бумажных ярко-убогих ореолах. Сбоку, на стене — засиженные мухами фотографии. Группа казаков — чубатые головы, выпяченные груди с часовыми цепками, оголенные клинки палашей — Степан с товарищами еще с действительной службы».

Мне виделось, как Михаил Александрович чутко прислушивается, старается понять, понимаю ли я красоту и атмосферу казачьего уюта. Как бы вопрошая, смогу ли я прочитанное перенести на экран.

Разговор переходит к нашим дням, к конкретным возможностям натурных съемок здесь, в верховьях Дона.

— Да, станицы и хутора преобразились,— задумчиво произнес Шолохов,— многое в быту стало иным, возникли другие ценности. Прочно вошла в жизнь техника. Верно, многие железные дороги электрифицированы, построены новые вокзалы и станции, асфальтируются шоссе, но многое еще осталось, как было. Многое можно разыскать и увидеть, пощупать, и если не все сразу вместе, то, собирая части, можно их составить и создать впечатление о целом.

Михаил Александрович вспоминал места, неторопливо называл адреса, перечислял людей, с которыми можно и нужно поговорить. Его влекло стремление к достоверности, фактурности, документальности. Эта документальность крайне необходима фильму. Ведь, кроме литературных героев, в романе участвуют конкретные исторические личности, игравшие большую роль в то переломное для Дона время. Это революционно настроенные казаки-фронтовики Федор Подтелков и Михаил Кривошлыков, это белые генералы Краснов и Каледин и многие, многие другие. С одним казаком из окружения Подтелкова — Семеном Кудиновым — я позже встретился, и в дальнейшем он много и охотно помогал нам в подготовке и на съемке фильма.

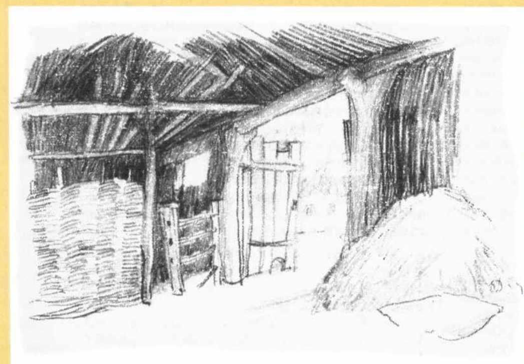
В течение недели я осматривал и изучал станицу, ездил в отдаленные хутора. Прекрасны, живописны и выразительны пейзажи вокруг Вешенской, своеобразны разновысокие берега Дона: одни — низкие, пологие, с длинными ярко-желтыми песчаными отмелями, другие же, напротив, высокие и крутые. Далее лежала бескрайняя степь, ближе к реке пересекаемая

М. Шолохов со съемочной группой. Фото В. Корнильева

балками и буераками, частью заросшими кустами шиповника и ежевики. Донская земля еще хранила на горушках ветряки, работали кое-где паровые мельницы. В столице казачьего края Новочеркасске возвышается монументальный собор войска Донского, в отличном состоянии сохранился атаманский дворец.

Многое изменилось в казачьем крае. Но еще сохранились рекомендованные Шолоховым для знакомства усадьбы, базы, курени с аккуратно, чисто побеленными стенами, хранившие во многом черты старого уклада. Мебель: кровати с пологами из ситца или кисеи, самодельные столы и скамейки, поставцы, фотографии в старомодных рамках, ходики с подвешенной к гире подковой, половики и сундуки, к которым особенно тянуло, где, по моим понятиям, хранились бесценные клады. И это не было

преувеличением. Когда открывались крышки сундуков, оклеенные изнутри хорошо сохранившимися лубками и олеографиями, удивлению не было предела. Для художника по костюмам это были сокровища — начиная от папах, фуражек, шинелей, гимнастерок и мундиров, казачьих шаровар, от женской верхней одежды, кофт, юбок с вышивками, оборками, рюшами, кружевами, до разнообразной хорошо сохранившейся обуви, знакомой мне только по рекламе в дореволюционной «Ниве». Башлыки, шали, платки, занавески, скатерти, подзоры, полотенца, чирики, да всего и не перечислишь — многое из всего этого со временем перешло на склады нашей студии.

Обогащение декораций подлинными, настоящими вещами, будь то костюмы, утварь или мебель, всегда сказывается на режиссере и актерах, помогая их настроению и самочувствию, помогая точнее входить в образы героев, почувствовать подлинную атмосферу происходящего действия. Казачки охотно рассказывали, как убирать красный угол с иконами, накрывать повседневные и праздничные столы, содержать посуду на полках и в поставцах, обставлять стряпку (кухню), заправлять кровати, зачерпывать и носить на коромысле ведра...

Через несколько дней я застал Михаила Александровича за работой на участке. С улыбкой он спросил, на все ли вопросы получены ответы, как нашел соответствие описанного в романе с увиденным в жизни, как отнеслись люди, рекомендованные для знакомства, много ли увидел и приобрел. Я рассказал, что казаки, уделившие мне время, знакомившие со своим бытом, угощавшие донской ухой и солеными арбузами, оказали огромную помощь, отнеслись с большим и искренним уважением к просьбам своего земляка.

Чувствовалось, что дружеские отношения прочно связывают писателя с сельскими тружениками, ему близки их дела и заботы. Простые люди Дона чтили и уважали труд великого писателя.

Негромкий, глуховатый голос, рука с сигаретой в мундштуке, лежавшая на черенке тяпки, погожий, теплый день запомнились особенно потому, что Михаил Александрович в конце разговора сам вспомнил о просьбе порекомендовать места натурных съемок ближе к городу и железной дороге: «Посмотрите внимательно Северский Донец, убежден, что там можно выбрать нужные, похожие на нашенские места».

Поблагодарив за помощь и советы, я перед

отъездом в Новочеркасск еще раз навестил писателя.

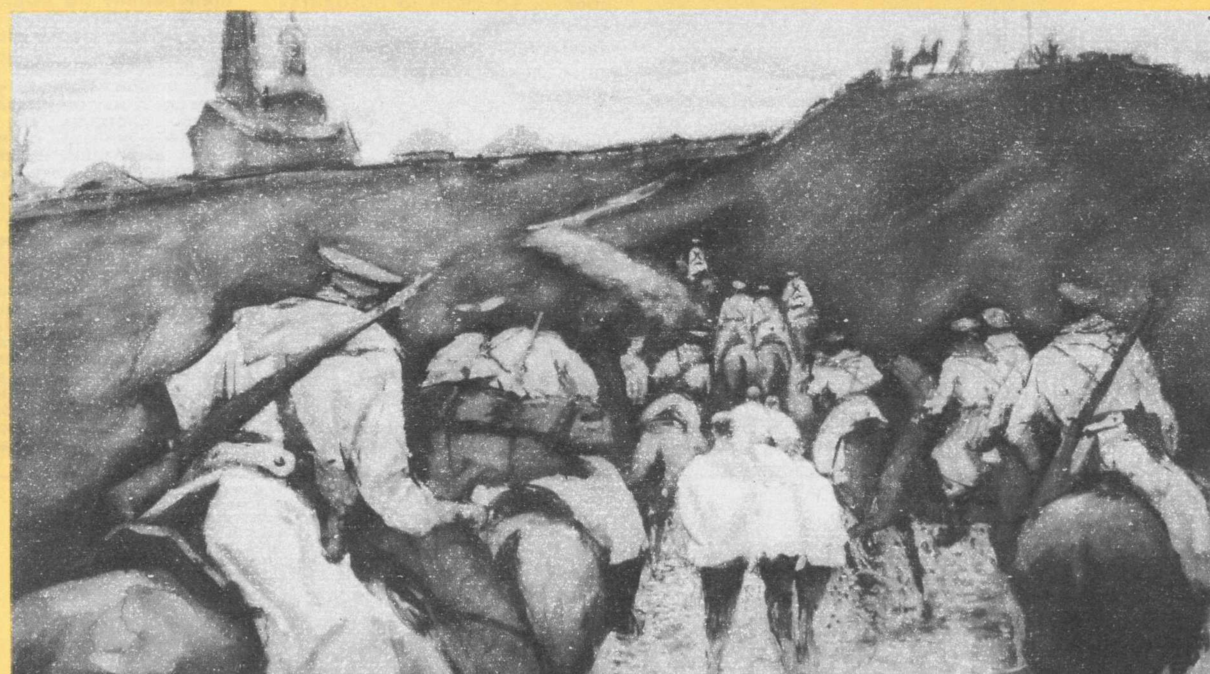
Съемки всех сцен «на Дону» проходили на Северском Донце, близ города Каменска-Шахтинского.

Спустя два года в небольшом просмотровом зале студии съемочная группа смотрела только что вышедший из лаборатории фильм и ловила негромкий, глуховатый голос Шолохова, комментировавший тот или иной эпизод. Когда в зале вспыхнул свет, мы увидели влажные глаза Михаила Александровича, прислушивающегося к последним аккордам музыки.

После просмотра Шолохов крепко пожал руку Сергею Герасимову.

Все присутствовавшие с благодарностью хранят фотографии, сделанные после того памятного всем просмотра кинофильма «Тихий Дон». Хранятся они и в моем альбоме как благодарная память о встрече с великим человеком, классиком нашей литературы.

Эскиз к фильму.
«Хутор Каргинский».

ЕЩЕ ОДНА СТРАНИЦА

Наша 313-я Петрозаводская дважды Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова второй степени стрелковая дивизия, сформированная в Удмуртии, сражалась в годы Великой Отечественной войны на земле Карелии. В память о тех героических днях в городе, где я живу, создан совет ветеранов дивизии. Активно помогают нашим поискам красные следопыты карельских и удмуртских школ. Уже удалось разыскать многих участников сражений на земле древней Калевалы.

Недавно, просматривая свой архив, я нашел групповой снимок, который был сделан в 1942 году. На фотографии командир 1070-го стрелкового полка полковник М. С. Макаров снят с артистами, приехавшими из Москвы. Хотелось бы узнать, кто эти актеры, которые в редкие минуты отдыха солдата напомнили ему о родном доме, о мирном времени.

Может быть, кто-то узнает себя на снимке, вспомнит эту встречу, нашего командира, и тогда будет прочитана еще одна забытая страница из жизни нашей дивизии.

А. КУЗНЕЦОВ,
ветеран войны и труда

гор. Устинов.

А ВАС ЭТО «КОЛЫШЕТ»?

Дело было под вечер. Шли отец и сын. Отцу около тридцати, сыну годика три.

Сынишка все время падал. Нет, он был здоров, чистенько и с любовью одет, а падал потому, что падал его отец, державший его за руку. На лице мальчика смесь разных чувств: и удивление, и страх, но больше гордости, ведь с отцом идет. А на лице отца — маска незменяемого больного, застывшее выражение спящего человека, которого через силу заставляют перебирать ногами. Вот оба подошли к троллейбусной остановке, отец опять упал, увлекая на грязный лед сына, потом они поднялись, и, забыв, что он находится посреди мостовой, родитель вдруг ринулся прямо наперерез идущему транспорту. С трудом затормозил грузовик, дожидаясь, пока оба отступят назад, на тротуар.

Первое, что пришло в голову: какая воспитательница, в каком детском саду смогла отдать ребенка в руки такого папаши, засыпающего прямо на ходу, в какой-то момент способного вообще забыть, что он не один, что в его руках жизнь, здоровье юного существа?

Я не призываю работников детских садов в подобных случаях вести ребенка к себе домой, как это делала моя мама, когда была заведующей детсадом (она порой даже деньги свои вносила за пьяниц-родителей на содержание их детей), но все же давайте подумаем: что делать в таких случаях?

ЧИТАТЕЛЬ— ЖУРНАЛ— ЧИТАТЕЛЬ

НАШ КОД 450

4, 5, 0 — какие легкие цифры. Запомнить их, кажется, не составляет никакого труда. Это код, установленный в подъезде нашего недавно отстроенного дома. Кодовые замки сейчас почти повсюду, и делается это, наверное, в первую очередь для того, чтобы охранять покой жильцов, оградить их от веселых компаний с гитарами и бутылками, нередко уютно устраивающихся на широких подоконниках чужих подъездов. Да и тепло сохраняется лучше, когда двери плотно прикрыты. Но не прошло и нескольких дней, как это хитрое устройство было выведено из строя. Его починили. А через день в двери появилась зияющая дыра. Ее заделали. Еще день — и снова поломка.

Дом новый, в нем нет ни одной коммунальной квартиры, все живут в отдельных, все очень милые, вежливые люди, когда встречаешься с ними у лифта. Кто же тот злой вредитель, который ломает двери, варварски разрезает ножом линолеум на полу лифта, разбивает плафоны, лампы, расписывает стены? И не только в нашем доме.

Бывая в Вильнюсе, в его новых районах Лаздинай, Жермунай, я всегда поражалась идеальной чистоте в подъездах домов, продуманности планировки дворовых территорий. Мне сказали, что одно время там ежедневно в вечерних новостях по телевидению показывали нарушителей порядка и спокойствия. Захламил свой балкон, а вечером тебя «прославят» на весь город.

Может быть, это не единственный способ бороться с варварским отношением к жилому фонду, который щедро предоставляет нам государство. Интересно, во сколько обходится ремонт всех этих поломок и какие существуют радикальные меры для наказания жильцов-хулиганов?

А. ЖАРОВА

Москва.

Это письмо — на важную тему: о сохранности жилого фонда, о нашем отношении к социалистической собственности. Наш корреспондент В. Морозова познакомила с этим письмом главного инженера производственного жилищно-ремонтного объединения Свердловского района Москвы Анну Алексеевну Шехову и попросила ответить на некоторые вопросы.

— Анна Алексеевна, что делается в районе для поддержания зданий в хорошем состоянии?

— Район наш особый, на его территории до 40 процентов построек еще дореволюционной поры, требующих постоянного тщательного ухода. Тем более обидно, что в письме читательницы журнала речь идет о новом доме. Относится он к ДЭЗ № 10. Всего на его участке 28 домов, в основном недавней постройки. Ежегодно на текущий ремонт им выделяется сто тысяч рублей. Из них десять процентов, то есть десять тысяч рублей, уходят на ликвидацию «художеств» пьяниц, хулиганов, подростков. Каждое утро начинается с изучения заявок: где дверь сломали, где «хозяйственные» жильцы стекло в подъезде вырезали, лампочки выкрутили «для дома, для семьи». Плотников, слесарей, электриков просто не хватает.

— Что вы можете сказать о кодовых устройствах, их стоимости, ремонте, почему, на ваш взгляд, их разбивают жильцы?

— Стоимость установки кодового устройства в одном подъезде — 300—350 рублей, а за его ремонт мы платим 8 рублей 50 копеек. Одна из причин поломок заключается в том, что они снабжены дефицитными радиодеталями, за которыми охотятся радиолюбители, в частности подростки. Сейчас устройство это упростили, да и «приковываем» его к стене более надежными металлическими скобами. Но дело не только в этом. Я считаю, что надо повысить роль общественности в сохранности жилого фонда, усилить воспитательную работу в семьях, школе. Озорничают в подъездах главным образом дети. Кстати, поблизости с домом, где живет А. Жарова, есть дом, в котором подобный замок стоит уже пять лет и ни разу не ремонтировался.

— Анна Алексеевна, существуют ли какие-либо радикальные меры для пресечения хулиганства в домах?

— Существует статья закона, позволяющая выселить злостного неплательщика из квартиры. Но одно дело — закон, другое — жизнь. Так и тут. Можно штрафовать родителей, внушать детям, что нехорошо разрисовывать стены, ломать замки. Но работу эту надо проводить сообща, как говорится, всем миром, в частности, многое могли бы сделать и работники милиции.

Права Анна Алексеевна Шехова. Поднятые в письме вопросы касаются и всех нас, живущих в домах. Сейчас на многих предприятиях развернулась борьба за бережливость и экономию. А дома, после работы... Иные жильцы равнодушно проходят мимо расписанной стены, выбитого стекла, не интересуются, отнуда у их сыновей-школьников появились новые радиодетали.

Дорогие читатели, хотелось бы знать, как в вашем доме следят за чистотой, за воспитанием детей, как борются с нарушителями общественного порядка в подъездах, охраняют, берегут свое жилище. Напишите нам.

Это дикое сочетание чистоты и грязи видели десятки людей, их обгоняли и шли навстречу прохожие, среди них были женщины, парни со спортивной осанкой, и никто не остановился, не захотел связываться. Не вмешался и я, а ведь можно было бы вмешаться, поступиться своим временем и доставить домой ребенка с подзагулявшим папашей.

И еще. Работники детсада, конечно же, обязаны знать родителей, учитывать их пристрастия, их «хобби». Знаю, что так было в 30—40-х годах, когда заведующие садами, методисты роно посещали семьи своих воспитанников. Это входило в программу их работы. А если отец ребенка «добирал» спиртного, взяв сына из сада, на глазах у людей? Что о них, свидетелях этого, можно сказать? Говоря на модном жаргоне, их это «не колышет». Такие взывают к общественности лишь тогда, когда беда стоит у их порога.

Мне кажется, что с позицией невмешательства в «чужие» семейные дела надо кончать. Ведь речь идет о детях.

А. СЕРГЕЕВ

Тула.

ПРОПАВШИЙ «КРОТ»

Лет десять назад, а может, чуть больше химики рекламировали новый препарат «крот». Стоял он тогда на прилавках многих хозяйственных магазинов. Хороший это был препарат. Засорится сток в раковине, насыпал ложку-вторую «крота», добавил немного горячей воды — и через несколько часов все в порядке. Когда был в продаже «крот», водопроводчикам работы поубавилось. Но затем препарат исчез. Поинтересовались в химическом ведомстве, там сказали, что готовят новинку, более эффективную.

Ладно, хоть «крот» и без того был неплох, но лучшее — всегда враг хорошего. Через три-четыре года после первых сообщений появился «крот-2», уже не в порошке, а жидкость. Не скажу, что он лучше, чем первый препарат, но хоть такой... Но и его нет. На все мои вопросы в магазинах: «Крот» есть?» — следует неизменный ответ: «Бывает. Но очень редко...»

Может, оттого «крот» дефицитен, что препарат недорог и его невыгодно делать?

Но ведь нельзя на такой лад смотреть на нужный товар! И тут годится принцип «конечного результата». Даже подсчеты по одному многоквартирному дому показывают, что число вызовов сантехников (которые ныне устраняют засоры стоков водопровода на кухне, в ванной) сократилось вдвое, когда пользовались «кротом». Это значит, что ежедневно несколько часов их времени можно потратить на другие работы.

Да и хозяйкам с «кротом» спокойнее. Чуть что — налил немного раствора (еще бы лучше выпускать прежний препарат «крот-1» — он надежнее), и дело сделано.

Может, в Министерстве химической промышленности пересмотрят свое отношение к выпуску «крота»? И поручат какому-нибудь заводу делать его не чуть-чуть, а в достатке?..

Е. ПОЛЯКОВА

Москва.

КОММЕНТАРИЙ ОТДЕЛА ЭКОНОМИКИ БЫТА. Исчез из продажи какой-то товар? Не автомобиль, не мебельная стенка, не модные туфли. Всего-то навсего «крот», неприметное изделие домашнего обихода, мелочь... Но в том-то и дело, что за последние годы все отчетливее проявляется тенденция промышленности: без литавр и оповещений, тихо, «в рабочем порядке», снимаются с конвейера, выбывают из планов производства прежде всего изделия недорогие, вроде бы третьестепенные, не сразу и обнаружишь такую потерю. Пропал «крот», не стало «шрифтоочистителя», в московских и ленинградских магазинах нет крема рижского производства «Шарм», на смену недорогой ленте для пишущих машин приходит заметно более дорогая. Правда, в элегантной упаковке...

Исчезает именно недорогой, повседневный нужный товар. Особенно преуспели в этом малопочтенном «мероприятии» заводы и фабрики химической промышленности, а также промышленности строительных материалов. Недорогой стакан найдешь не во всяком магазине, зато хрустальных ваз и фужеров — сверх всякой потребности.

Не приходилось ли и вам, читатель, сталкиваться с тем, что в магазинах «1000 мелочей» нет мелочей? Не завести ли «Красную книгу» хозяйственных мелочей, предметов обихода?

●

«Огонек» очень правильно написал о современных банях и сеансах в них (автор письма имеет в виду статью «В баню на вечерний сеанс?».— **Ред.**), но очень жаль, что автор статьи не побывал в наших алма-атинских банях и не написал о них... Он бы получил у нас много фактов в подтверждение своей полемической запальчивости, которая есть забота о человеке; не пришлете ли к нам корреспондента?

О. Шмелева

Алма-Ата.

КОММЕНТАРИЙ ОТДЕЛА ЭКОНОМИКИ БЫТА. Все авторы писем-откликов на статью «В баню на вечерний сеанс?» («Огонек» № 39, 1984) отмечают ухудшение работы бань после введения такой новации, как сеансы. Вот еще два письма: от москвича А. Ефимова и от Л. Тюриной из Читы. «Сеансы неудобны для посетителей» — их мнение. Редакция получила письмо из Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР; видимо, именно это ведомство и было инициатором банных сеансов? Но ответа на поставленные в читательских письмах вопросы в министерском письме, по сути, нет. Поэтому редакция предполагает вернуться к проблеме, поставленной в заметках «В баню на вечерний сеанс?».

●

В салонах такси появились таблички с заботливыми словами: «Просьба не курить». Заметные такие надписи... Но вот сами таксисты (некоторые) не обращают на них внимания и курят. Может, эта просьба не распространяется на водителей или они просто не умеют читать?

В. Прохорова

Ленинград.

ЖЕМЧУЖИНЕ БАЛТИКИ — ЖИТЬ!

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

В статье «В защиту Куршской косы» («Огонек» № 47, 1984 год) инженер лесного хозяйства В. Тишков поделился опасениями за судьбу живописнейшего уголка Калининградской области — Куршской косы. Ей грозит немало опасностей: из-за неукрепленного побережья, необорудованных сходов дюны разрушаются и не могут служить препятствием волнам. Ураганы в 1982 и 1983 годах разрушили береговые защитные сооружения, ими были вызваны оползни и обвалы. Последствия шторма устраняются недостаточно быстро.

Редакция получила ответ заместителя председателя Калининградского облисполкома А. Григорьева. Он пишет: «В соответствии с планом мероприятий по ликвидации последствий ураганов институт «Ленгипрогор» по заданию Госстроя РСФСР и облисполкома закончил разработку проекта схемы планировки территории Куршской косы. В проекте четко разграничены зоны резерватов, заказников и хозяйственного освоения, учитываются предложения по инженерным мероприятиям, в том числе вариант у прокладки электрокабеля вдоль автодороги вместо воздушной линии электропередачи...

Облисполком принял специальное решение о дополнительных мерах по дальнейшему развитию, благоустройству и охране территории Куршской косы. Мероприятия, утвержденные этим решением, охватывают весь комплекс задач охраны природы косы до 1995 года. Реализация указанных мер взята исполкомом под строгий контроль».

От редакции. Многие читатели «Огонька» спрашивали о мерах, предпринятых по выступлению журнала «В защиту Куршской косы». Думается, что ответ Калининградского облисполкома, даже не вполне конкретный, дает представление о комплексе и характере работ по наведению порядка в уникальном месте Прибалтийского побережья.

СОКОЛЬНИЧЕМУ – 9 ЛЕТ

Эдуард Сарханидзе.

В Грузии охота с ловчими птицами известна с древних времен. Сокольничих в Грузии называют «базиери». Сейчас при обществах охотников и рыболовов открыты секции ловчих птиц, проводятся районные и республиканские личные, командные первенства. Чемпионат 1984-го состоялся в Аджарии на Хелвачаурском районном стадионе, в нем приняли участие сборные команды Абхазии, Аджарии и ряда районов — участвовали 80 базиери со своими ловчими птицами.

Приз «За лучшие показатели» среди юношей завоевал школьник из Махарадзе М. Кобуладзе. Ученица шестого класса Махинджаурской средней школы Наргиз Джинчарадзе была лучшей среди женщин.

Хотелось бы отметить еще одного юного базиери из села Гантиади Хелвачаурского района, ученика 2-го класса Эдуарда Сарханидзе. Ястреб его слушается хорошо, результаты в двоеборье высокие. После чемпионата Эдуард заинтересовался охотой с коршунами, но пока ему трудно носить на руке тяжелую птицу, однако мальчик полон усердия и желания освоить эту охоту.

Г. ЧОГОВАДЗЕ,
председатель республиканской секции ловчих птиц

Батуми.

В ЧЕСТЬ ДНЯ ПОБЕДЫ

Сегодня мы подводим итоги двух объявленных журналом конкурсов, посвященных 40-летию Великой Победы.

«ПОМНИТ МИР СПАСЕННЫЙ!» — таков был девиз конкурса, участники которого по просьбе «Огонька» прислали нам бережно сохраненные ими бесценные реликвии войны, опаленные огнем жарких битв фронтовые письма, фотографии из семейных альбомов, рассказали историю этих снимков, о судьбе тех, кто на них изображен, познакомили с ковавшими Победу в тылу.

Называем имена участников конкурса, которых «Огонек» приглашает в Москву на День Победы:

Г. Н. Бастицкий (Ялта), В. А. Воробьев (Псков), М. А. Ермаков (Гомель), А. П. Исакова (Киев), Ф. М. Карпов (Пермь), В. С. Королев (Чапаевск, Куйбышевская область), И. К. Пех (Пятихатки, Днепропетровская область), Н. А. Сафрошин (Калуга), К. И. Сустретов (село Козловка, Воронежская область), А. Т. Ювков (Краснодар).

Подписку на «Огонек» на 1986 год получают:

Завирюха Ф. Я. — село Рубаный Мост, Кировоградская область; **Золотова Р. Г.** — Чебоксары; **Климченко П. П.** — Никополь; **Мартынов Н. Ф.** — Улан-Удэ; **Новиков Н. В.** — Калининская область; **пионерская дружина «Млада гвардия»**, село Граф Игнатиево, Болгария; **Слепцов Игорь** — Свидник, Дуклинский военно-исторический музей, ЧССР; **Стасюк Ф. П.** — Житомир; **Сухоруков В. П.** — Норильск; **Троян В. К.** — Одесса.

По вашей просьбе, дорогие читатели, мы продолжим публикацию ваших писем. Ждем от вас новых материалов. Не забудьте написать на конверте «Помнит мир спасенный!». Фотографии и документы будут возвращены до конца этого года.

* * *

«УЧАСТНИКИ ПАРАДА ПОБЕДЫ, ОТЗОВИТЕСЬ!» — так назывался конкурс, который редакция журнала «Огонек» объявила в мае прошлого года. Тогда мы обратились к участникам незабываемого Парада Победы с просьбой рассказать о себе, о своем боевом пути, о том, как и какими дорогами шли они к исторической Красной площади.

Мы обращались также к родным, близким и фронтовым товарищам тех участников Парада, кто не дожил до сорокалетия великого дня окончания войны. Мы обещали, что авторы лучших писем будут награждены. И вот итоги конкурса подведены. Первые пять мест заняли **В. Воеводин, А. Бельдинский** (Москва), **К. Джиоев** (Цхинвали), **Г. Репкин** (Вязники) и **С. Творун** (Киев). Этих авторов писем ждет поездка в Москву и годовая подписка на «Огонек». Вторые пять мест заняли: **С. Силантьев** (Ярославль), **Р. Романенко** (село Винсады, Ставропольский край), написавший о дедушке, **И. Торба** (Унеча), рассказавший о своем товарище, **П. Кабанов** (Калинин) и **Н. Стрельченко** (Волгоград). Они получат годовую подписку на «Огонек».

* * *

Редакция журнала «Огонек» сердечно благодарит всех, кто откликнулся на наш призыв, и прежде всего вас, дорогие фронтовики. Желаем всем вам крепкого здоровья, успехов в работе, личного счастья.

Примите также и наши поздравления с сорокалетним юбилеем одного из самых светлых праздников — Дня Победы!

НАШ ВЕК

Он на закате, XX век. Мальчики и девочки, родившиеся в юбилейном году нашей Победы над гитлеровской Германией, еще не достигнут совершеннолетия и будут посещать школу, когда откроет свой календарь XXI век. Еще немного — истечет время жизни нашего поколения...

Каким же был он, XX век? Историки, политики дадут ему определение. Но и сегодня мы знаем, что это был наш век. И потому, что мы жили в это время, и потому, что это было время борьбы за идеи социалистической революции, борьбы с фашизмом, борьбы за мир. Наш век!

Еще живы те, кто сохранил в памяти последние годы предыдущего столетия и первые полтора десятка лет нашего века, они могут сравнить две реки времени. Электричество, радио, телевидение, автомобиле- и самолетостроение, подводные корабли и подземные поезда, выход в космическое пространство, шаги по Луне, энергия, рожденная в атомном котле... Все это XX век.

Прогресс науки, техники и технологий очевиден. Мир стал неузнаваем. Но именно XX век породил новые виды оружия, именно он может стать последним в череде сотен и сотен веков эволюции на Земле. Массовое уничтожение всего живого на планете, угроза этой планете, единственной обитаемой в доступном разуму мироздании,— это тоже XX век, его непреходящая тревога.

Если бы не война!.. Если бы не войны, минувшие и замышляемые, был бы наш век веком торжества человеческого разума!.. Но темные силы воинствующего мракобесия иногда брали верх, и тогда обрушивались на человечество такие беды, как, например, империалистические войны в Европе.

Перспективы ядерных столкновений великих держав и космических поединков еще более мрачны...

И все же в наше время поколение творцов Победы одолело фашизм, потеснило империализм, разрушило колониальную систему, собрало нации в международную семью. Мы оптимисты, и потому наш век останется в истории веком прогресса.

Он был еще очень молод, XX век, когда народы Российской империи низвергли самодержавие. Молодая Страна Советов победила, зажила своей жизнью. И все годы мы помнили предупреждение Б. И. Ленина: «...Кто забудет о постоянно грозящей нам опасности, которая не прекратится, пока существует мировой империализм,— кто забудет об этом, тот забудет о нашей трудовой республике».

Мы не забывали, мы не забудем.

СССР не был одиноким в решающей схватке с фашизмом. В грозное лето 1941 года у нас

появились союзники в лице США и Англии: смертельная опасность объединяет.

Тем более мы не одни сегодня. Наш век — век социалистической ориентации и интеграции. С нами наши друзья, социалистические государства. С нами Ангола, Эфиопия, Кампучия, Никарагуа...

Нет — капитализму. Да — социализму! Это тоже XX век.

Гарант мира — ООН. Вслушайтесь в слова: Организация Объединенных Наций! Наша Победа в 1945 году и содружество наций принесли человечеству мир. Мир на Земле оплачен страшной ценой. И вот реальность — нет войны, не было войны.

Мы за мир. Народам мира войны ничего, кроме несчастья, горя и потерь, не дают.

Тайные замыслы империалистов, обезумевших претендентов на мировое господство, давно стали явными. Гонка вооружений может завести далеко и обернуться однажды трагедией.

Мы бдительны. И этому нас научил наш век. Советское правительство ясно заявило, что никогда не применит ядерное оружие первым. Ждем ответных шагов от администрации президента США и его сателлитов. Должны же они понять, что война в космосе, как и вообще атомная война, безумие. Начать легко... Но все здравомыслящие люди знают, чем такая война кончится.

Наш век на страже мира. Спасибо тебе, наше время, такое нелегкое и все-таки счастливое время!

Иван КУЗОВКОВ,
Герой Советского Союза,
генерал-полковник в отставке

К. Антонов. Род. 1924. ПОБЕДИТЕЛИ. 1985.

Всероссийская художественная выставка «Мир отстояли — мир сохраним».

На развороте вкладки:

Б. Иогансон. 1893—1973. ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ. 1947.

А. Ткачев. Род. 1925, С. Ткачев. Род. 1922. ДЕТИ МИРА. 1982—1985.

Всероссийская художественная выставка «Мир отстояли — мир сохраним».

В НЕБЕ — ВМЕСТЕ С СОЮЗНИКАМИ

Алексей ГОЛИКОВ

Во время поездки по Соединенным Штатам в клубе старых пилотов города Портленда мне довелось познакомиться с мистером Биллом Оуэнсом. Узнав, что я во время войны служил в авиации дальнего действия, он показал мне памятную фотографию: американский и советский летчики сидели в пилотской кабине боевого самолета. Русского звали: навигатор Владимир Рощенко.

Я сказал, что хорошо знаю бывшего штурмана Владимира Федоровича Рощенко. Во время войны он сделал триста боевых вылетов, награжден орденами и медалями, удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

— Передайте ему мой сердечный привет,— попросил Оуэнс.

В Москве я выполнил его поручение. В ответ Рощенко показал мне точно такую же фотографию, какая была у американца.

— Как ты с ним познакомился? — спросил я.

...Весной сорок четвертого года штурманов Героев Советского Союза майора Павла Хрусталева и капитана Владимира Рощенко, а с ними старшего лейтенанта Василия Быхала отозвали из боевых полков и временно прикомандировали к группе стратегической авиации США, выполнявшей челночные полеты. Стартуя с аэродромов Италии, «летающие крепости» наносили удары по сверхдальним целям противника. Вернуться на свои аэродромы они уже не могли, а до советских горючего хватало. На обратном пути в Италию они снова бомбили противника. Так и летали, как челнок, туда и обратно.

Советское командование предоставило в распоряжение союзников авиационную базу под Полтавой. Здесь возле шоссе выросли деревянные коттеджи, в которых разместились американские сержанты и солдаты из команд аэродромного обслуживания. От бетонной взлетной полосы из металлических матов сделали рулежные дорожки и стоянки для тяжелых «крепостей». На этой базе, усердно штудируя английский язык, советские штурманы и дожидались очередного прилета американских бомбардировщиков.

«Летающие крепости» с белыми звездами на крыльях — опознавательным знаком американских ВВС — прилетели к вечеру ясного весеннего дня. На следующее утро советских штурманов распределили по их экипажам.

— Обратным рейсом американцы должны были атаковать нефтепромыслы противника,— рассказывает Рощенко.— Цель прикрывали многочисленные зенитные батареи крупного и среднего калибра. Мне уже приходилось несколько раз летать на этот объект, и расположение батарей я хорошо знал. Поэтому меня включили в экипаж самолета-лидера. Командиром его был капитан Билл Оуэнс.

Среднего роста, плотный, с веселыми черными глазами капитан, хоть и с сильным акцентом, хорошо говорил по-русски. Знакомясь, сказал, что он наполовину русский, с улыбкой добавил: «На лучшую половину. Мама приехала в Штаты из Ярославля в девятьсот одиннадцатом».

Я спросил, как ему нравится у нас.

«Встречают здесь по-братски,— ответил он.— Прилетели в первый раз и, видимо, привели за собой немецкого разведчика. Ночью пожаловали «юнкерсы». Пару «крепостей» сожгли на стоянках, а мы выскочили из дома и бросились к укрытиям. Одна бомба разорвалась недалеко, я споткнулся, упал. Слышу, кто-то кричит: «Спасай союзника!» Здоровенный солдат подхватил меня на руки, как ребенка, и вместе со мной спрыгнул в укрытие».

Оуэнс очень деликатно, как бы между прочим, спросил, давно ли я воюю, сколько сделал боевых вылетов. Скромно сказал, что у него их гораздо меньше. До войны был студентом-филологом. После нападения Японии на его родину добровольцем пошел в авиацию. Старший брат сейчас плавает на морских конвоях, которые доставляют военные грузы в Советский Союз.

Оуэнс познакомил меня со своим экипажем. Это были молодые, крепкие парни. Военную форму они носили с какой-то элегантной небрежностью. Хором хвалили мои меховые унты, сетовали, что им в полет такой теплой обуви не выдают. Перед вылетом Оуэнс потребовал, чтобы я надел гибкий стальной жилет, который хорошо защищает грудь, живот и спину от мелких осколков. Такие жилеты американцы всегда надевали, отправляясь на боевые задания.

Мой коллега, штурман, помнится, был по происхождению ирландец. Запасом английских слов я тогда обладал небольшим, но в профессиональных вопросах мы легко понимали друг друга. Маршрут до цели прокладывал я. Он смотрел через мое плечо, прищелкивал языком и понимающе повторял: «О'кей!»

Наш самолет первым поднялся в воздух. Потом стали взлетать остальные друг за другом, с интервалом в 30 секунд. Над аэродромом «крепости» собрались плотным строем и легли на курс с набором высоты. Пожалуй, это был первый случай, когда на боевое задание летели смешанные американо-советские экипажи.

Весеннее утро было ясное, солнечное. С высоты шесть тысяч метров земля просматривалась отлично. Проплыли внизу лохматые хребты Карпатских гор. Показались знакомые мне характерные ориентиры — до нефтепромыслов было уже недалеко. Маршрут я проложил наиболее безопасный, с выходом на цель со стороны солнца, тем не менее нас встретил сильный зенитный огонь. «Крепости» легли на боевой курс, и бомбы пошли в цель. Зенитки замолкли, нефтепромыслы заволокли клубы черного дыма, сквозь которые прорывались багровые языки пламени.

Оставив позади разрушенные, охваченные огнем нефтепромыслы, «крепости» взяли курс на Италию. Теперь маршрут им прокладывал мой американский коллега. Над Венгрией, в районе города Секешфехервара, нас пытались атаковать немецкие истребители, но «крепости» ощетинились пушечно-пулеметным огнем такой плотности, что «мессершмитты» отвернули. На итальянский аэродром Фоджа вся наша группа пришла без потерь.

Так я познакомился с Биллом.

— А фотография? — спросил я Рощенко.

— Американское командование по согласованию с нашим разрешило советским штурманам познакомиться с боевой работой авиации США. Для этого майора Хрусталева направили в итальянский порт Бари, где тоже была большая авиабаза союзников. Нас с Васей Быхалом оставили в Фоджа. Меня в экипаже Оуэнса.

Тогда на итальянском фронте шли упорные бои. Союзники большими силами перешли в наступление южнее местечка Кассино. Авиация работала с полной нагрузкой. Экипаж Билла Оуэнса перебазировали в Неаполь. Мы здесь получили срочное задание на разведку кораблей противника в открытом море.

Вылетели ранним утром. Погода стояла ясная. Однако, когда пришли в район поиска, по небу поползли низкие серые тучи, а море затянула пелена тумана. Оуэнс принял решение возвращаться на свой аэродром. Но тут туман, словно по волшебству, рассеялся, и мы увидели фашистские корабли. Зенитчики на них не дремали и сразу открыли огонь. Высота была небольшая, и огонь сразу стал прицельным. Загорелись мотор и правая плоскость. Второй пилот был тяжело ранен и потерял сознание.

Билл отлично летал. Он скользнул на крыло, сбил пламя и, прижавшись к белым гребням волн, ушел от кораблей. Я имел значительный опыт пилотирования тяжелых самолетов и потому сел на место второго пилота.

«Крепость» была сильно повреждена. Один мотор не работал. На трех мы кое-как дотянули до Неаполя. Зашли на посадку, стали выпускать шасси, но вышла только одна «нога». В таких случаях, по американским инструкциям, экипажу следует оставить самолет — выпрыгнуть с парашютами. Но на борту у нас был тяжелораненый. Я понял, что Оуэнс, спасая его, попытается посадить машину. Когда по его команде остальные члены экипажа выпрыгнули, я остался. Думаю, одному Оуэнсу неисправную машину посадить трудно, буду ему помогать.

«Ты что, оглох? — кричит Билл.— Прыгай, приказываю!»

«Я великая союзная держава,— шучу я,— подчиняюсь только советскому командованию».

Билл погрозил мне кулаком, но спорить было некогда. Так мы вдвоем и посадили нашу израненную «крепость». Второго пилота сразу доставили на операционный стол. Врачи спасли ему жизнь. Мы же с Биллом потом сфотографировались в пилотской кабине памятного для нас самолета.

Два месяца я летал в составе экипажа Билла Оуэнса. Мы подружились. Знакомя со своими друзьями, он с серьезным лицом величал меня «великой союзной державой» и непременно сообщал, сколько я сделал боевых вылетов.

Наконец, пришел приказ: меня отзывали в родной полк. Прощаясь с Биллом, мы подняли стаканы за победу над общим врагом, за солдатскую дружбу, за дружбу наших народов, за мирные, счастливые полеты, за то, чтобы они больше никогда не становились боевыми вылетами.

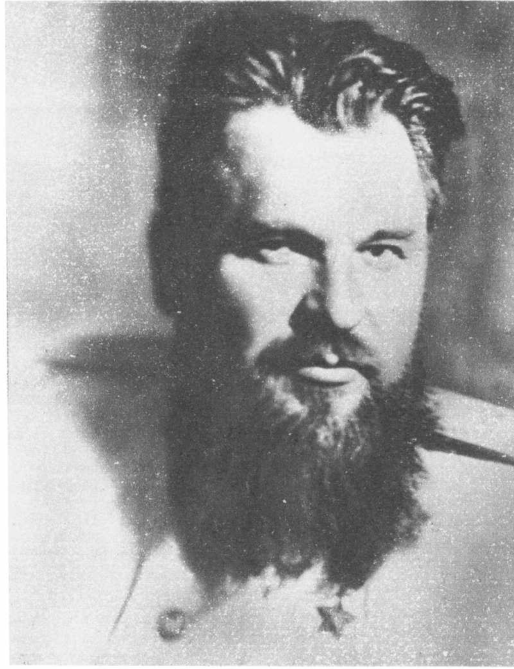
Летчик Билл Оуэнс и штурман Владимир Рощенко в пилотской кабине «летающей крепости». Авиабаза Фоджа, 1944 год.

Человек с чистой совестью

В начале шестидесятых годов в Воениздате вышла книга «Военное творчество народных масс». Этот капитальный труд содержал десятки исторических очерков о методах партизанской борьбы, которая стала составной частью русского воинского искусства. Повествование охватывало огромный исторический период: от походов русских князей по тылам противников до войн Богдана Хмельницкого против польской шляхты, от действий войсковых партизанских отрядов 1812 года до дерзких рейдов Щорса, Лазо, Пархоменко, Котовского. Многие, лишь перевернув последнюю страницу этой энциклопедии партизанских действий, задумывались о том, чем же берет автор, помимо очевидной научной добросовестности и дотошности исследователя. А особый компонент, благодаря которому книга читалась с неослабным вниманием, состоял в том, что автор был в «партизанском» вопросе компетентен так, как, пожалуй, никто из ученых или писателей.

Автор книги Петр Петрович Вершигора был не просто очевидцем партизанской войны против гитлеровцев, а непосредственным, активнейшим ее участником.

Он родился 16 мая 1905 года в селе Севериновка Рыбницкого района Молдавии в семье сельского учителя. До тридцати шести лет абсолютно далекий от воинской службы человек, к концу своей недолгой жизни он имел воинское звание генерал-майора. Актер, кинорежиссер П. Вершигора в предвоенные годы работал на Киевской киностудии. Дежуря на ее крышах, впервые воочию увидел злобный зрачок войны. 25 июня 1941 года в 9 утра над Киевом появились самолеты со свастикой. Через несколько лет Петр Вершигора, командир партизанской дивизии, опытнейший партизанский военачальник, будет вспоминать, как в те минуты поставил на себе крест. Не знал тогда еще, что если бомбы сбрасывают прямо над твоей головой — считай, опасность для тебя миновала...

П. П. Вершигора. Фото М. Наппельбаума. (Публикация Л. М. Наппельбаума.)

Кто бы мог вообразить себе те суровые испытания, какие доведется пережить совсем скоро всем и каждому. Для Петра Вершигоры ими стали ожесточенные партизанские бои, ночные переходы по льду украинских рек, звенящая тишина леса, которая в любой момент может расколоться грохотом сражения. Переправы под ураганным огнем и ночевки в снегу. Длинные годы в условиях постоянного вражеского окружения...

А потери боевых друзей... Как изощрялась смерть, когда орудовала среди партизан! Одни гибли в боях, другие — при переходах. Третьих, как «заслуженного артиста партизанского края» Мишу Демина по прозвищу Ария, сразила шальная пуля, даже выстрела никто не услышал — стоял парень и упал. Гибли и попадая в лапы гестаповцев, как партизан Швайка. После долгих пыток он с товарищем «сдался» и согласился выдать расположение ковпаковцев. Долго они водили фашистов по лесам, пока в сумерках не бежали, прыгнув один за другим со скалы. Товарищу удалось уйти, а Швайка сломал ногу и был застрелен озверевшими гестаповцами.

Не раз испытал Петр Вершигора, как сжимается сердце при виде пепелищ, растерзанных женщин, стариков, детей. «Во время войны для человека самое легкое дело быть на фронте,— признается писатель устами одного из своих любимых героев — легендарного комиссара С. В. Руднева.— От войны страдают больше всего: из вещей — стекла, из животных — лошади, а из людей — женщины и труженики тыла...»

«Люди с чистой совестью» — так называлась первая книга Петра Вершигоры, написанная по горячим следам событий. Ни одной страницы этой книги придумать было невозможно. Она наполнена скорбью и радостью, гордостью за содеянное и той особенной совестливостью перед павшими друзьями, которая столь знакома ветеранам войны. Речь в ней идет только об одном отряде. «Случай и место, где застала тебя война, определяют меру твоей ноши. Наше место было на коне, на тачанке, в походах. А ноша — Карпаты»,— писал П. Вершигора, завершая книгу.

В ней нет длинных авторских рассуждений, психологических описаний. Без лишнего пафоса, без прикрас описываются партизанские будни, люди, чьи имена и подвиги в памяти потомков стали легендарными. То, о чем говорит Вершигора, было не «полигоном» человеческой души, а самим ее живым бытием. Не подготовкой к испытаниям, а самими испытаниями. При работе над книгой, по признанию автора, была лишь одна трудность — «найти в себе мужество говорить обо всем только правду». И это ему вполне удалось. Взволнованный отклик миллионов читателей, Государственная премия СССР были тому свидетельством.

Перед нами со страниц книги живыми встают те, кто пускал под откос фашистские эшелоны, несмотря на то, что все тропы и подходы к путям были утыканы противопехотными минами, те, кто в глухом тылу освобождал заключенных из концлагерей, кто валил столбы связи, кто в глубине гитлеровских дислокаций оставлял от мостов лишь обгоревшие их ребра, торчащие из воды. Геринг, посетивший Житомир весной 1943 года, в досаде воскликнул в кругу своих приближенных из «Люфтваффе»: «Большевики воюют не по правилам!» Но партизаны воевали по правилам, по высшим правилам. Они мстили за слезы нашего народа, за вдов и сирот, за смерть товарищей. И в первых рядах мстителей был Петр Вершигора. За успешные боевые действия ему в августе 1944-го было присвоено звание Героя Советского Союза.

Он торопился. Он остро сознавал, что каждый удар его сердца есть напоминание о долге. «Не дать ничему потеряться» было его задачей. Он понимал, что память превозмогает время. Ведь еще Петрарка утверждал: «Если бы не Гомер, та же могила, которая скрыла тело Ахилла, скрыла бы и его славу».

Менее чем за двадцать лет из-под пера писателя выходят новые книги: «Рейд за Днепр», «Карпатский рейд», «Рейд на Сан и Вислу».

В 1947—1954 годах Петр Петрович Вершигора преподавал в Академии Генштаба. Но литература властно требовала полной самоотдачи. Писатель-партизан создает роман «Дом родной», выпускает два сборника рассказов — «Партизанская любовь» и «Иван-герой», издает книгу «Невыдуманные приключения», куда вошла повесть «Переправа» и новеллы о ветеранах войны и труда. Но безвременная кончина в 58-летнем возрасте обрывает работу...

«Добре було Денису Давыдову партизанить,— вспоминал писатель слова С. А. Ковпака.— Его авиация не чипала». Казалось поначалу партизанам последней войны, что давний опыт — это лишь история и никак не приложим к их действиям. А случилось, что именно давыдовский метод, о котором вспомнил один из ковпаковцев, П. Вершигора, спас партизан от полного окружения. И, таким образом, опыт исторический, нравственный, духовный доказывал свою жизненность. Сделанное Вершигорой — тоже подтверждение этого. И сегодня, в день 80-летия, мы отдаем низкий поклон благодарности писателю, который оставил нам бесценные документы. Мы преклоняемся перед мужеством и высокой душой этого человека. Он до конца исполнил свой долг перед Родиной, перед погибшими товарищами, перед потомками — всей своей недолгой, но такой гражданственной и такой по-мужски насыщенной жизнью.

И. ДЬЯКОВ

ТВ

ЛЕТАТЬ ЗАВЕЩАЛИ РОССИИ...

Среди пионеров русской авиации одним из первых значится имя Степана Васильевича Гризодубова, летчика, авиаконструктора-самородка, собственноручно построившего до 1913 года четыре самолета и три авиадвигателя своей конструкции. Он испытывал свои машины в воздухе... над харьковским ипподромом, откуда совершал полеты.

Его жизненному пути посвящен новый фильм Центрального телевидения «Летать завещали России...».

Создатели картины решили не ограничиваться узкобиографическими рамками, а показать деятельность первых отечественных авиаторов того периода, условия их работы, ход конструкторской мысли в России. Рядом с Гризодубовым как бы проходят страницы истории авиации, кадры старинной хроники, фотодокументы и свидетельства очевидцев...

Комментируют эти страницы известные летчики К. К. Арцеулов и Л. М. Мациевич, диалог которых происходит в доме дочери Гризодубова — известной советской летчицы Героя Советского Союза Валентины Степановны Гризодубовой, впервые поднявшейся вместе с отцом в небо на его аэроплане в возрасте двух лет...

«Романтик был мой отец, мечтатель...,— говорит Гризодубова.— Он считал, что без мечты жить невозможно. Что бы он ни делал, какой отраслью науки и техники ни занимался — всю жизнь свою он оставался предан небу...»

Съемочная группа поставила перед собой задачу — создать у зрителей эффект присутствия на борту летательных аппаратов начала века. Для этого автор фильма М. Листов, по профессии летчик-испытатель, вместе с оператором В. Ахниным и ассистентом В. Агафоновым поднимались в небо на различных летательных аппаратах: самолетах, вертолетах и планерах. Летчики старались выдерживать те же режимы и профиль полетов, что и первые русские авиаторы на своих машинах.

Съемки шли под Ленинградом, Харьковом, Качей, Коктебелем, Пушкином и Гатчиной — там, где проходили маршруты истории авиации.

Большую работу по отбору кинолетописных материалов провела ассистент режиссера В. Аракчеева и отличные знатоки своего дела — специалисты по монтажу — Л. Левина и Т. Ланских, их добрые советы во многом помогли режиссеру фильма В. Буткову, знакомому зрителям по кинофильму «Крылья», посвященному В. С. Гризодубовой — командиру легендарного самолета «Родина».

Музыкальной темой фильма стал «Воздушный марш», написанный в 1910 году, который вместе с фрагментами классической музыки использовал для оформления картины П. Лопатин вместе со звукооператором Б. Терешенковым. В фильме прозвучали поэтические страницы из произведений Блока, Куприна, Экзюпери, которые в сочетании с прекрасными воздушными съемками позволили показать высокую романтику жизни покорителей неба — первых русских авиаторов, завещавших летать своим потомкам — нашим современникам.

Е. ВОРОНЧЕНКО

На снимке: С. В. Гризодубов возле своего аэроплана. 1911 год.

БЕЛОКУРИХА

Нина ХРАБРОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

...Утром просыпаемся от необычного света; затененно-снежный, он едва проникает в залепленные окна. Толкаем дверь на улицу — не тут-то было; ее сугробом прижало, занесло наш домик до самой крыши. Лопату кое-как просунули, сделали лаз, сначала выбрались старшие, потом младшие. Смеху было бы, если бы не война... Правда, теперь она уже не рядом, а за пять тысяч километров, но она с тобой, как постоянная боль. Какой уж тут смех. Оглядели предгорья, поохали, как старички — ох, замело-то все, весь мир ночной пургой накрыло. И над деревней утренних дымков нет, видно, тоже откапываются.

Шел 1943 год...

Лето заливало пологие предгорья красными потоками крупной земляники, какой никто из нас ни до Алтая, ни после не видел. Летом у нас много работы было — мы зарабатывали деньги в Фонд обороны, пололи сорняки. Деньги пригодились фронту — пошли на строительство катера «Пионер Алтая». Потом мы вязали в снопы пшеницу. Не помнится уж, по скольку гектаров собирали, но что зернышку не давали пропасть — это точно. По детскому искреннему и правильному разумению, каждое зернышко было ударом по врагу. Все мы от мала до велика понимали: отныне грозный, хорошо знакомый нам по первому году войны гул фронтов пойдет на запад, на запад...

Вот так, между предгорьями и полем, радостями и бедами всей страны жила наша деревня, наша добрая вторая родина военных лет. Красотой и трудолюбием воспитывала нас, растила патриотами. С виду такая же, как и все деревни в округе. И не такая!

Потому не такая, что там, где акробатка-речка уже спрыгнула с предгорья и начала свой бег в степь, в этом месте на земле и на реке вдруг все начинало куриться белым паром. Не оттого ли и речку и деревню назвали Белокурихой? Наверное, испокон веку приходили сюда лечиться люди. Но, по печатным источникам, место это как лечебное известно только с 1867 года. В петербургском издании «Сын отечества» появилось такое сообщение: «В деревне Ново-Белокурихе крестьянами Казанцевым и Гудковым открыты горячие минеральные ключи. Они находятся по обеим сторонам речки, вода в них горячая, как нагретый щелок. Казанцев вылечил раздробленную лошадью руку, которой не владел 12 лет, а Гудков — болевшие от воспаления глаза... вода щелочно-серная сходится с водой кавказских ключей».

Однако на этом месте долго ничего не строили. Только при Советской власти сибиряки почувствовали целебную силу Белокурихи. А когда началась война, местные жители приняли, пригрели и окружили заботой детей из прифронтовых городов. В опустевших бревенчатых корпусах и одноэтажных домиках поселились ребятишки, эвакуированные из подмосковного костнотуберкулезного санатория, и пионеры Артека, поселившиеся в Белокурихе после многих переездов в полном составе. О них я и пишу «мы» — сама там была...

...Утром после долгих дорог просыпаемся в автобусе — мы снова в Белокурихе, только постаревшие на сорок два года. Встречают нас юные девушки в красочных русских сарафанах, пионеры и женщины постарше — те, кто заменял нам тогда семью... О, сладость и горечь послевоенных встреч, неувядшее душевное родство через годы и расстояния!.. По утрам наши белокурихинские подружки прибегали в гостиницу, приносили парное молоко в пятилитровых банках и великое лакомство военных лет — пшенную кашу с тыквой — «в тех кастрюлях, в которых тогда варили»...

Длинноватая получилась присказка к рассказу о новом городе. Присказка о любви, постоянстве и иных высоких чувствах, о которых умолчать нельзя, потому что доброта и человечность из Белокурихи никуда не ушли и нужны здесь не меньше, чем термальные источники. А Белокуриху не узнать! В войну только и «зелени» в ней было, что цветы на окнах. А теперь совсем садами и парками укуталась. Когда сквозь них удалось дома разглядеть, выяснилось, что они каменные. И населения здесь не две-три сотни, как тогда, а многие тысячи. В Медвежьем логу, защищенном горами от всех ветров, на месте наших маленьких домиков — своим глазам не поверишь — стоят высотные, чуть не вровень с предгорьями, красавцы санатории.

— Нет больше деревни. В 1982 году поселок Белокуриха был преобразован в город,— рассказывает молодой председатель горисполкома Александр Александрович Бенгардт.— Наш город-курорт общесоюзного значения. Поэтому и задачи у нас необычные. Иные новые города в первую очередь развивают промышленность. А у нас не должно быть труб — белокурихинский воздух останется хрустальным.

— Охотно ли коренные белокурихинцы превращаются в горожан?

— Конечно, им жаль расставаться с садами, с родным очагом. Однако перевес в пользу городской жизни явно ощутим — у нас много заявлений на получение комфортабельного жилья. А любовь к земле, стремление что-нибудь вырастить на ней у новоиспеченных горожан, к счастью, не проходит — посмотрите, сколько цветов появилось вокруг новых домов! Центр Белокурихи, об этом позаботился Ленгипрогор, останется малоэтажным, выше по предгорьям поднимутся пяти- и девятиэтажки. Для облицовки корпусов санаториев использованы красивые сибирские природные материалы.

Замечаю, что интерьер тут современен и элегантен. А очертания зданий как бы стремятся к гармонии с горами.

— Как идут дела у строителей?

— В одиннадцатой пятилетке были построены санаторий «Сибирь» для совместного лечения родителей с детьми и «Белокуриха» на 1040 мест. Скоро раскроет двери «Россия» — шестая по счету здешняя здравница профсоюзов. И санаторий для детей, страдающих заболеваниями опорно-двигательной системы, построен. Строительное управление осваивает каждый год пять миллионов рублей. По итогам 1984 года ему присуждено переходящее Красное знамя ВЦСПС. Сооружение общекурортной радоновой водолечебницы отмечено премией Совета Министров РСФСР.

— Много ли тут маленьких горожан?

— Много. Мы построили для них два новых детских сада, две школы. Трудовую подготовку они проходят на автобазе, на стройках, в медицинских учреждениях, в ателье — ведь там придется им и работать. Техникумы для них откроем, создадим филиал проектного научно-исследовательского института. У Белокурихи большие перспективы, и связаны они с главным нашим богатством — термальными источниками.

О них прежде всего и пошел у меня разговор с Ю. Л. Азаевым, возглавившим здесь дирекцию санаторно-курортных учреждений и хозяйств Алтайского совета по управлению курортами профсоюзов.

— Белокурихинская радоновая, слаборадиоактивная вода уникальна по своему химическому составу,— рассказывал Юрий Леджиевич.— У нее к тому же нормальная для лечебной воды температура, доходящая до плюс сорока градусов. Высока эффективность нашего курортного комплекса. Тут благоприятное сочетание природных лечебных факторов: вода, мягкий, теплый климат, обилие — не меньше, чем на юге европейской части страны — солнечных дней. Благодаря этому мы успешно лечим ревматизм, некоторые формы костных заболеваний, заболевания опорно-двигательного аппарата, некоторые болезни сердца, гипертонию. Малые радоновые процедуры исцеляют воспалительные процессы глаз и десен. Предусмотрены также суховоздушные ванны в камерах и ингаляция. Исследования лечебных свойств радона продолжаются. В них принимают участие ученые Сибири, отделения Академии наук СССР, научные сотрудники Томска и Новосибирска. Особо я хотел бы подчеркнуть, что Белокуриха гораздо больше подходит сибирякам и уральцам, жителям Курил, Сахалина, Камчатки, нежели приезжим из европейской части страны — у них слишком большой период адаптации к двукратным переменам климата.

— Велики ли запасы целебных источников?

— Оптимально, без изменения насыщенности и целебности мы можем обслужить до ста тысяч больных в год. Сейчас к нам в год приезжают до 14 тысяч человек, а будет, естественно, больше. Курорт и город в дальнейшем станут развиваться так, чтобы одновременно могли лечиться шесть тысяч человек. Будут построены новые и расширены старые профсоюзные здравницы.

— А что собой представляют существующие?

— Известная «Белокуриха» — базовый санаторий широкого профиля. «Катунь»— межколхозно-совхозная прекрасно оборудованная здравница со своим лечебно-плавательным бассейном. Кооператоры построили себе санаторий «Центросоюз», машиностроители —«Алтай». Кроме того, мы можем обеспечить курсовками и жильем значительное число больных, приезжающих без путевок. Сложилась определенная система их обслуживания. Стремимся к тому, чтобы без внимания не остался ни один человек, нуждающийся в лечении...

Красный бубен

По мотивам алтайской сказки

Наталья КАРПЕКИНА

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Сырга устала. Опустилась на камень. Тяжел стал бубен.

— Вот и жизнь прошла,— сказала шаманка.

Закрыла глаза Сырга, задремала. Увидела в своем последнем сне: несет ее горячий конь по голубой Курайской степи...

Пережил бубен Сары-кама и эту хозяйку. Нет больше правнучки желтого шамана. Нет Сырги. Кому служить?

День, два, семь дней лежал бубен. Долго ли пролежишь без дела? Стал ждать, когда Красный вихрь, Кызыл-Куйун, выйдет из пещеры.

«Приподниму один бок,— решил бубен,— подставлю вихрю, пусть катит. Так и хозяина найти легче».

Долго ждать не пришлось. Просыпается бубен однажды. Позванивает от росной свежести. Чуть приподнялся и не узнал места, где лежал. Вокруг желтым-желто. Золотая осень, Алтынай-кюс, по земле идет. Скоро-скоро Кызыл-Куйун к ней навстречу выйдет.

Приподнялся бубен, и вовремя. Красный вихрь спешит, торопится встречать Алтынай-кюс.

Встретились. Обнимает Кызыл-Куйун свою возлюбленную, целует ее — кусты черемуховые рдеть начинают. Слова ласковые шепчет — травы краской заливаются.

Бубен рядом катится. «Что знаю! Знаю что!» — позванивает.

Не слышат голоса бубна влюбленные. Не видят, что он, как собака верная, следом бежит.

— Выходи за меня, Алтынай,— уговаривает Кызыл-Куйун Золотую осень.— В жарких моих объятиях рябиною рдеть будешь.— И бросил Красный вихрь на платье Алтынай рябиновые гроздья.

— Красавица, красавица! — щебечут птицы.

— Знаю что! Знаю что! — позванивает бубен.

— Замуж? Зачем? И так хорошо,— говорит Алтынай.— Смотри сам. Каждый год по-новому вспыхивает наша любовь. Сколько красок в ней! Сколько праздника! Каждый год я себе дарю тебя, Кызыл-Куйун! И ты даришь себе меня! Каждый год ты радуешься моей молодости и красоте, Кызыл-Куйун. А я восторгаюсь твоей мудростью и талантом! Равные подарки, Кызыл-Куйун. Мы ничего не теряем!

— Нет, Алтынай!— возразил ей Кызыл-Куйун.— Не так это. Не вечны твоя молодость и красота. И танец твой не всегда будет легким. Подумай!

— Что думать, Кызыл-Куйун! Что думать! Я молода, а ты не так молод! Зачем нам всегда быть вместе? Разве станут от этого лучше твои песни? Стремительнее мои танцы? Что от этого изменится? Время не пощадит нас, Кызыл-Куйун! Сделает свое!

— Не говори так, Алтынай! Не говори! Выходи за меня. Еще крепки мои объятия. Роди мне, Алтынай, рыжего ребенка. Роди мне маленькую Алтынчак! Состаримся мы, она будет петь наши песни, плясать наши танцы.

В озорной беседе не заметили влюбленные — весь Алтай рыжим стал.

А бубен катится следом, позванивает: «Что знаю! Знаю что!»

Не слышат голоса бубна Алтынай и Кызыл-Куйун.

— Что знаешь? Говори! — остановила бубен пробегавшая мимо лиса.

— Знаю что! Что знаю! — поддразнивает лису бубен.

— И я знаю! — сказала лисица.— Шаманский ты бубен. Старой Сырги, правнучки Сары-Кама, бубен! Служил ей, будешь служить мне!

Сказала так лиса, взобралась на пригорок и давай в бубен бить, зверей собирать.

Со всей тайги пришли звери к пригорку.

Медведь Айу в берлогу укладывался, услышал звон бубна и тоже к пригорку вышел.

Козел Теке вниз с гор спустился.

Даже зеленая лягушка Бака проснулась. Из тины выпрыгнула, глаза вытаращила.

Ждут звери, что скажет лиса.

Лиса подняла вверх бубен, чтобы все видели, и ударила в него:

— Старая Сырга, шаманка здешняя, оставила в наследство мне бубен. Сказала: «Бери, Тюлькю, мой бубен, будешь шаманить. С духами говорить, зверей лечить! Человек придет — и его не гони, только албан большой спрашивай».

И опять ударила лиса в бубен.

«Так скоро лисица когтищами мою кожу раздерет,— подумал бубен.— Не долго Сыргу переживу, если лисе служить буду!»

Ударила лисица еще раз в бубен, а бубен как зазвенит:

— Что знаю! Знаю что! Что знаю!

Переглянулись звери и говорят лисе:

— Спроси у бубна, что он знает?

— Хорошо,— сказала лиса,— но пока я с бубном говорю, вы идите за данью, албаном. Несите албан сюда.

Ударила лиса в бубен:

— Говори, что знаешь?!

— Что знаю! — поддразнивает лису бубен.— Звери албан принесут маленький. С такого албана ноги протянешь. Не верят звери тебе, что шаманить умеешь!

— Что же мне делать? — задумалась чернобурка.

— Ты вот что, лисица! Бери меня и беги, пока звери не собрались. К Кызыл-Куйуну беги в Красную пещеру. Кызыл-Куйун на мне попляшет, мой живот красным станет. На тебя дунет, и твоя спина окрасится. Увидят звери тебя в новой шубе, поверят, что шаманить умеешь.

Чернобурка так и сделала. Приволокла бубен в пещеру Кызыл-Куйуна. Сидит. Ждет хозяина.

Вернулся Кызыл-Куйун. Бубен как подпрыгнет, как зазвенит:

— Что знаю! Лисица женой Кызыл-Куйуна хочет стать!

Услышал это Кызыл-Куйун, рассердился. Дунул на лису, та вылетела из пещеры, а черный мех у лисицы рыжим стал.

С тех пор и бегают по Алтаю рыжие лисы.

А бубен опять за свое:

— Что знаю! Что знаю!

Рассердился Кызыл-Куйун. Вскочил на бубен и давай плясать:

— Говори! Что знаешь? Говори!

Бубен под ногами Кызыл-Куйуна напрягся, покраснел. Вот-вот кожа лопнет. А сам свое:

— Что знаю! Знаю что!

Услышала Алтынай голос бубна. Подошла к пещере Кызыл-Куйуна.

— Что знаешь? — спросила Алтынай.

— Заходи, скажу,— ответил бубен.

Вошла Алтынай в жилище Кызыл-Куйуна да так и осталась в нем. Скоро и ребенок родился. Маленькая рыжая девочка Алтынчак.

Если придется слышать тебе, горы позванивать начинают — знай: это в красный бубен маленькая Алтынчак играет.

В сентябре выходят из Красной пещеры мать и дочь. Алтынай-кюс наряжает высокие деревья, Алтынчак-кюс — кусты поменьше. И Кызыл-Куйун всегда рядом. Целует, ласкает обеих. Кусты черемуховые рдеть начинают, травы краской заливаются.

Бийск, Алтайский край.

РОМАНТИК БАЛЕТНОЙ СЦЕНЫ

К 60-летию со дня рождения А. А. МАКАРОВА

...Ему было шестнадцать, когда началась война. Но эшелон увез его не на фронт, куда так рвалось мальчишеское сердце, а в далекую тыловую Пермь — место эвакуации прославленного Театра оперы и балета имени Кирова и Вагановского училища, воспитанником которого был юный Аскольд Макаров.

Лишь позже он понял, сколько надежд и любви было в этом решении родного Ленинграда. Предчувствуя трудные дни, но не сомневаясь в грядущей победе, город стремился сохранить для нее сокровища своей культуры, сберечь их от превратностей блокадного лихолетья.

Ему, как и остальным ученикам, еще предстояло оправдать эту надежду. Оправдать единственно доступным тогда способом — работой, объем которой они устанавливали для себя сами, приравнивая его к заводскому, измеряя строгими мерками военного времени. Он сохранил их на всю жизнь. И в этом одна из основных причин его уверенного взлета, начавшегося в 1942 году на пермской сцене театра. «Начав труднее, чем другие, А. Макаров поднялся выше многих благодаря труду, близкому к самопожертвованию», — отметит позже один из критиков. Но не жертвой — радостью была для него работа, продолжавшаяся не один год; так что слово «взлет», пожалуй, тоже не совсем точно: скорее, это был подъем — достаточно последовательный и плавный,— подъем к вершинам, навсегда связанным в нашей памяти с образами Али-Батыра, Спартака, Маяковского.

Почему вспоминаются именно они?

Ведь первую премию на международном конкурсе классического танца Макаров завоевал в Берлине, выступая в «Лебедином озере». И было множество других интересных, значительных ролей, отмеченных широким признанием.

И все же... И все же, по дружному мнению специалистов и ценителей, наш хореографический театр до сих пор не знает Спартака, равного тому, что создан был Макаровым. Уникальным и неповторимым явлением остался его Маяковский в хореографическом плакате «Клоп». А как прекрасен был Али-Батыр — герой справедливый и страстный, истинно народный по сути своей!

Пожалуй, именно с «Шурале», премьера которого состоялась весной 1950 года, началась слава Макарова как яркого танцовщика героической темы. И именно с «Шурале» началась его дружба с Леонидом Якобсоном, столь много значившая для обоих. Балетмейстер-новатор нашел в Макарове увлеченного единомышленника, полностью разделявшего его творческие идеи.

Леонид Якобсон был основателем самобытного ансамбля «Хореографические миниатюры». Его преемником, бережно сохранившим и приумножившим прекрасное наследие рано ушедшего из жизни учителя, в 1976 году стал А. Макаров.

Характерная черта сегодняшнего руководителя — доверие к молодежи. «Хореографические миниатюры» стали своего рода экспериментальным театром, где молодые пробуют силы,— отмечала газета «Правда».— И можно только приветствовать позицию руководства труппы, которая предоставляет балетмейстерам, композиторам, художникам такую возможность».

Высокой оценки заслужило содружество молодого балетмейстера Н. Волковой, композитора А. Сойникова, художника Г. Маркелова, создавших здесь необычайно яркий, колоритный спектакль — одноактный комический балет, посвященный любимому герою среднеазиатского и восточного фольклора Ходже Насреддину.

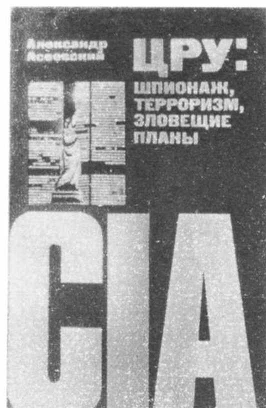
— Столь же удачно,— считает Аскольд Анатольевич,— началась творческая биография многих молодых артистов и балетмейстеров, чьи работы удачно пополнили репертуар труппы, насчитывающий более 60 миниатюр и 20 одноактных балетов.

Яркие, романтические, всегда неожиданные, порой дерзкие по решению, они дают впечатляющую картину калейдоскопически разнообразного мира современной хореографии, отражая ее разные направления, стили. Очередным подтверждением поистине неограниченных возможностей труппы стала недавняя, посвященная 40-летию Победы, премьера одноактного балета «Дом у дороги» на музыку В. Гаврилина в оригинальной хореографии А. Полубенцева.

«Хореографические миниатюры» много путешествуют по свету, демонстрируя свое искусство и в самых отдаленных уголках нашей страны, и за рубежом. Доброй традицией стали их выступления в столице. Вот и сейчас коллектив готовится к участию в XII Всемирном фестивале молодежи и студентов.

О. ПЕТРИЧЕНКО.
Фото Э. Эттингера

среди книг

ОТ СЫСКА ДО ТЕРРОРА

Около двадцати тысяч сотрудников, не считая вспомогательного персонала...

Тысячи агентов внутри страны и за ее пределами...

Свыше ста резидентур и опорных баз...

Миллиардный, практически бесконтрольный бюджет...

Все это принадлежит одному учреждению — Центральному разведывательному управлению США.

Именно деятельности ЦРУ посвящена вышедшая недавно в Москве книга Александра Асеевского. Это — исследование, конкретное и четкое, сделанное на большом документальном материале.

«...Вы находитесь на переднем крае борьбы с коммунизмом». Эти слова принадлежат нынешнему хозяину Белого дома и произнесены они на одной из его встреч с «рыцарями плаща и кинжала» в Лэнгли, в штаб-квартире ЦРУ.

Шпионская братия могла бы, конечно, обойтись и без этого президентского напутствия. С кем и какими методами бороться в Лэнгли определили давным-давно. История ЦРУ пестрит номерами директив, принятых в разные годы его существования с одной-единственной целью: постоянно и где только можно расширять масштабы международного террора. Одни из этих директив передавали ЦРУ монополию на ведение «психологической войны» и являлись, по сути, официальным разрешением на осуществление тайных операций за пределами США. Другие рекомендовали «развивать подпольное сопротивление и способствовать тайным и партизанским операциям в районах, где международный коммунизм преобладает или угрожает».

Автор подробно рассматривает деятельность ЦРУ в различных районах мира за время, прошедшее с момента создания этой организации, с 1947 года. По словам одного из бывших директоров ЦРУ, Ричарда Хелмса, управление было создано как «несекретное». В его задачу входил «просмотр информации» из различных источников, поступающей из-за рубежа.

Много воды утекло с 1947 года. Многие аспекты деятельности ЦРУ стали за это время достоянием гласности. Но и сегодня нет-нет да и промелькнет на страницах американской прессы мысль, что, дескать, ЦРУ — это вовсе не сборище шпионов и убийц, а вполне респектабельный научно-исследовательский институт, где ученые мужи изучают информацию, поступающую из разных стран. Однако кровавые перевороты и убийства политических деятелей, изощренные пытки и откровенный шантаж — все это даже отдаленно не напоминает деятельность научного учреждения.

В книге рассматриваются многие вопросы, связанные с историей и современной практикой одного из крупнейших шпионских ведомств США, в частности, внимательно изучается та роль, которую играет сегодня разведка во внешней политике этой страны. ЦРУ давно уже фактически превратилось в аппарат, от заключений которого зависят как решения правительства США, так и ассигнования на выполнение этих решений.

Ряд глав книги позволяет сделать вывод: чем больше трудностей, с которыми сталкивается империализм США при осуществлении своих целей, тем большую роль в их достижении приобретают методы тайной войны. Каких-либо ограничений на эти методы — будь то морального или правового порядка — не существует.

А. СОКОЛОВ

Александр Асеевский. ЦРУ: шпионаж, терроризм, зловещие планы. М., Издательство политической литературы, 1984 г.

После первой смены — будущие асы Московского метрополитена.

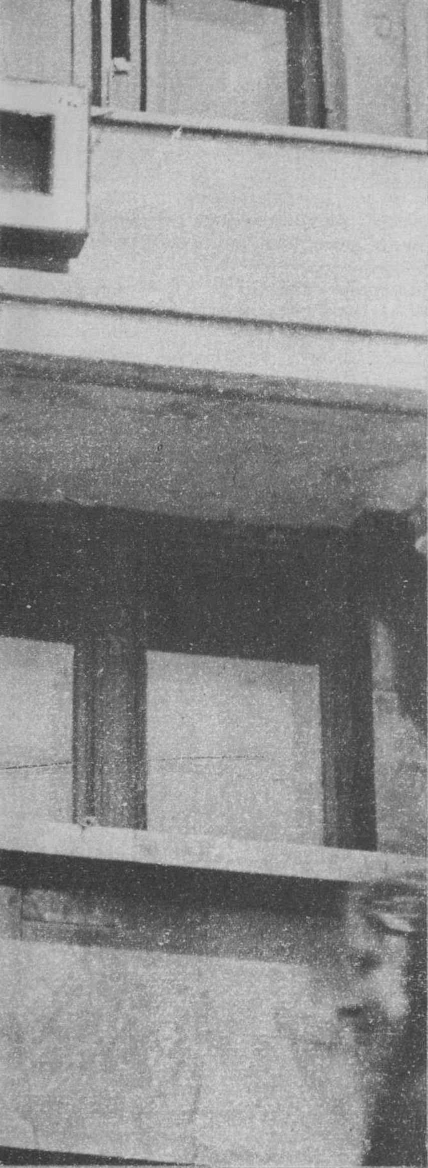
Первые пассажиры метро.

«Конкурент».

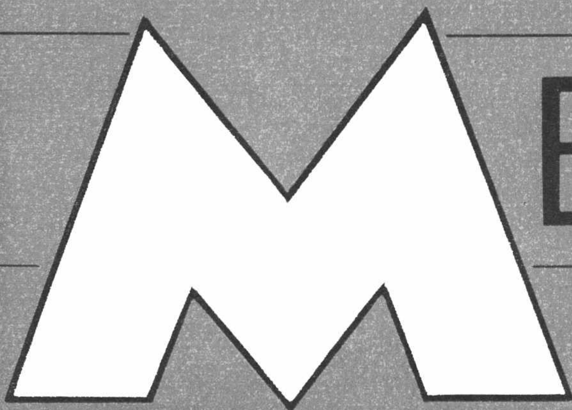
НАШ ДРУГ

Строитель подземной трассы.

Снимки Б. **ВДОВЕНКО** сделаны в мае 1935 года.

ЕТРО

...Ровно в семь часов утра для всеобщего пользования широко распахнулись двери метро в Охотном ряду и в Сокольниках, на Смоленской площади и у библиотеки Ленина — в тринадцати точках Москвы. Первые пассажиры были как дети счастливы и как хозяева обстоятельны...

Происходило это все пятьдесят лет назад, в светлый майский день. За полвека верной службы столице он снискал у москвичей и их гостей самые лестные, не без восторженности слова: метрополитен — это самый быстрый, надежный и точный транспорт; метрополитен — это комфорт и безупречность обслуживания. А как приятно звучат передаваемые по радио слова: «Уважаемые пассажиры, у нас принято уступать места женщинам и людям старшего возраста». Но сколько бы хороших слов ни было сказано о нашем друге метро, они не способны вобрать все значение подземной дороги в жизни города.

Полвека назад имелось всего тринадцать станций на линии протяженностью лишь в 11,6 километра. А сегодня? На этот вопрос, как и на некоторые другие, я попросила ответить заместителя начальника — главного инженера Главного управления метрополитенов МПС К. М. МАХМУТОВА.

На станции «Арбатская».

— Сегодня станций почти в десять раз больше — сто двадцать шесть, сорок одна пересадочная... Тогда была одна линия — теперь восемь радиальных и кольцевая. Эксплуатационная в двухпутном исчислении длина — двести три с половиной километра — увеличилась в 18 раз.

— Если сослаться на данные, приведенные в Большой Советской Энциклопедии, то по протяженности линий и количеству станций Москва уступает лишь Нью-Йорку, Лондону, Парижу... Впрочем, это закономерно: лондонскому метро сто двадцать два года, оно самое старое, парижскому — восемьдесят пять лет...

— Да, это так. Но по объему перевозок и интенсивности движения наша столица вне всякой конкуренции. По данным МСОТ, Международного союза по общественному транспорту, пассажиронапряженность московского метро — 12,9 миллиона человек в год на километр пути, в Париже — 4,5, в Нью-Йорке — 2,8, Лондоне — 1,5 миллиона. Посудите сами: в прошлом году метрополитеном пользовались каждые сутки шесть миллионов 711 тысяч человек. В дни школьных каникул, праздничные и предпраздничные — еще больше: свыше 8 миллионов. Если учесть пересадки, то прибавьте еще 3 миллиона. А в 1935 году в среднем за сутки услугами метро пользовались лишь 177 тысяч человек.

— Известны ли данные за полвека?

— Астрономическая, ни с чем не сравнимая цифра: 59 миллиардов 580 миллионов пассажиров. А теперь о втором показателе — интенсивности движения. Первое время поезда ходили с интервалом в пять минут, потом в четыре минуты, или, как у нас принято говорить, 240 секунд. Сейчас на наиболее загруженных линиях: Горьковско-Замоскворецкой, Ждановско-Краснопресненской и Калужско-Рижской — в часы пик интервал всего 80—90 секунд, то есть полторы минуты и меньше. Сорок пять поездов в час. Этому способствовало усовершенствование конструкции подвижного состава, устройств автоматики и телемеханики, применение современных средств контроля за движением поездов, улучшение устройств пути и энергетического хозяйства. Ждановско-Краснопресненская и Калининская линии оборудованы устройствами с использованием управляющих вычислительных машин, переведены на повышенную скорость движения лестничные полотна эскалаторов, внедрен автоматический контроль микроклимата в тоннелях и на станциях. И вот результат: пятьдесят лет назад в сутки пропускалось 487 поездов, в юбилейном — более 7108, а всего за полвека проследовало 83 миллиона составов. Причем почти все — 99,98 процента — по установленному графику!

— В летописи метрополитена есть такой любопытный факт. Самый первый поезд метро состоял всего из двух вагонов красного цвета — моторного вагона номер 0001 и прицепного номер 1001. В том же первом году совершали рейсы четырехвагонные составы. Сегодня мы видим составы из семи-восьми вагонов. Как велик их парк?

— В 54 раза больше, чем в 1935 году. Из них по рабочим дням формируется 375 составов. Представляете, сколько им нужно электроэнергии? Столичное метро расходует три миллиона киловатт-часов в сутки. Это же потребность большого города!

— Но пассажирам надо еще добраться к поездам, снующим под землей, как челноки. На некоторых станциях, например, «Новослободской», «Каширской», «Ждановской», «Текстильщики», в часы пик возникают такие заторы, что невольно вспоминается шуточное маяковское: «Я полезу с Танею в метрополитанию». Именно «полезу»...

— В плане дальнейшего развития метрополитена и его реконструкции предусмотрено «расшитие», если так можно выразиться, узких мест, строительство новых линий. Возьмите ту же станцию «Новослободская». К ней сейчас подходит много автобусных и троллейбусных маршрутов и маршрутных такси, доставляющих большое количество пассажиров. Надобность в наземном транспорте тут уменьшится, когда появится Тимирязевская линия метро. Строительство ее ведется в настоящее время. На ней будет шесть станций с ответвлением в Лианозово. Первая из них «Савеловская», последняя в Отрадном. Эта линия через станцию «Боровицкая», которая откроется уже в этом году, через «Чеховскую» (будет и такая), «Пушкинскую», сомкнется с Серпуховской линией. «Новослободская» станет пересадочной. Так на схеме метро возникнет новая дальняя магистраль, которая значительно разгрузит действующие. В будущей пятилетке в столице продолжится Калужская линия от станции «Беляево» в Теплый стан и Ясенево до станции «Битцевский парк». Ее протяженность — 3,1 километра; Кировская линия от станции «Преображенская» к улице Подбельского, стадиону «Локомотив», примыкающая к Лосиноостровскому зеленому массиву,—3,9 километра. Предполагается сооружение Люблинской линии, почти семикилометровой, она возьмет начало от станции «Курская» и пойдет на Подшипниковскую улицу, соединив тем самым северные и южные районы города. Дальнейшее развитие предстоит и Филевской линии до Крылатского — 2,4 километра.

— Какие подарки преподнесут метростроители москвичам еще в этом году?

— Я уже упоминал станцию «Боровицкая», на одной линии с ней Полянка. А еще раньше, к 7 ноября, должна быть готова — такое взято обязательство — «Пражская» на Серпуховском радиусе. Ее архитектурно-художественное оформление выполняют по своим проектам специалисты из Праги. В свою очередь, московские мастера трудятся в Праге, на станции пражского метро «Московская»... В третьем квартале откроются в Москве станции «Домодедовская» и «Красногвардейская» на Горьковско-Замоскворецкой линии, в четвертом — участок от станции «Марксистская» до станции «Третьяковская» на Калининском радиусе. Итак, шесть новых станций, 9,3 километра пути. Немалый, как видите, подарок.

— Самый первый, красный, поезд под номером 0001 вел в 1935 году инженер завода «Динамо» М. Шполянский. Что можно сказать о современных машинистах?

— Это замечательные люди! Высокой квалификации. В большинстве молодые. Получают подготовку в технической школе метрополитена. Начинают помощниками машинистов, через несколько лет сдают экзамены на машинистов. Сейчас некоторые линии переведены на автоматическое управление поездами, «на одно лицо», как говорят у нас, без помощника. Но в любой момент машинист должен быть готов перейти на обычное управление. Люди? Я прежде всего назвал бы В. А. Берсенева, машиниста-инструктора комсомольско-молодежной колонны электродепо «Измайлово». У него уже много учеников. Из молодых упомянул бы Сергея Шамова. Он вышел победителем в соревновании на право открыть движение на участке «Кантемировская» — «Орехово», 28 декабря 1984 года привел туда первый состав с почетными пассажирами. Хотелось бы добавить фамилии работников других профессий: машинистов и слесарей по ремонту эскалаторов, диспетчеров, монтеров пути, электромехаников, дежурных по станциям, тоннельных рабочих, слесарей по ремонту подвижного состава... Огромное хозяйство метро требует безукоризненного взаимодействия всех служб и звеньев...

— У метрополитена столицы есть уже немало сыновей.

— Семья большая, восемь собратьев, появившихся на свет с помощью Москвы. Кстати, киевское метро — тоже юбиляр, ему исполняется в этом году четверть века. Но среди них старше всех ленинградский метрополитен, он первенец. После Киева открылось метро в Тбилиси, Баку, Харькове, Ташкенте, Ереване. Моложе всех минское. На их счету уже более двухсот километров пути и около полутораста станций. Юбилейный год советского метро станет годом рождения еще двух собратьев — горьковского, оно вступит в строй к октябрьским праздникам, и к концу года — новосибирского. Город на Оби получит надежную связь по метромосту оригинальной конструкции, а в Горьком подземная магистраль соединит Московский вокзал с автозаводом. Продлятся линии метро в трех столицах Закавказья и в Ленинграде. Общий прирост юбилейного года — сорок семь километров.

— Последний вопрос: где еще начинается строительство метро?

— Развернуто сооружение подземных трасс в Свердловске, Куйбышеве, Днепропетровске. В двенадцатой пятилетке начнутся работы в Алма-Ате, Риге, Челябинске, Омске, Красноярске. И в каждом из этих городов можно будет встретить посланцев столичного метростроя и метрополитена. Впрочем, не только в нашей стране. Уже началось строительство метрополитена в Варшаве и Софии, продолжается в Праге и Будапеште. И здесь крепнет день ото дня научно-техническое сотрудничество. Московское метро стало академией передового опыта эксплуатации, совершенствования управлением подземными трассами, их реконструкции и обновления.

Беседу вела Галина КУЛИКОВСКАЯ.

Из «Комсомольской» выход к трем вокзалам * А больше всего я метро люблю.

Фото Д. ДЕБАБОВА ▶

44M

Нина ТОЛБАСТ,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Адрес опыта — Клайпеда

Позаимствуем у бога торговли Меркурия его крылатые сандалии и отправимся в Клайпеду, чтобы рассказать читателям прекрасную историю о торговле.

Прекрасную историю — о торговле?! Да. Именно так.

Вообще, конечно, в длинной истории торговли этого приморского города есть и непрекрасные страницы. Но мы начнем «читать» ее с конца.

1985-й. В Клайпеде на покупку в среднем уходит пять минут.

1945—1949 годы. Клайпеда восстанавливается, магазинов мало. Торговлей руководит бывший приказчик буржуазного времени, он требует, чтобы каждого человека обслуживали с улыбкой, с красивой упаковочной бумагой и чтоб пакет был бантиком завязан. Мне он этим заочно симпатичен, но, говорят, среди покупателей он был непопулярен, потому что очереди выплескивались из магазинов на улицы.

1950-й. В городе появляется новый человек, киевлянин с высшим экономическим образованием и, при внешней своей мягкости, с железным характером,— Лихтиншайн Аркадий Авадьевич. Когда он выстраивал новые принципы торговли и предложил создать при управлении торговли свое тарное хозяйство, ему семь раз отказывали. Но вот он появился в Москве у высокого начальства в восьмой раз — и согласие было дано. Если тебе не дорого задуманное тобой дело, поедешь ли хлопотать в восьмой раз?

Годы 60-е, 70-е. Управление торговли Клайпедского горисполкома готовит переворот в схеме движения товаров — от изготовителя к покупателю.

Годы 80-е. В Клайпеде 200 тысяч жителей, 150 магазинов и никаких очередей. На складах и в магазинах появилось много техники — электропогрузчики, штабелёры, гидравлические тележки. В десятой пятилетке все магазины были переведены на контейнерное обслуживание.

— Я вам кое-что расскажу и дам почитать,— замечает А. А. Лихтиншайн.— Но лучше всего походите по магазинам, исследуйте путь от базы к покупателю. Именно это у нас нетрадиционно. Я бы сравнил нашу систему с айсбергом — небольшая часть над водой, а главное от покупательского глаза сокрыто.

Мы переглянулись в смысле «еще бы»! Аркадий Авадьевич наши взгляды прочел и спокойно прокомментировал:

— Да, бытует еще недоброе, неуважительное представление о работнике торговли. Но в Клайпеде оно меняется. Поинтересуйтесь индустриализацией и механизацией товародвижения. В сопровождающие рекомендую главного инженера нашего управления Владимира Николаевича Шпурик.

Товародвижение, товародвижение... Я живу в Таллине и в его магазинах каждый день вижу, как занимаются этим «товародвижением» продавщицы — двигают неподъемные ящики, переставляют их с полки на полку... А пресловутая стеклотара? В соседнем с нашим домом ларьке ее тоже женщина принимает, швыряет бутылки в ящики, потом перешвыривает ящики, а там уже не стеклотара, а стеклокаша.

...Но вот мы и выбрались за черту старой Клайпеды, в пределы нового микрорайона и вошли на территорию торговой базы. Владимир Николаевич рассказал, что раньше здесь были болота, пришлось насыпать больше двух миллионов кубометров грунта, построить автомобильную дорогу и железнодорожную ветку, 35 корпусов для складов и многое другое. Складское хозяйство создано основательно, с заглядом вперед.

— Надо было убедить людей в том, что торговля без стрессов и срывов возможна, только если у нее хорошие тылы,— рассказывает Владимир Николаевич Шпурик и расхваливает своего предшественника Л. Г. Лебенсона, а о себе помалкивает. Лишь перед отъездом мы узнаем, что сам он внес в усовершенствование товародвижения около пятидесяти рационализаторских предложений, что А. А. Лихтиншайн награжден орденом Ленина, а в 1980 году коллектив рационализаторов за внедрение индустриальной системы товародвижения отмечен Государственной премией Литовской ССР.

Так что же это такое — товародвижение?

Представьте себе приземистое складское здание с парапетом, который торжественно называется рампой. Вот подошел к ней автофургон (называется он контейнеровозом, потом мы поймем, почему), тесно прижался к рампе и откинул задний борт. А Лена Юравичене — она на электропогрузчике — ждет. Нажимает кнопки, передвигает рычаги — все автоматика, движения легкие; вынимает из машины контейнер и, ловко сманеврировав на поворотах, устанавливает его в узком ущелье плотно заполненного контейнерами склада. Все это происходит так быстро, что рассказать в нескольких строчках оказалось дольше.

— Трудно работать?— спрашиваю Лену.

— Представьте девушку, которая за восемь часов вручную сумела бы разгрузить-погрузить десятки, а то и сотни тонн самых разнообразных грузов. Вот именно: невозможно такое. Но у нас это больше похоже на автоспорт. Конечно, устаем к концу дня. Зато потом отдых сладок, а то ритм жизни вялым был бы.

Мы узнали, что Аркадий Авадьевич, продумав эту фазу товародвижения, в присутствии компетентных лиц провел такой опыт: на складе одновременно приступила к разгрузке девушка на автопогрузчике — у одной машины, а у другой — дюжие, опытные грузчики вручную переносили такой же груз, но уложенный в обыкновенные ящики. Девушка управилась за десять минут, грузчикам потребовалось сорок.

Нынче в клайпедской торговой сети на 63 электропогрузчиках работает шестьдесят три женщины. Сколько рабочих рук высвободилось и какую экономическую выгоду принес этот этап механизации — подсчитать нетрудно.

На базе мы увидели и работу фасовочных линий. Уже здесь стало ясно, что коллектив клайпедских организаторов торговли разработал логичную цепочку, состоящую из многих звеньев. А. А. Лихтиншайн для упрощения выделяет триаду: самообслуживание-фасовка-контейнер. Первый этап — самообслуживание — был введен как мера против очередей. Из магазинов были вынесены прилавки, оставлены только пристенные полки, продавцы стали фасовщиками и кассирами. Кассиры расположились у выходов. В шестидесятых годах появились первые магазины с единым узлом расчета, то есть с блоком касс у дверей. Так задолго до открытия первого универсама в Клайпеде обозначились его первые признаки.

Однако у единого расчетного узла все же собирались очереди. Так как товары тогда еще не расфасовывали, в зале оставались продавцы; и, пока они резали, взвешивали, завертывали в бумагу, считали и писали на бумаге сумму, очередь росла. Как быть? А просто: привозить в магазин фасованный товар, установить фасовочные линии не в магазине, а на базе. Линии эти выпускаются у нас в стране не первый год.

— Как они работают?— спрашиваем Владимира Николаевича.

— Идеальными их не назовешь. Но у нас при управлении налажена мощная инженерно-техническая служба, и потому все механизмы работают исправно. Вероятно, ремонтировать имеющиеся и придумывать новые механизмы не есть прямая обязанность городского управления торговли, но иной возможности пока не видно.

Наш опыт показал: товары не должны расфасовываться в магазинах, это и причина нестабильности, и почва для злоупотреблений, источник очередей. Все, что возможно, надо расфасовать на базе.

Фасовочные машины исправно упаковывают сосиски, сардельки, сыр. Электронные весы выбивают вес и сумму на квадратике клейкой бумаги, которая тут же подклеивается к упаковке. В таком виде пакеты, уложенные в контейнеры, отправляются к покупателю. Исправно трудится автомат, делающий бумажные пакеты, обеспечивая ими не только Клайпеду, но и всю Литву. Меня же больше всего умилила линия мойки моркови. Морковь сияла сквозь ячейки капроновой сетки не только на базе, но и во всех контейнерах и витринах овощных магазинов Клайпеды, вызывая во мне нехорошую зависть и неприязнь к тем огромным облепленным комьями мокрой земли корнеплодам, которые я вынужденно покупаю в Таллине в ближайшем магазине. А в Клайпеде овощные магазины как будто для натюрмортов приготовлены: рядом с тугими кочанами капусты темно-красная свекла, оранжевая морковь и красивый лук — хочешь, бери золотые головки, хочешь — упругие перья. Тут же свежие огурцы. А сухая, чистая, отборная картошка — это ли не украшение для натюрморта, а также женского существования на кухне?

Спросят: а почему это в Клайпеде так с овощами хорошо?

Отвечаю: потому, что там просторная, от начала до конца механизированная база, отличные условия для зимнего хранения, те самые тылы. И еще потому, что овощи, как и все прочие товары, перевозятся в контейнерах, не перекладываются и не перекидываются несколько раз с места на место, а потому сохраняют товарный вид.

Вот и добрались мы до третьей фазы клайпедской триады — до контейнеров.

— Мы пробовали перевозить товары в картонных коробках, деревянных и пластмассовых ящиках. Не то: опять надо все перекладывать по нескольку раз, пока дойдет до покупателя. Стали думать,— рассказывал А. А. Лихтиншайн.— В конечном счете появился на свет нынешний контейнер и стал главным звеном в клайпедской триаде. Служит такой контейнер несколько лет. Для него не нужно специальных полок — ставь один на другой хоть в пять этажей: для этого у него есть специальные салазки внизу. Сейчас в Клайпеде движется 70 тысяч контейнеров, но надо бы чуть не вдвое больше, инженерно-техническая служба управления торговли выпускает контейнеры на своем металлообрабатывающем предприятии по 20 тысяч штук в год.

— А если магазин старой постройки, без рампы, как же тогда грузить контейнеры?

— Довольно просто,— улыбается Владимир Николаевич,— небольшая рационализация — и все в порядке.

Расспросы расспросами, а что же Лена Юравичене, веселая амазонка на электропогрузчике? Как дальше идет ее рабочий день? Она уже перешла на погрузку. Тонны грузов перекочевали из складов на контейнеровозы и ушли в магазины. За одной из них и мы поехали в новый микрорайон Жарде, в магазин «Жарде». Контейнеры уже были выгружены,

◀ **Всем знакомая «Маяковская» * Эта станция из числа новых — «Чертановская» * Депо «Замоскворецкое». Состав выводят машинисты С. Шамов и А. Коновалов * Так выглядит «Ждановская».**

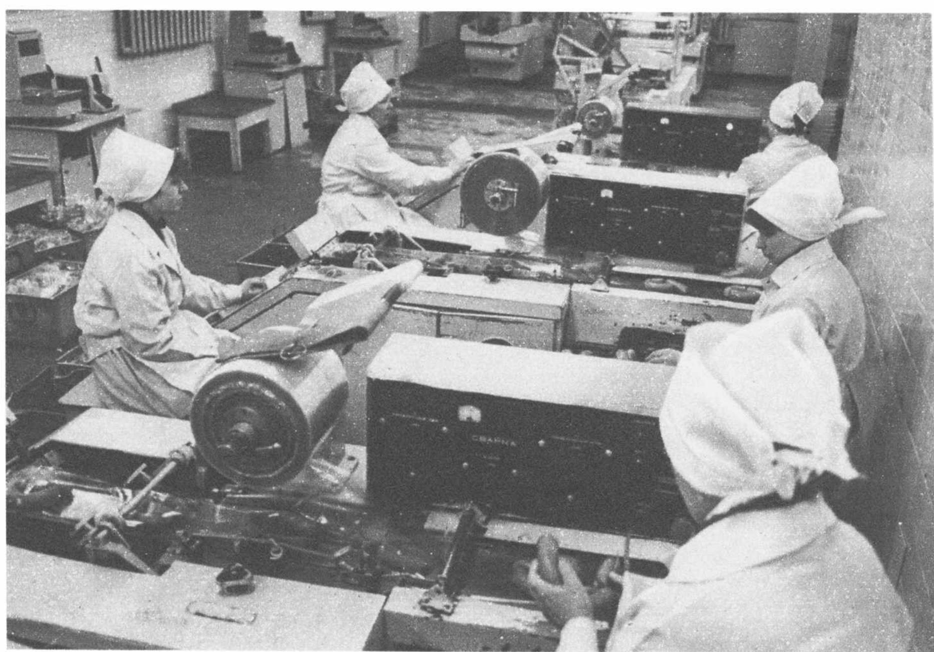
1

2

3

4

1 Мимо такой витрины не пройдешь, не обратив на нее внимания...

2 Первый этаж дома отдан магазину.

3 Это универсам «Жарде». Покупки, покупки, покупки. На каждую — пять минут...

4 Здесь товар взвесят и упакуют...

5 Идет погрузка контейнеров.

6 Так в городе принимают банки, бутылки. Ни сутолоки, ни очередей.

6

5

и девушка в белом халатике отвозила их в торговый зал, устанавливала в соответствующие ряды. Покупатели прямо из контейнеров брали все необходимое, наполняя продуктами тележки — в Клайпеде проволочными корзинками не пользуются, считают, что непрочно и неудобно,— и пять кассиров-контролеров рассчитали их за несколько минут.

— Возможно ли такое в большом городе?

— Вероятно, там будет труднее, потому что расстояния большие,— говорил Владимир Николаевич,— но ведь современные города состоят из микрорайонов, а один столичный микрорайон — наша Клайпеда.

Переходим в пристройку за углом. Кассир-контролер, слева от нее транспортер. Мужчина ставит на него бутылки и банки. Кассир быстро подсчитывает сумму, выплачивает посетителю деньги, а бутылки и банки уплывают в окошко за стенку. Все делается четко, быстро. Мы заглядываем в скрытую от посторонних взоров часть тарного пункта. Там девушка, тоже в белом халатике, сортирует бутылки и банки, складывает их в разные контейнеры. Подхваченные электропогрузчиком, они уже на контейнеровозе и совершают свой путь на заводы — молочный, консервный, винный, минеральных вод. Двадцать три таких тарных пункта в Клайпеде, кассиры и подсобные рабочие на сдельной оплате. Какие же при этом могут быть очереди?

Как и все в клайпедской торговле, такой прием стеклотары возможен в любом городе, в любом большом магазине.

Пройдя немало километров по улицам, складам и магазинам, ни разу не наткнувшись ни на одну грубость, я все же под конец решила озадачить Аркадия Авадьевича Лихтиншайна вопросом:

— Каков экономический эффект от внедрения вашей системы?

— Не считаю правильным говорить об экономическом эффекте, отделяя от него социальное значение сделанного. Но если хотите, назову: каждый год мы получаем по 2,6 миллиона рублей прибыли, работаем так десять лет. Большой доход идет от предприятий общественного питания, их в городе много, они уютны, повара хорошие.

Но это экономика. А теперь — о воспитательной стороне. Вы, надеюсь, заметили, что наша система как бы сама собой рождает постоянный контроль над количеством товара? Благодаря механизации товародвижения мы избавили наших работников от соблазна прихватить то, что «плохо лежит». Надо, чтобы нигде ничего не «лежало плохо». У нас большинство работников молодежь. Они получили образование в нашем торгово-кулинарном училище, привыкли к железной логике механизмов. Выпускники школ охотно идут в это училище. Мне нравится наше молодое поколение, нравится, что в городе их уважают и они чувствуют себя достойными уважения, нужными людьми. Это ведь важно, не правда ли?

— Конечно! А торговые работники других республик испытывают интерес к вашей системе?

Пауза. Аркадий Авадьевич и Владимир Николаевич переглядываются и улыбаются — чуть грустновато, чуть насмешливо.

— Еще бы! — отвечает Аркадий Авадьевич.— Случалось, несколько сот делегаций в год принимали. Но внедрение пока отмечено только в Ворошиловграде. Латвия кое-что собирается делать. Члены делегаций видят, что у нас жизнь неспокойная. А того, что она у нас интересная и творческая, как бы и не замечают. Но есть уже решения координирующих инстанций о внедрении клайпедской системы в торговлю страны.

ОТ ОТДЕЛА ЭКОНОМИКИ БЫТА. Не случайно говорится: опыт ценен повторением. И в Министерство торговли СССР мы обратились, чтобы узнать: как и где принимается то, чем славится клайпедская торговля? В главном управлении науки и техники и в управлении организации торговли нам сообщили:

— Опыт Клайпеды ценен вдвойне потому, что он аккумулировал все лучшее, что есть в организации торговли.

Но, собрав этот опыт, работники торговли Клайпеды на том не остановились, привнесли много своего, нового. А теперь Клайпеда щедро делится своими знаниями и умением, выработанными методиками.

О том, насколько актуальна прогрессивная практика, спорить не приходится. Только на погрузке и разгрузке товаров сейчас в стране занято более 800 тысяч человек.

Ныне клайпедский опыт внедряется в шестнадцати регионах страны. Целиноград, Ворошиловград, Рустави, Гомель... Важно заметить, что и в других местах, где не намечалось первоочередное применение опыта Клайпеды, тоже идет большая и важная, уже дающая неплохие результаты работа. Это Киев, Минск, Ленинакан, Бендеры...

В Ворошиловграде почти в четыре раза сократились простои автомобилей под выгрузкой-погрузкой. Уровень механизации в городе вырос втрое, и появились возможности высвободить 210 человек. Примерно таковы же показатели по Целинограду, где умело применяется клайпедская схема, которая, в частности, дала сорок процентов экономии времени на покупку.

Однако не все в порядке. Шестнадцать регионов — далеко не вся страна. Прогрессивная технология никак не найдет себе места в торговле Ташкента и Душанбе. К ней пока только присматриваются во Фрунзе. Даже в Кишиневе, а торговлю здесь не обвинишь в отсутствии динамизма, как-то робко, словно неохотно перенимают прогрессивную технологию. Значит, проблема находится в такой стадии, о которой принято говорить: основная работа впереди.

Но важно, что она начата.

* * *

В улучшении дела, в решительной рационализации его нуждается не только продовольственная, но и промтоварная торговля. О полезном опыте коллектива универмага «Ярославль» рассказывается в корреспонденции из Ярославля.

НА ПОКУПКУ — ВОСЕМЬ МИНУТ

Четыре года назад в «Ярославле» — главном универмаге города — на одну покупку затрачивалось двенадцать минут. Сейчас — восемь. Цифра выразительная: за год экономится 140 тысяч часов покупательского времени.

До открытия час, но магазин уже в хлопотах: поступил новый товар, стало быть, надо поднести его в торговый зал, переодеть манекены; перед зеркалом прихорашиваются продавщицы.

— Прежде чем стать за прилавок, обязательно проходим через этот зеркальный коридор,— заметила высокая девушка в форменном голубом платье.— Мы на виду. За день встречаемся с тридцатью тысячами покупателей.

...Каждый день почти пятьсот человек приходят на свои рабочие места в универмаг и его филиалы — «Ярославец» и «Товары для новобрачных». Работает здесь в основном молодежь. Идет к прилавку Марина Карпычева, продавец из отдела женской одежды. А в соседнем отделе еще одна Марина — Никитина. Семь лет назад окончили девушки торговое училище и пришли в универмаг, скоро стали старшими продавцами. А теперь — ударницы коммунистического труда, наставники молодежи, комсорги. Здесь же вступили в партию.

Ровно десять... Входим в торговый зал.

— Где же кассир?

— На своем месте. Кассы внизу. Там оплатите все покупки,— говорит Марина Никитина.

Это и есть единый узел расчета, на который универмаг перешел четыре года назад. Благодаря нововведению покупатели экономят те самые тысячи часов времени.

— Прежде в «Ярославле» на каждом этаже было несколько секций, конечно же, со своими кассами,— рассказывает Альбина Федоровна Кучина, директор магазина, заслуженный работник торговли РСФСР.— Бывало, хоть закрывай секции, некому работать. Решили перестроиться. Создали единую бригаду, отказались от секций, иначе расположили товары, о рекламе позаботились. Экономические показатели улучшились, и товарооборот увеличился.

Конечно, не только такая реорганизация вывела универмаг в число лучших магазинов страны. «Ярославль» и его филиал «Ярославец», в котором продаются только товары с маркой предприятий города и области, активно и интересно работают с промышленностью. Договорами о творческом содружестве закреплено партнерство с 40 предприятиями: обувным объединением «Скороход», Переславской швейной фабрикой, льнокомбинатом «Заря социализма», Угличским часовым заводом...

Договоры договорами, а забот хватает. Беда с тем же «Скороходом» — покупатели часто обходят стороной его туфли и сапоги. То фасон неудачен, то сшито кое-как, то отделка не та или цвет такой, что диву даешься. Много североходовской обуви бракуется и сейчас. Но сдвиги все же обозначились. Долго пылились на полках, к примеру, мужские полуботинки на пористой подошве. «Прекратите их выпуск!» — потребовал магазин.— Присмотритесь к новым моделям»,— и предложил на выбор образцы удобных, современных туфель.

А. Ф. Кучина:
«День прошел удачно...»

Подводят торговлю не только обувщики. Вот шерстяная юбка такого фасона, что редкая женщина отважилась бы в нее нарядиться. А рядом неопределенной расцветки, словно вылинявшая, кофта. На ярлыке обозначено: трикотажная фабрика имени Крупской. Интересно бы узнать: модельеры и руководители фабрики носят такие же?

Сегодня в магазине открылась выставка-продажа продукции Первомайского фарфорового завода. Двадцать его изделий имеют Знак качества. Тарелки, салатники, кофейные сервизы... Отменно хороши расписные чайники. А чашки с блеклым рисунком в ход не идут. И снова магазин хлопочет.

Покупатели ныне разборчивы, любят не только прочное и добротное, но и элегантное, модное, удобное. Кто же смирится с браком? И едут на предприятия работники «Ярославля»: настаивают, доказывают, спорят. Приучили производственников: теперь они нередко сами наведываются в универмаг, интересуются, как идет их товар, какие замечания у покупателей. За год по рекомендации универмага снято с производства тридцать различных изделий. Только Переславская швейная фабрика заменила двенадцать неходовых моделей.

...Вечер. Завтра утром снова распахнутся двери магазина. Ярославны — так нередко называют сотрудниц универмага — займут рабочие места.

З. ЗОЛОТОВА

Фото Д. Дебабова

С. ЛОСЕВ,
В. ПЕТРУСЕНКО

Семь дней в декабре

КАКАЯ УЖ ТУТ УТОПИЯ!

Статья «Архимеда» высвечивала подноготную акции «военной шпионской клики» в Белом доме. Она отличалась поразительной оперативностью, что впоследствии, когда все всплыло наружу, дало пищу для предположений, что комитет начальников штабов мог в любой момент дать «самую зловещую» интерпретацию поведения Белого дома и предпринять демарш на грани военного произвола и насилия.

Сенатор Говард Хьюз скажет, что действия адмирала Т. Мурера напоминали ему сюжет романа «Семь дней в мае», экранизированного в начале 60-х годов *. Детективная фантазия американских журналистов выстроила генеральский заговор против президента, который не устраивал Пентагон. Президент Дж. Кеннеди, прочитав книгу, без обиняков сказал, что такое может произойти в Соединенных Штатах. Какая уж тут утопия, воскликнул президент, добавив, что он знает некоторых генералов, мечтающих лишить его власти. У друзей Дж. Кеннеди не было сомнения, что одним из них был начальник штаба ВВС, генерал Кэртис Лимэй. Президент пригласил создателей фильма снимать картину в Белом доме.

«Что это было?— вопрошал журнал «Тайм».— Осовремененная версия «Семи дней в мае» — романа 1962 года, в котором военные пытаются захватить правительство США? Согласно сообщениям печати, Пентагон насадил шпионский круг в Белом доме, чтобы выгребать секретные досье Генри Киссинджера и переснимать документы, относящиеся к самым чувствительным обсуждениям в СНБ. Краденая информация доставлялась адмиралу Т. Муреру и другим чинам Пентагона...»

И вновь знакомый уже вопрос: для чего все же это делалось?

Попробуем поискать ключ к ответу в мотивах, выдвинутых адмиралами, когда им пришлось вербовать писаря, облагораживать смердящее шпионское задание против собственного президента.

Писарю внушали, что Киссинджер опасен своей болезненной приверженностью к сверхсекретности. А главное — он добивается содействия Советского Союза в обеспечении «продолжающегося господства» семейства Рокфеллеров над «мировыми валютами». Киссинджер-де изобретает такую внешнюю политику, которая в конце концов приведет к «советской гегемонии и единому мировому правительству». Это была одна из теорий профашистского «Общества Джона Бэрча», бившего тревогу также и по поводу того, что благотворительные фонды Рокфеллеров и Фордов «портят массы социальными программами». Бэрчисты вменяли им в вину создание ООН как предтечу «единого мирового правительства». Когда спустя много лет Мурера попросили прокомментировать эту обработку писаря Рэдфорда, он ответил, что главное было в другом:

— Страна находилась в состоянии полного хаоса. Никому нельзя было доверять. Все, что угодно, могло случиться. Отвращение к Киссинджеру отражалось в одном слове: «разрядка» — разрядка в отношениях с Советским Союзом.

Мурер носил свои мысли в себе и раскрыл их лишь в начале 80-х годов — уже после того, как во время президентской предвыборной кампании 1980 года он был военным советником Р. Рейгана и стал сопредседателем милитаристской антикоммунистической организации «Коалиция за мир с позиции силы», одним из требований которой является отказ от принципа равенства в отношениях с Советским Союзом и достижение военного превосходства над СССР.

Но носить свои мысли в себе было понятием относительным для Мурера. Те его подчиненные, которых он знакомил с конфиденциальными идеями и планами Белого дома, настраивались на такое же враждебное отношение к политике разрядки. «Военным,— писала «Нью-Йорк таймс»,— хотелось знать детали далеко идущих секретных переговоров Белого дома с нациями, которые рассматривались военными в качестве врагов Америки».

Как долго бы еще длился военный шпионаж и диверсии в Белом доме, неизвестно, но операция оборвалась довольно неожиданно и как будто случайно.

В начале декабря 1971 года вспыхнул военный конфликт между Индией и Пакистаном. Официально правительство США занимало позицию «беспристрастности». Но на сверхсекретных заседаниях Вашингтонской группы специальных действий (ВГСД) Киссинджер изложил программу, продиктованную указанием Никсона «основательно сдвинуть» американскую политику в пользу Пакистана, перебросить ему оружие из Саудовской Аравии и т. п. Состоялось детальное обсуждение новых задач.

И вдруг 13 декабря грянул гром: столичный журналист Джек Андерсон начал изо дня в день публиковать статьи, основанные на засекреченных протоколах ВГСД. Он пространно цитировал протоколы, а точнее — Киссинджера. Одновременно Андерсон снабдил газеты «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс» полными стенограммами заседаний ВГСД. Эти и другие газеты не были в восторге от враждебной Индии политики и выразили благодарность Андерсону. Публикации эти получили название «Документов Андерсона».

Киссинджер метался по Белому дому и рычал, как только что посаженный в клетку тигр. В тот период он переживал наиболее трудные дни в отношениях с президентом. Они никогда не были просты в своих отношениях, но были нужны друг другу и поэтому сносили нелегкие характеры друг друга. Никсон ценил эрудицию, энциклопедические знания по международным вопросам своего профессора и то, что он, судя по всему, соглашался с проводимыми президентскими идеями. Но он ревновал Генри к славе, к его популярности у прессы и телевидения, был недоволен его раздвоенностью: консерватизмом и «ястребиностью» днем в Белом доме и либерализмом вечером на коктейлях в Джорджтауне — аристократическом районе Вашингтона.

В декабре отношения между ними обострились. Президент не хотел видеть своего помощника по национальной безопасности, дело, кажется, быстро приближалось к развязке. Профессор уже собирался назад в Гарвард. И тут «Документы Андерсона»!

Никсон, Холдеман и Эрлихман хорошо знали, что Киссинджер практикует искусство «утечки информации», используя журналистов как рычаги для достижения своих целей. А они у него были многообразны. Холдеман и Эрлихман роптали, что Киссинджер «влезает» абсолютно во все дела, помимо проблем национальной безопасности, но потом махнули рукой. В Овальном кабинете подозревали, что сам Киссинджер дал Андерсону секретные протоколы, дабы поставить президента в затруднительное положение.

Вот почему Генри устроил в Белом доме бучу. Он потребовал доскональнейшего расследования, чтобы снять с себя подозрения и установить виновников передачи материалов Андерсону.

Обозреватель принадлежал к категории «разгребателей грязи». Данный термин идет от английского слова «макрекер», которым президент Теодор Рузвельт наградил в начале века своего друга, а затем недруга, известного американского журналиста Линкольна Стеффенса.

Андерсона печатали до 750 газет (половина всех ежедневных газет страны), он имел свое бюро, молодых, лезущих напролом репортеров-сыщиков. В начале 70-х годов Андерсон познакомил американцев с подробностями заговора ЦРУ и корпорации «Интернэшнл телефоун энд телеграф» против правительства Альенде в Чили. Вместе с тем в Вашингтоне можно было услышать и такие реплики: да, Джек — член мормонской церкви, полный трезвенник, не курит, хороший семьянин (девять детей), а его макрекерство преследует лишь одну цель — деньги. Действительно, «макрекер» не брезговал приемами желтой журналистики, печатал не только общественно значимые разоблачения, но и сомнительные штучки, которые он без зазрения совести получал от американских спецслужб.

Когда Генри Киссинджер потребовал перевернуть все вверх дном, чтобы узнать, кто помог Андерсону получить секретные протоколы, задание досталось двум сыщикам — Дэвиду Янгу, молодому юристу, в недалеком прошлом помощнику по особым поручениям Киссинджера (в тот момент он был одним из руководителей так называемых «ремонтников»— подразделения специальных расследований при Белом доме), и Дональду Стюарту, стоявшему во главе военной следственной службы при Пентагоне. Янг и Стюарт вели отдельные расследования, но временами они объединяли усилия.

Видимо, не допуская мысли, что Рэдфорд проговорится о краже секретных бумаг для КНШ, адмирал Роберт Уэландер указал Янгу и Стюарту на писаря как на вероятного сообщника Джека Андерсона. Писаря отстранили от дел в Белом доме, препроводили в Пентагон. Там Стюарт подверг писаря весьма пристрастным допросам, в ход был пущен полиграф — детектор лжи. Рэдфорд отрицал, что он передавал секретные документы Андерсону, хотя признал, что водил с журналистом знакомство домами.

Настойчивость Стюарта и Янга тем не менее окупилась. Рэдфорд потряс их рассказом про то, как он снабжал адмиралов Уэландера и Мурера тем, что им не положено было знать.

* Авторами романа были американские журналисты Флетчер Нибел и Чарльз Бейли. На русском языке роман выпущен Воениздатом.

Окончание. См. «Огонек» №№ 17—19.

ГОСПОДИН ПРЕЗИДЕНТ, ЭТО ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНО!

21 декабря Джон Эрлихман на основе доклада Янга поставил в известность Никсона и специально приглашенных министра юстиции Дж. Митчела и руководителя штата сотрудников Белого дома Г. Холдемана о военном шпионаже в Белом доме в течение 1970 и 1971 годов. Это был из ряда вон выходящий рождественский подарок. Но глава правительства отнесся к сенсационной информации внешне пассивно и по-философски спокойно.

Осторожность особенно заметно проступала на фоне событий полугодовой давности, когда президент принял чересчур близко к сердцу похищение и публикацию «Документов Пентагона» — специального секретного архива, относящегося к «Истории процесса принятия решений Соединенными Штатами по Вьетнаму» в 1945—1967 годах.

Но теперь президент был спокоен, он приказал поговорить с адмиралом Уэландером, из которого Стюарт успел уже выбить признание. Эрлихман запросил разрешения вызвать адмирала Рембрандта Робинсона из района боевых действий во Вьетнаме. Ему это разрешили, и Робинсон появился в Вашингтоне под самый Новый год, 27 декабря.

23 декабря Эрлихман и Янг пригласили в кабинет Эрлихмана адмирала Уэландера. Они подготовили короткое письменное признание и предложили адмиралу подписать его. Тот отказался, но согласился отвечать на вопросы перед микрофоном. Адмирал сознался во всем, но возложил первородную вину на Робинсона. Сразу же Эрлихман проследовал в Овальный кабинет, где та же тройка выслушала новый доклад.

Митчелу очень импонировал бравый адмирал, доктор права Мурер, и министр юстиции не хотел слышать о возбуждении дела против него. По этой причине Никсон направил объясняться с председателем КНШ именно Митчела. Адмирал отрицал абсолютно все, он не знал, как доставались ему документы Белого дома. Ложь была на руку Белому дому. Предупрежденный Мурером адмирал Робинсон по прибытии в Вашингтон также все отрицал. Эрлихман спросил Робинсона, как он может объяснить полное несовпадение его ответов с заявлениями Рэдфорда и Уэландера. «Я не знаю, как это объяснить»,— потупив глаза, ответил Робинсон.

Не так много людей знало тогда о горящих угольках феноменального скандала. Стюарт, знавший все, был уверен, что Мурер, Уэландер, Робинсон, Рэдфорд и другие предстанут перед судом военного трибунала и понесут суровое наказание. За это его вскоре вышибли из министерства обороны.

Примерно в унисон со Стюартом мыслил Киссинджер. Пока длилось следствие, Киссинджер ничего не знал об адмиральском сговоре. Наконец, во второй половине дня 23 декабря Никсон направил к нему Эрлихмана и Холдемана. Генри поначалу реагировал флегматично. Он лишь сказал, что военный отдел связи должен быть немедленно закрыт. Он сделал это вечером того же дня, выгнав из комнаты 376-А правительственного административного здания связников КНШ вместе с Уэландером. На следующее утро он попросил проиграть для себя и Хейга пленку с показаниями Уэландера. После того как он прослушал рассказ адмирала, Генри «завелся».

— Он (Никсон) не прогоняет Мурера! Они (военные) могут шпионить за ним и шпионить за мной и предавать нас, а он не вышвырнет их! Нет оснований думать, что он уволит Мурера! Я заверяю тебя (Хейга.— **Прим. авт.**), что вся эта терпимость будет иметь очень серьезные последствия для этой администрации.

В общем, Киссинджер как в воду глядел, и он счел нужным поведать свои дурные предчувствия непосредственно Никсону.

— Я скажу вам, господин президент, это очень серьезно! Мы не сможем выжить, имея внутренние слабости, свидетелями которых мы являемся!

Ну и что же Никсон? Никсон, согласно Эрлихману, счел, что у Киссинджера сильно сдали нервы.

Но все кое-как улеглось. Киссинджер вновь завоевал доверие Овального кабинета. Уэландер получил назначение командовать флотилией эсминцев, Рэдфорду дали неплохой штабной пост на западном побережье Америки. А другой вашингтонский «макрекер», С. Херш, сделал неожиданный вывод из случившегося.

— Решение Никсона не наказывать писаря Рэдфорда или адмиралов за их шпионаж,— сказал он,— было не только политически целесообразно, но и дало краткосрочную выгоду: усилило контроль над адмиралом Мурером и комитетом начальников штабов. Предстояли переговоры в верхах в Пекине и Москве, уступки по Тайваню и одобрение Договора ОСВ-1, и президенту нужна была твердая поддержка со стороны военных.

Мурер был выдвинут на второй (двухлетний) срок в качестве председателя КНШ. Когда Эрлихмана спросили, почему запятнавший себя Мурер вновь получил назначение, тот ответил:

— После всего происшедшего адмирал слегка обмяк.

Все это, однако, выглядело хорошей миной при плохой игре. Никсон знал военных не хуже, чем Джон Кеннеди.

Если бы Никсон передвинул Мурера, назвал те «пять дюжин» высших военных чинов, которые читали ворованные бумаги, «медные каски», как полагал президент, превратились бы в непредсказуемую оппозицию. Даже если бы они не парализовали деятельность 37-го президента, они помогли бы другу Мурера алабамскому губернатору Джорджу Уоллесу захватить, по мнению президента, солидный блок избирателей никсоновского лагеря и испортить тому всю обедню на выборах 1972 года. Вот почему расследование «военной шпионской клики» было свернуто так же внезапно, как и начато. Военный корреспондент журнала «Ньюсуик», пробивной Ллойд Норман, пронюхавший что-то неладное в отношениях Белого дома с военной верхушкой, натыкался на глухую стену, где бы он ни зондировал. Другие журналисты ничего не знали. Кроме Джека Андерсона.

Трудно поверить в то, что Рэдфорд, если он снабдил Андерсона секретными протоколами и другими документами, не посмешил его «анекдотической» историей про то, как он переправил тысячи бесценных документов в пятиугольник министерства обороны на вирджинской стороне Потомака. И несомненно, опубликуй Андерсон «анекдотическую» историю в «Вашингтонской карусели», ее последствия были бы тяжелыми. Муреру и К° не удалось бы удержаться на своих местах. А если бы им удалось пережить публичный скандал, последствия ссоры с ними были бы непредсказуемыми.

МИСТИФИКАТОРЫ

Но Андерсон, видимо, хранил какие-то документальные свидетельства грабежа Белого дома «медными касками». У Никсона запросили разрешение на подслушивание телефонов Джека Андерсона, но президент, однако, отказался взять на себя такое решение. И все же Андерсон не был забыт. Независимо от Белого дома и не ставя его ни о чем в известность, войну «макрекеру» объявило Центральное разведывательное управление.

Управление безопасности ЦРУ разработало проект под кодовым названием «Болотная птица», ответственным за который был назначен отдел исследования безопасности во главе с генералом Полом Гэйнером. Команда слежки получила кодовое название «Сахар», начальник отряда сыщиков Джозеф Спир — «Шампанское». Трезвеннику Джеку Андерсону в насмешку присвоили кличку «Коньяк».

15 февраля 1972 года у особняка Андерсона позицию заняли 16 агентов, доставленных на 8 автомобилях. Цель операции «Болотная птица» состояла в том, чтобы установить «привычки, образ жизни и поведения» Андерсона и его помощников, чем они занимаются вне работы и т. д. Четырьмя годами позже, когда проект «Болотная птица» перестанет быть секретом, Андерсон возбудит судебное дело против экс-директора ЦРУ Ричарда Хелмса и других официальных лиц.

Вот тогда-то ЦРУ и отбросило белиберду насчет того, что его потянуло узнать привычки, образ жизни и поведения «макрекера». Защищаясь на суде, ЦРУ заявило, что оно «взяло Андерсона под колпак» и что это было продиктовано соображениями национальной безопасности, а в особенности тем, что с декабря 1971 года обозреватель печатал секретную информацию.

Как подчеркивают наиболее дотошные исследователи операции «Болотная птица», она была целиком на совести ЦРУ, а если говорить точнее, то Управления безопасности ЦРУ — одного из самых секретных подразделений контрразведки, которое вело тайную слежку за политической элитой. На директора Управления безопасности Говарда Осборна и генерала Гэйнора падает подозрение, что именно они помогли заварить кашу в мае — июне 1972 года в вашингтонском жилом комплексе «Уотергейт», что привело к вынужденной отставке Р. Никсона.

Но вернемся к Андерсону. На 17 марта 1972 года его пригласил на ленч директор ЦРУ Ричард Хелмс. Похоже, что Осборн и Гэйнор были застигнуты врасплох таким шагом их босса. Но для бывшего журналиста Хелмса встречи с вашингтонскими обозревателями были привычным делом: он внушал им свои идеи, вытягивал из них информацию. Осборн и Гэйнор не поставили в известность босса, что его и «Коньяка» будут подслушивать за едой в ресторанном зале Монтпельер гостиницы «Мэдисон» и снимать на кинопленку. Поводом для приглашения на ленч Андерсона явилось якобы стремление Хелмса отговорить журналиста от использования некоторых материалов в книге «Документы Андерсона». «Макрекер» только что подписал контракт с издательством «Рэндом хауз», книга должна была появиться через год. Помимо раскрытия того, как Генри Киссинджер «делает внешнюю политику Соединенных Штатов», она должна была содержать разоблачительные материалы, касающиеся республиканской и демократической партий США. Но, думается, что не выход через год книги привел директора ЦРУ в зал Монтпельер. О чем они говорили «без дураков», вряд ли кто-нибудь когда-нибудь узнает.

Андерсон — один из величайших вашингтонских мистификаторов. Под покровом недоброжелательного ворчания в адрес Белого дома, под налетом критики Никсона за его пропакистанскую позицию он мог добиваться тайных целей. Каких? Ну, например, раскрытия системы кражи военными из сейфов Никсона и Киссинджера политических планов экстремальной чувствительности.

Согласно гипотезе американских исследователей семи дней в декабре, Мурер делился этими секретами с кем-то в ЦРУ.

Если ЦРУ вкушало плоды усилий Рэдфорда или даже приплачивало ему потихоньку от адмиралов, то Хелмса не могло не интересовать, знал ли Андерсон, кто был тайным осведомителем Рэдфорда в ближайшем окружении президента. Через год начнет в полную силу раскручиваться уотергейтский скандал. Самую жалящую информацию из потайных глубин Белого дома будет давать Карлу Бернстайну и Бобу Вудворду из газеты «Вашингтон пост» отлично осведомленный человек по кличке «Глубокое горло». Существует подозрение, что «Глубокое горло» и осведомитель Рэдфорда — одно и то же лицо. Ранее предполагалось, что «Глубокое горло» работал только на ЦРУ и что поэтому уотергейтский скандал разжигался в основном молодчиками Хелмса. Если верна гипотеза, что вербовку «Глубокого горла» мог провести удалой писарь, значит, наряду с ЦРУ уотергейтский скандал разжигали Томас Мурер и К°. Иными словами, семь дней в декабре все же состоялись: бесшумный бескровный переворот.

Мистификатор Джек Андерсон заинтриговал своих коллег еще больше, когда и после встречи в зале Монтпельер он не использовал попавшие только к нему данные о готовившемся проникновении команды «ремонтников» в штаб демократической партии в «Уотергейте», а ведь нескольких строк в его ежедневном обзоре «Вашингтонская карусель» о планах «ремонтников» нанести визит в штаб-квартиру демократов было достаточно, чтобы планы полетели вверх тормашками, и тогда не было бы уотергейтского кризиса.

Нельзя, правда, полностью исключать, что мистификатор посылал сигнал Никсону окольным путем. Он фактически разоблачил одного из «ремонтников» — Говарда Ханта, который с помощью нечистых методов пытался замять историю покровительства министра юстиции

Митчела корпорации «Интернэйшнл телефоун энд телеграф» (ИТТ), предоставившей республиканской партии щедрый предвыборный взнос. Если верно, что серией очень колючих статей об ИТТ Джек предупреждал Никсона быть осторожнее с такими, как Хант, то так же верно, что Никсон пропустил предупреждения мимо ушей. Лишь позднее он узнает, что Хант работал более 20 лет в ЦРУ и не порвал свои связи с ЦРУ, чтобы получить место в Белом доме, но только в 80-х годах макрекеры установят, что в 1971—1972 годах, состоя в платежной ведомости «ремонтников» и располагая кабинетом в правительственном административном здании, Хант был солдатом Осборна и Гэйнора из Управления безопасности ЦРУ.

— О боже! — воскликнул перед своей смертью шеф вашингтонской охранки, директор Федерального бюро расследований Эдгар Гувер.— Он (Никсон) завел себе работничков — бывших сотрудников ЦРУ. Я бы, не задумываясь, вышиб их, если бы мне их подсунули. В один прекрасный день эта шайка устроит ему еще ту заварушку.

В мемуарах «Закат власти» правая рука президента Г. Холдеман пишет, что «ЦРУ как ведомство было враждебно к Никсону, который платил ему не менее пылкой неприязнью».

Проникшего в Белый дом лазутчика ЦРУ Говарда Ханта сравнивают с пентагоновцем Чарльзом Рэдфордом. Однако, как показали события, если Рэдфорд занимался в основном шпионажем, то Ханту вменялось в обязанность выполнение подрывных акций, грязных трюков.

Ровно через неделю после ленча Андерсона с Хелмсом в отеле Хей-Адамс, в двух шагах ходьбы от Белого дома, Говард Хант угощал своего напарника по команде «ремонтников», бывшего агента ФБР Гордона Лидди и доктора Эдварда Ганна, вышедшего якобы в отставку из ЦРУ. Обсуждались способы прикончить Джека Андерсона. Хант утверждает, что идею подал советник президента Чарльз Колсон, помогший Ханту устроиться на работу в Белом доме. Колсон же утверждает, что идея убить Дж. Андерсона целиком принадлежала Ханту и что, когда он услышал ее, у него волосы встали дыбом.

Рассматривался вариант инсценированного нападения на Андерсона грабителей и «убийство под шумок». Доктор Ганн подробно разобрал все «за» и «против» введения «макрекеру» сильной дозы ЛДС. Хант, Лидди, Колсон и другие решили состязаться с Андерсоном по части мистификации. Многим из их шагов в тот предуотергейтский период не найти логического объяснения.

ЦРУ ТУТ КАК ТУТ

Над президентом нависала грозная туча — специальная «уотергейтская» комиссия сената. Председателем комиссии был сенатор-демократ Сэм Эрвин (отсюда комиссия Эрвина), вице-председателем—сенатор-республиканец Говард Бейкер. В июле 1973 года Бейкер заметил пропуск параграфа в меморандуме Белого дома, касавшегося работы подразделения специальных расследований (ПСР), то есть «ремонтников». Юрисконсульты Белого дома в общих и туманных выражениях посвятили Бейкера и Эрвина в «неблагополучные» отношения, которые существовали между Киссинджером и КНШ. По их словам, это выражалось в соперничестве, секретности и краже.

Эрвин заявил, что его не касаются отношения между СНБ и КНШ. Подход достопочтенного Эрвина тоже можно назвать мистификацией, так как то, что он узнал о военном шпионаже, по государственным масштабам превосходило значимость взлома в «Уотергейте». Чтобы рассеять таинственность, сенатор Бейкер в октябре 1973 года задал президенту вопрос:

— Почему вы не возбудили дело против этих людей?

Президент оправдывался, что пришлось бы раскрыть секреты, содержавшиеся в тех бумагах, которые уходили в КНШ.

Попытку возбудить дело предпринял либеральный сенатор Гарольд Хьюз. В январе 1974 года он услышал показания в комиссии Эрвина «ремонтника» Дэвида Янга. Его спросили, чем занимались «ремонтники», из ответа явствовало, что не все их дела смахивали на «грязные трюки». Например, акция по расследованию Рэдфорда — Уэландера — Мурера... Сенатор Хьюз потребовал провести специальное расследование и разъяснить американской общественности, чем были вызваны разведывательные операции военных в Белом доме. Они напомнили ему, подчеркнул сенатор, «Семь дней в мае». Чувствуя, что дело может закончиться грандиозным разоблачением клики Мурера — Замуолта, председатель сенатской комиссии по делам вооруженных сил Джон Стеннис поспешил на выручку «медных касок».

Никсону было не до тяжбы с мурерами и замуолтами, он спасал свое президентство. Слушания в комиссии Стенниса, по меркам американского конгресса, были мимолетными — всего четыре дня. На них не вызвали Янга, Стюарта, Хейга и других знающих людей из СНБ и Пентагона. К тому часу «утеряли» все стенограммы допросов «героев» семи дней в декабре, а также донесений Янга и Стюарта. Адмирала Робинсона уже не было в живых, он разбился на вертолете во Вьетнаме.

Слушания проходили за закрытыми дверями, и выступления на них рассматривались как секретные. Кое-что о них рассказала «Нью-Йорк таймс». Два выступления представляли наибольший интерес: Киссинджера, ставшего к тому времени государственным секретарем в дополнение к должности помощника президента, и адмирала Мурера.

— Любая попытка,— указал Киссинджер,— передачи документов из моей канцелярии в канцелярию КНШ была бессмысленна. Таким образом, тот факт, что кто-то предпринимал усилия по несанкционированной передаче такой информации, не укладывался в мое сознание.

Киссинджер далее нашел в себе силы, чтобы, по существу, осудить действия военных шпионов — действия, которые «не должны были происходить и не должны быть терпимы».

— Я,— подчеркнул государственный секретарь,— не был причастен к решению свернуть расследование или выносить или не выносить порицание участникам (шпионажа).

Мурер как подлинный приверженец правопорядка, к чему обязывала его докторская степень в области юридических наук, припомнил Белому дому ни много ни мало, как... «обструкцию» расследования в декабре 1971 — январе 1972 года. Он уверял сенаторов, что настаивал на «полном расследовании всего дела в Белом доме», но что вышестоящее начальство не допустило этого. Он с наигранным негодованием говорил, что дважды пытался отдать под суд военного трибунала писаря ВМС Рэдфорда, но что в обоих случаях его «осадили гражданские власти». Когда корреспонденты услышали о мытарствах бедного адмирала — поборника справедливости, они поинтересовались у него, за что он хотел покарать писаря: за передачу (недоказанную) материалов Джеку Андерсону или за воровство (доказанное) для комитета начальников штабов. Адмирал предпочел не отвечать на неделикатный вопрос.

В поддержку Мурера выступил новый министр обороны, Джеймс Шлессинджер, заявивший, что, по его мнению, председатель КНШ «не знал (?!) о чрезмерных усилиях, которые применялись для сбора материала». Шлессинджер сделал любопытное признание. В общественных кругах Америки случившееся воспринимается как **военный заговор.** Картина военного заговора, образ военных заговорщиков захватили сознание общественности.

Шлессинджер пустился вытравливать из сознания среднего американца идеи военного заговора.

— Я не думаю,— сказал министр обороны корреспондентам,— что была шпионская клика или ситуация в стиле «Семь дней в мае». Я думаю, что все дело было раздуто...

Чтобы опорочить вывод Дэвида Янга в его докладе Эрлихману о наличии «военной шпионской клики», Шлессинджер напирал на то, что Янг был одним из «ремонтников», достаточно дискредитировавших себя, Белый дом и президента. Дескать, что можно взять с Янга!

О выступлении адмирала Уэландера в комиссии Стенниса журналист С. Херш писал: «Показания Уэландера в 1974 году были подготовлены очень тщательно; все заинтересованные дружно работали, чтобы обелить тех, кто нес ответственность за эпопею с Рэдфордом. Доналд Стюарт вспоминает, что он и Фред Бузхардт — тогдашний генеральный юрисконсульт Пентагона — интервьюировали Уэландера в декабре 1971 года и узнали много подробностей о роли адмирала Мурера в шпионаже. Уэландер страшился, что на его биографию осядет несмываемое пятно, и он был намного откровеннее в 1971 году в своей беседе с Эрлихманом. Теперь же он ни в чем не хотел признаваться».

В показаниях Рэдфорда перед сенаторами писарь ВМС повторил, что он пачками воровал документы, передавал их адмиралам Робинсону и Уэландеру для вручения адмиралу Муреру.

Эта торпеда слегка продырявила адмиральскую броню. Мурер и Уэландер признались, что они получили два (и все!) пакета незаконно добытых бумаг, включая записи Киссинджера о беседах с Чжоу Эньлаем.

Перед телевизионными камерами Мурер оправдывал свои действия очень просто: если он и виновен, то виновен лишь в допущенном им «ошибочном суждении». Дескать, заблудился в собственных мыслях.

Спектакль слушаний в сенатской комиссии по делам вооруженных сил вызвал немало скептических комментариев.

— Вся эта причудливая, но в основном подлинная история поднимает кучу тревожных вопросов,— писал журнал «Тайм».— Почему военные должны были прибегнуть к шпионажу, чтобы получать информацию, которая, как они утверждают, жизненно необходима для обороны страны? Не совал ли Пентагон нос в дела, которые его не касались? Не замышляли ли некоторые военачальники заговора? Как оказалось, история с Пентагоном, нацелившимся против Белого дома, была не совсем «Семью днями в мае», но она вылилась в несколько тревожных дней в декабре. Дав разрешение на тайное наблюдение за Белым домом, отрицая поначалу все и, наконец, признав соучастие в преступном деле, американская военная каста попала в неприглядное положение.

Язвительную передовую «Писарь и адмирал» опубликовала газета «Нью-Йорк таймс». В ней говорилось:

— Миллионы американцев, прошедших службу в вооруженных силах, не поверят своим ушам, если они познакомятся с показаниями Томаса Х. Мурера — председателя комитета начальников штабов, что писарь ВМС первого класса Чарльз Е. Рэдфорд, действуя по собственной инициативе, собирал секретные бумаги в Белом доме для тайной передачи высшим «медным каскам» Пентагона.

Таких вещей просто не бывает. Если же они бывают, то, разумеется, лишь на суше — в водевилях из жизни военных. Рядовые военнослужащие не берут на себя решение вопроса о том, вступать ли им на путь несанкционированных вылазок против Белого дома. Они также не вваливаются к адмиралам с секретными трофеями.

И тем не менее именно это, уверяет нас адмирал Мурер, имело место в странной истории с военно-морским писарем Рэдфордом. Хотят, чтобы конгресс и американская общественность поверили в то, что рядовой клерк ВМС коллекционировал важнейшие документы Белого дома без приказов своего начальства. Более того, безымянные гражданские власти, согласно данной версии событий, отговорили адмирала от принятия каких-либо дисциплинарных акций против писаря Рэдфорда в 1971 году, когда будто бы несанкционированные действия последнего стали известны высокому военному начальству. Но дело даже не в тех нелепых объяснениях, которые предлагает Мурер. Военный шпионаж представляет угрозу гражданскому контролю над вооруженными силами.

Автор передовой статьи в газете «Нью-Йорк таймс» высказал еще одно существенное соображение — внутреннюю логическую связь между семью днями в декабре и начавшимся через полгода уотергейтским кризисом.

Да, семь дней в декабре сыграли большую психологическую роль в насыщении Белого дома политическим динамитом, чем занимались лазутчики из Лэнгли. Они хотели превратить жизнь в Белом доме в существование на вулкане. Надвигались события, которые в известной мере вырастали на почве безнаказанности Мурера.

Эпопея, увенчавшаяся декабрьским кризисом

1971 года, страдает до сих пор многими пробелами. Очень, очень многое неизвестно. Лишь в середине 80-х годов наконец сквозь пелену истории пробился очевидный и абсолютно логичный факт: как и Генри Киссинджер, президент Никсон клокотал от ярости в рождественские дни 1971 года. Но актерский талант помог Ричарду Никсону скрыть тогда свои чувства. По-видимому, он даже переиграл, ибо оставленное им впечатление безразличия, робости перед «медными касками» развязывало руки директору ЦРУ Ричарду Хелмсу, приступавшему к тайной войне против Никсона. Пассивность президента придала Хелмсу смелости в интригах против Белого дома. В этом и была главная пунктирная линия между Мурером и Хелмсом, между семью днями в декабре и уотергейтским скандалом: единый фронт Пентагона и ЦРУ в закулисной жесткой борьбе против политики разрядки международной напряженности.

В логове «рыцарей плаща и кинжала» Лэнгли был подготовлен серьезный план срыва политики разрядки. Первой фазой его явилось представление в Белый дом аналитической записки, в которую были вложены данные не только ЦРУ, но и — для вящей объективности — Бритиш интеллидженс сервис (СИС). Английская разведка облагодетельствовала своих американских партнеров явно крапленой картой. Она квалифицировала «разрядку как тактический прием» Советского Союза и других социалистических стран, призванный «усыпить» бдительность Запада и воспользоваться этим в целях распространения своего «господства». Нужно сказать, что составители сей стряпни были недовольны, когда Никсон не прореагировал на нее.

ЦРУ подыгрывало военным в вопросе о создании противоракетной обороны. Как-то мимо Хелмса проскочил проект национальной разведывательной оценки советских стратегических программ и возможностей за 1969 год, который был подготовлен Советом национальных оценок при ЦРУ. В нем содержался вывод, что «Советы не добиваются стратегического превосходства». Хелмс вместе с Лэйрдом «забодали» проект, заставили «гордых» аналитиков повернуть вывод на 180 градусов и тем самым дать козырь в руки сторонникам ПРО.

Нужно сказать, что «преторианская гвардия» Хелмса в ЦРУ испытывала аллергию к политике разрядки еще со времен Дж. Кеннеди. На этот счет собраны убедительные факты, и одной из причин убийства Дж. Кеннеди, как подчеркивал новоорлеанский прокурор Дж. Гаррисон, в известной мере была реакция бешеных на попытки президента после заключения Московского договора о частичном запрещении ядерных испытаний (1963 год) продолжить процесс нормализации советско-американских отношений.

Используя обстоятельства и ведя интриги, Хелмс пустился в сложнейшие паучьи комбинации, чтобы вбить клин между Белым домом и Пентагоном либо спровоцировать комитет начальников штабов на выступление против указанных договоров. Усиление паучьей возни всегда ведет к появлению путчистских настроений, и длинная тень «Семи дней в мае» была вовсе не призраком, померещившимся авторам редакционных статей и сенатору Говарду Хьюзу.

Не может быть сомнения, что семь дней в декабре просвечивали попыткой не допустить заключения соглашений 70-х годов между СССР и США.

Но расстановка сил в Вашингтоне в конце 1971 года складывалась не в пользу противников разрядки. Близилось подписание Договора между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны и Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений.

Американские публицисты называют иронией судьбы то, что Никсон — соперник Дж. Кеннеди, и, казалось, непримиримый соперник, проигравший ему схватку за Белый дом в начале 60-х годов, претворил в жизнь те идеи разрядки, которые выдвигал Дж. Кеннеди. Но это было лишь признанием объективной закономерности — военно-стратегического равновесия, лежавшего в основе процесса разрядки международной напряженности. Она назрела, настоятельно стучалась в дверь. Переход СССР и США от конфронтации к отношениям мирного сосуществования и сотрудничества давал народам надежду на то, что ослабление международной напряженности приведет к прочному и длительному миру.

ГИПНОТИЗЕРЫ ИЗ КНШ

Никсон очень вскользь касается в своих мемуарах драматических событий, связанных с войной против него «медных касок». К сути дела подходит Томас Этцолд, профессор стратегии военно-морского колледжа США, в написанной им толстенной книге «Оборона или иллюзия».

«После второй мировой войны,— поясняет профессор,— комитет начальников штабов упорно выступал против переговоров о контроле над вооружениями и самого контроля, когда достигнута договоренность. КНШ решительно настроен в пользу гонки ядерного оружия, считая, что она лучше служит американским интересам, намного лучше, нежели несовершенный контроль над ядерным оружием. В 70-е годы в разгар переговоров об ограничении стратегических вооружений КНШ придерживался четкой линии — не выступать с предложениями относительно контроля над вооружениями. В результате — и мемуары командующего ВМС Э. Замуолта убедительно это подтверждают — высшие военные лидеры стояли в выжидательной позе в стороне, устраняясь от важных стратегических начинаний в сфере контроля над вооружениями».

Написано по-профессорски мягко и тонко: КНШ, мол, деликатно бойкотирует все советско-американские переговоры об ОСВ, считая, что американцам полезнее для улучшения пищеварения одно блюдо — ядерное оружие. Этцолд рисует картину высшего военного органа империалистической Америки, гипнотизирующего администрацию с тем, чтобы у нее была летаргия в вопросах разоружения.

Все это так. Но когда произошла активизация никсоновского Белого дома по всем близким сердцу КНШ проблемам, тогда у военных чинов Пентагона зародились планы не только «гипнотизирующего» свойства. И если какой-то писарь счел нужным рассказать об этом великому «макрекеру» и тот, возможно, даже знал точный день начала операции «Семь дней в декабре», то тогда понятным становится и желание кое-кого отправить великого мистификатора на тот свет. Собственно, это детективная гипотеза, но она ложится на трактат профессора стратегии.

* * *

В Никсоне соседствовали и соседствуют рядом реалист и «ястреб», такое политическое сосуществование порождало зигзаги в практической линии его правительства. Но в ряде ответственных моментов истории 70-х годов Никсон смог подняться выше обычного уровня империалистического политика, живущего на дивидендах антикоммунизма и антисоветизма.

После подписания в мае 1972 года в Москве советско-американских соглашений об ограничении стратегических вооружений и других важных соглашений и документов Никсон, как явствует из его мемуаров, заявил советским руководителям, что «ни втайне, ни открыто», он «не будет предпринимать шаги, направленные против интересов Советского Союза». Это была мудрая и реалистичная позиция в наш ядерный век!

ОТ РЕДАКЦИИ. События, затронутые в опубликованном очерке, глубоко волнуют нашего современника. Многие из событий первой половины 70-х годов вдохнули в людей надежду на то, что удастся предотвратить ядерную войну. В речи на мартовском Пленуме 1985 года Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ М. С. Горбачев заявил: «Мы ценим успехи разрядки международной напряженности, достигнутые в 70-е годы, и готовы участвовать в продолжении процесса налаживания мирного, взаимовыгодного сотрудничества между государствами на началах равноправия, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела. Новыми шагами в этом направлении можно было бы достойно отметить сорокалетие Великой Победы над гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом».

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Горькая весть пришла накануне праздничных дней — нет больше Бориса Привалова.

Не стало неугомонного в делах, вечно подвижного, остроумного и жизнелюбивого человека, постоянного автора «Огонька», успешно работавшего почти во всех жанрах художественного творчества. Наша литература потеряла юмориста, прозаика, драматурга, сценариста, носившего звания лауреата многочисленных отечественных и зарубежных конкурсов и фестивалей сатиры и юмора.

Мы, огоньковцы, потеряли еще и прекрасного товарища, отзывчивого человека, готового прийти на помощь и прежде всего выслушать, что дано только людям большой души. Он никогда не хвастался своими успехами, был скромен и вообще скуп на слова о самом себе. Только из редких издательских биографий, предваряющих некоторые его книги, вырисовывался жизненный и творческий путь писателя.

Борис Авксентьевич Привалов родился 29 февраля 1924 года, в годы Великой Отечественной войны был военным корреспондентом, работал во Всесоюзном радиокомитете. Окончив Литературный институт имени А. М. Горького, он стал профессиональным литератором, членом трех творческих Союзов — писателей, журналистов и кинематографистов.

Свыше 60 книг Бориса Привалова издано в СССР и за рубежом, последняя — сборник юмористических рассказов — вышла в издательстве «Правда» в серии «Библиотека «Огонек». Борис Привалов был исследователем и признанным знатоком юмористического и сатирического фольклора народов СССР. Немало юмористов пришло со своим творчеством к всесоюзному читателю после мастерских переводов, выполненных Приваловым.

Этот веселый человек умел веселиться и заражать весельем других, умел ободрять в трудные минуты. Так и кажется, что вот-вот распахнется дверь, на пороге появится он, крупный, улыбающийся, в сером костюме, в очках с толстыми линзами, в глазах смешинки, и с ходу спросит: «Старик, а ты читал... а ты знаешь..?» — И потечет удивительная беседа. Ведь он внимал всему, любил делиться новостями, сам был жаден до них и, кажется, знал все.

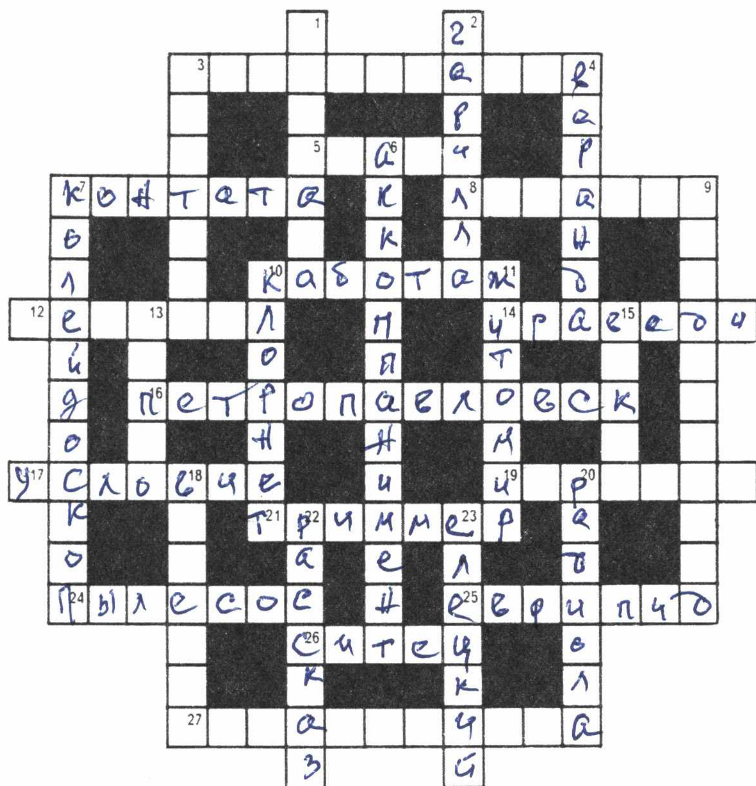
Но не распахнется дверь, не войдет Борис Привалов...

И все равно он будет всегда жив в памяти тех, кто встречался с ним, радовался общению с ним, его особой манере рассказывать с неизменной доброжелательностью и искренним желанием доставить удовольствие собеседнику.

Он с нами — в его книгах и наших воспоминаниях.

ОГОНЬКОВЦЫ

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Русский график, мастер резцовой гравюры с офортом. 5. Персидский писатель и мыслитель XIII века. 7. Вокально-инструментальное произведение. 8. Действующее лицо пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». 10. Судоходство между портами одной страны. 12. Ледник на склоне Эльбруса. 14. Река в Бирме. 16. Областной центр в Казахстане. 17. Требование или предложение одной из договаривающихся сторон. 19. Керамическая плитка. 21. Подвижная часть руля самолета. 24. Предмет домашнего обихода. 25. Древнегреческий драматург. 26. Хлопчатобумажная ткань. 27. Туркменская певица, народная артистка СССР.

По вертикали: 1. Растение тропической зоны Америки. 2. Человекообразная обезьяна. 3. Художественный прием в литературе, искусстве. 4. Пристройка возле дома, терраса. 6. Музыкальное сопровождение сольной партии. 7. Оптический прибор, игрушка. 9. Шведский исследователь Арктики. 10. Духовой музыкальный инструмент. 11. Областной центр на Украине. 13. Движитель ракет и реактивных самолетов. 15. Денежная единица Древней Руси. 18. Приток Северной Двины. 20. Аппарат, объединяющий приемник и проигрыватель. 22. Небольшое литературное произведение. 23. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали: 1. Миролюбие. 8. Подкумок. 10. Гвардеец. 11. Атака. 12. Авангард. 13. Еременко. 14. Актив. 15. Герб. 19. Ржев. 21. Храбрость. 22. Кольцова. 23. Лигатура. 25. Берггольц. 26. Стяг. 28. Парк. 30. Фланг. 32. Каприччо. 33. Единство. 34. Смотр. 35. Горельеф. 36. Мемориал. 37. Котельный.

По вертикали: 2. Ронада. 3. Бугаев. 4. Подвиг. 5. Мургаб. 6. Пример. 7. Мешков. 9. Кантария. 16. «Революция». 17. Прокофьев. 18. Стокгольм. 20. Жемчужина. 24. Богданов. 26. Статор. 27. Гризли. 28. Понтон. 29. Ковпак. 30. Фосфат. 31. Герман.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Память вечная...
Фото Ю. МУРАВИНА (Владивосток)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Снимки эти сделаны в разное время года в теплицах Колымского совхоза «Энергетик» — неподалеку от полюса холода. Щедрыми гроздьями одаривает северян виноград, вызревают арбузы и дыни. Ребятам в детский сад и школу, в магазины Мяунджи и соседних поселков отсюда поставляют огурцы, помидоры и другую зелень. Пока под «солнечным» цехом совхоза четыре гектара, в перспективе он займет впятеро больше.
Фото М. ЮРЬЕВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 17.04.85. Подписано к печати 5.05.85. А 00354. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 560 000 экз. Изд. № 1310. Заказ № 584.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП. Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото Д. ДЕБАБОВА

В Москве, в сквере у Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева, торжественно открыта скульптурная композиция «Андрей Рублев». Руководствуясь основными установками ленинского плана монументальной пропаганды, авторы памятника — народный художник РСФСР О. К. Комов и заслуженный архитектор РСФСР В. А. Нестеров при участии Н. И. Комовой увековечили для потомков образ великого мастера русского искусства, чье имя вписано в золотой фонд созданий человеческого гения. Об отражении исторической темы в творчестве скульптора О. К. Комова, о его новом монументе рассказывает заслуженный деятель искусств РСФСР Савелий ЯМЩИКОВ.

Исследуя и описывая творения мастеров давно минувших эпох и столетий, нередко ощущаешь желание непосредствен н ого общения с создателями изучаемых произведений. Несмотря на заведомую неосуществимость самой мысли прокатиться на машине времени в прошлое, желание это тем сильнее, чем больше ты увлечен искусством старых мастеров. Но остается только завидовать современникам, созерцавшим и слушавшим строителей псковских и новгородских храмов, наблюдавшим, как работает на лесах Спасской церкви Феофан Грек, или прогуливавшимся по волжской набережной Ярославля вместе с авторами замечательных портретов, написанных в XVIII или XIX веке...

На большую персональную выставку О. К. Комова, которая столь полной предстала в залах Академии художеств СССР в Москве, я пришел не по Кропоткинской улице. Маршруты, пролегавшие через самые различные города России, не раз дарили мне возможность посмотреть на местах дело комовских рук. В одном только Калинине и близлежащих к нему местах и городах всего за шесть лет скульптор сумел установить пять памятников великим сынам Отечества, славным деятелям русской культуры и литературы. Пушкин в Калинине и Болдине, Репин на «Академической даче», Венецианов в Вышнем Волочке и Салтыков-Щедрин в Калинине — при всем многообразии скульптурных средств и самостоятельности пластических решений эти памятники роднит беззаветная преданность идеалам русского классического ваяния, стремление к чистоте формы и строгости стиля.

Мы всегда настороженно относимся к проектам памятников, которые должны быть установлены в исторических местах, чей образ сложился, кажется, раз и навсегда и любая новация может разрушить привычную для глаз и полюбившуюся панораму. Испытывал и я такое волнение, когда узнал, что в сквере на площади Коммуны будет установлен памятник Суворову работы Комова. А вот совсем недавно, проходя по этой площади, невольно поймал себя на мысли, что уже и не представляю один из дорогих сердцу московских уголков без фигуры великого полководца, так закономерно и ненавязчиво вписавшейся в сквер перед Центральным театром Советской Армии.

А за памятник Пушкину с няней Ариной Родионовной псковичи должны испытывать чувство глубокой благодарности к московскому скульптору. Я бываю в Пскове наездами, хотя и регулярно, вот уже четверть века. И наконец в прошлом году пушкинский сад приобрел вид, соответствующий его назначению. На месте доморощенного танцевального зала словно по мановению волшебной палочки возник мемориал, проникнутый подлинным настроением пушкинской эпохи. Комплекс отличают академическая скромность, завершенность и классическая стройность замысла. Памятник не соперничает с архитектурными шедеврами древнего Пскова, а деликатно вписывается в исторический ландшафт города-музея.

Комов умеет быть истинным историком, оставаясь человеком современным, живо реагирующим на самые злободневные события. Реагирующим не на словах, а мгновенно запечатлевая их в карандаше, мраморе и бронзе. Особенно ярко этот современный историзм дает с себе знать в многие годы создававшемся талантливым скульптором и наконец представшем перед современниками образе прославленного русского живописца Андрея Рублева.

Москва давно ждала открытия этого памятника. В 1947 году специальным решением был утвержден Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева, а в 1960 году, когда по решению ЮНЕСКО во всем мире широко отмечался 600-летний юбилей великого художника, Спасо-Андроников монастырь принял первых посетителей открывшегося на его территории музея. Все здесь напоминает о далеких временах, в которые Андрей Рублев «со товарищи» создавали свои нетленные шедевры. Он видел, как зодчие возводили в центре монастыря Спасский собор, где по сей день сохранились остатки росписей, над чьим написанием трудились художники из мастерской Андрея Рублева. Здесь он мог встречаться с Сергием Радонежским, Дмитрием Донским и другими политическими и культурными деятелями Руси. Здесь же, рядом со стенами Спасского собора, погребли прах талантливого живописца. И потому именно в этот связанный с жизнью и творчеством Рублева ансамбль было решено включить памятник мастеру.

Скульптор и архитекторы удачно выбрали место для установки монумента. Расположенный при входе в зеленый сквер, на фоне монастырских стен и башен, он как бы связывает день нынешний с веками минувшими и напоминает современникам о величии и гении предков, не нарушая гармонии между природой и древней архитектурой. Тактичная соразмерность нового со старым, художественный вкус и профессиональная интуиция позволили и на сей раз О. Комову создать запоминающийся и значительный скульптурный образ одного из крупнейших представителей русской культуры.

Период национального возрождения, связанный с возникновением и развитием централизованного Русского государства и отмеченный важнейшим для судеб народа историческим событием — победой над ненавистной Ордой на Куликовом поле, отличался поразительным расцветом культуры, духовной активностью ярких представителей молодой Московской державы.

Живопись той героической эпохи отчетливо доказывает, насколько глубоким, мощным был процесс возрождения Руси. Феофан Грек, Андрей Рублев, Дионисий встали в один ряд с самыми выдающимися художниками всех времен и народов. И особенно знаменательно, что через несколько столетий, в дни, когда весь мир празднует Великую Победу, у стен Андроникова монастыря, откуда отправлялись полки Дмитрия Донского на Куликово поле, благодарные потомки воздают заслуженную почесть великому соотечественнику, чье мирное творчество так много помогло проявлению национального патриотизма и народного мужества.

ОТ БЛАГОДАРНЫХ ПОТОМКОВ

Спасо-Преображенский собор, у стен которого погребен Андрей Рублев.

В залах Музея имени Андрея Рублева.

Памятник Андрею Рублеву.

Спасо-Андроников монастырь.

ISSN 0131—[illegible]7
Цена номера 40 коп
Индекс 70663